

С А Г А

ОДЕССКАЯ САГА

ЮЛИЯ ВЕРБА

О
Д
Е
С
С
А

ТРОЕТОЧИЕ

Юлия Верба

Одесская сага. Троекотие...

*Моей бесконечно любимой и родной
молдаванской семье.*

Вы всегда со мной!

*Спасибо моим консультантам:
Александру Крылову
Валерию Звереву
Александру Калиниченко*

© Ю. А. Верба, 2021

© М. С. Мендор, художественное оформление, 2021

© Издательство «Фолио», марка серии, 2019

1962

Доигралась

Ксения потеряла виски и затылок. Глаза от бесконечных цифр уже слипались, страшно гудела голова – как будто ее зажали в тиски и все закручивали и закручивали винт. Но она почти уже закончила. Налила себе еще немного коньяка в тяжелую рюмку.

Младшая из сестер Беззуб пошевелит отеками от ночного сидения пальцами ног, несколько раз хлопнет со всей дури себя по щекам и запьет коньяк остывшим чаем. А дальше едва успеет отклониться от стола, чтобы не забрызгать только что выправленные бумаги.

Ее безудержно рвало прямо на пол в кабинете начальника промтоварной базы. В глазах потемнело, голова кружилась, тошнота бесконечно подкатывала новой волной, руки тряслись... Чтобы не упасть, Ксения изо всех сил уцепилась одной рукой за стол, а второй – за спинку стула.

«Отравили или залетела?» – мелькнуло у нее в голове.

После того как рвота закончится, ей станет чуть легче, но металлические тиски на голове снова начнут затягиваться. Придерживаясь за дверь, она разбудит спящего в кабинете несчастного начальника:

– Мне плохо. Там... в кабинете... я, кажется, испортила вам стул... На столе бумаги и чернила. Я прилягу, тащите их сюда, я покажу, что подписать... и дайте ведро...

Она снова вырвет. Потом выпьет воды и, растирая руками виски, слабо произнесет:

– Порванные бумаги в корзине унесите с собой. Сожжете. А меня доведите до Еврейской...

Ксения буквально вползет в приемное отделение. Между приступами рвоты она спросит у дежурного врача:

– Может, я беременная?

– В сорок семь? Очень, хм, оптимистично. Это приступ гипертонии, голубушка. В вашем возрасте и при вашей комплекции, да и, – врач потянет носом на Ксенино коньячное дыхание, – при употреблении крепких напитков – обычное дело. Беременность! Надо же, какое самомнение у мадам! Можно позавидовать!

Ксене уколнут магнезию, и боль станет отступать. Она поднимется:

– Я домой.

– Какое «домой»? Во-первых, понаблюдаться, во-вторых, как минимум, выспаться.

– Какое выспаться? У меня работа через два часа. У меня прием товара.

– Вы свое на сегодня уже приняли. Спать сейчас же! Или мне вам еще снотворного вкатить?

Доктор заглянул в карман, куда Ксения опустила червонец: – Да, на снотворное тоже хватит.

– Мужу хоть можно сообщить?

– Сообщим, не волнуйтесь.

Панков примчится. Раздаст всем медсестрам команд и денег, перешугает баб в палате и наотрез откажется везти Ксаночку домой.

– Только уход и присмотр. И спать. Ты себя загнала! А я позволил! Никаких ночных смен. Все. Лавочка закрыта. Ты мне дороже.

Потом он присядет на край скрипучей кровати.

– Встань – мы сейчас ее провалим. Эта панцирная сетка меня с трудом держит, – улыбнулась бледная Ксения.

Панков оглянется на соседок по палате, те шмыгнут в коридор, а он опустится на колени и шепотом спросит:

– Ксаночка, честно. Что ты чувствовала? Тебя не могли отравить? Ты очень бледная.

– Я сама открыла коньяк. Зачем меня травить, если я его шкуру спасаю, тем более, что деньги я всегда беру вперед и не у них в кабинетах.

– А если подстава? И тебя так убрать решили?

– И столько хищений на одной базе за три года ради меня организовали? Не дуй на воду, Илья, – слабо улыбнулась Ксения.

– Я проверю.

– Не лезь туда. Там и без тебя не сегодня-завтра проверяющие наедут. Тем более я отомстила – испортила ему рабочее кресло.

– Я ему все испорчу – и морду, и работу, и жизнь! – воскликнул Панков.

– Успокойся. Я просто устала. Доктор прав. Возраст, перегрузки, чифирь...

– Коньяк, – огорченно продолжил Панков.

– Коньяк не трожь. Вон покойная наша полуродственница, Женькина свекровь, мадам Гордеева, которая всю Молдаванку лечила, считала, что коньяк – лучшее средство для сосудов. Сосудозвужуюче-сосудозширюече. Хотя сама спирт предпочитала.

– Все, – Панков целовал ее руки, – все, хватит. Покой. Санаторий, самый лучший, крымский. Питание, сон, прогулки... Ну и коньяк...

– Только с тобой.

– Та ладно, – расцвел Панков. – Не узнаю тебя. Что значит «с тобой»? А в лавке кто останется? Вон сезон на носу...

* * *

Людка стояла, опустив руки, и смотрела на рухнувшего отчима. Нила своим знаменитым сопрано визжала так, что из дальней спальни выскочила даже ее мать Евгения Ивановна Косько в байковой ночной сорочке. Женя включила люстру.

Нила заморгала от яркого света и наконец перестала вопить. Возле ног лицом вниз лежал Пава. И не шевелился.

– Сдох? – невозмутимо спросила Женя.

– Надеюсь, – не отрывая взгляда от тела, задумчиво ответила Людка.

Нилка размазывала по лицу сопли вперемешку с кровью от разбитого носа:

– Дочечка, ты чего, ты как? Как же это? Пава, Павочка, ты меня слышишь? – Она трясущейся рукой потрогала мужа за плечо. Тот не двигался.

– Убила, – обреченно прошептала Нила и уже беззвучно заплакала: – Что же будет? Что с нами будет?

– Тишина и покой, – отозвалась Людка и наклонилась: – Я ж его не рубанула, а так, обухом.

– Доченька, тебя же посадят!

– Зато вы будете жить спокойно. А меня надолго не посадят. Я несовершеннолетняя.

Женя, которая давно абстрагировалась от всех семейных проблем и бед своей никчемной дочери, ее павлина-алкаша и нагулянной внучки, с интересом смотрела на Люду. А девчонка-то наша. Ничего, что в эту рыбью немецкую Петькину породу. Вон топором этого идиота уделала, не побоялась. И стоит в любимой ее позе – рука в бедро, нос задран.

Но умиление и родственные чувства у Жени долго не длились.

Она брезгливо поморщилась:

– Людка, пульс у него потрогай.

– Я не буду его трогать, – отрезала Люда.

Нила бросилась щупать шею Паве:

– Вроде есть пульс... или нет... Я не понимаю. Мама, посмотри!

– И не подумаю.

Вдруг Пава негромко застонал.

– Живой! – обрадовалась Нила и, став на колени, попыталась перевернуть мужа.

– Жалко, – бросила Людка.

Она присядет и посмотрит в мутные полуприкрытые глаза отчима. Потом аккуратно постучит рукояткой топора ему в лоб:

– Эй, тук-тук! Слышишь меня? Еще раз маму тронешь, и я тебя не пожалею. Ночью спящего убью. Понял? И не топором, а просто шило в ухо воткну.

Павлик стонал и непонимающе хлопал глазами – то ли все еще в хмельном угаре, то ли не оправившись после удара.

В общем, Людка в последний момент струхнула и двинула его обухом как раз за ухо, в область рауш-наркоза.

Павлик все услышит и запомнит. Побои прекратятся, но каждый день двор будет слышать его вечернюю матерную мантру, когда, добив бутылку, он будет долго и смачно проклинать на все лады неблагодарную горбатую приживалку. Пава точно знал, какое слово ранит ее больше всего.

У Людочки был сколиоз. При ее худобе очень заметный. Вся левая половина спины выпирала и уходила чуть вбок. Из-за этого его падчерица даже вылетела из престижной школы.

Ксения Ивановна, узнав, что Людочка учится в английской спецшколе, сначала обрадовалась, а потом огорчилась – что значит украинский класс? Да как же она поступит? Она же по-русски будет писать с ошибками? Вы чем думали, когда в первый класс отдавали?

А кто думал-то? Записали в ближайшую школу – вот и ладно. А какой класс – кто ж смотрел! Да и разница какая, если английская спецшкола? Спасибо, что взяли бесплатно, по прописке, без блата.

Языки Людке давались легко. И знаменитый счетный Беззубовский мозг тоже достался ей в наследство.

– Вы хоть в старших классах переведите ее в центр, в языковую, но на русском. Потом будет больше шансов поступить. Я устрою, – не умолкала Ксения. Ее Сашка готовился к поступлению на иняз в Москву, да, не без связей Панкова, но языки он учил с репетитором почти год каждый день, а тут уже уровень не хуже.

– Людка! Пойдешь в хорошую школу?

– Та у меня хорошая.

– В лучшую! К профессорским детям. Поступишь – куда захочешь, по миру будешь ездить. Хочешь?

– Хочу!

Но Ксенина услуга племяннице снова окажется медвежьей. Тощая Люда носила на злополучном, как она считала, дефективном левом плече кофточку, которую связала баб Женя. Накинутая на манер гусарского ментика вязанка маскировала выпирающую лопатку и ребра. На самом деле проблема была не такой катастрофической, как казалось Люде, но у каждого подростка свои комплексы и страхи, и «горб» для Канавской был вопиющим уродством, заметным всем.

Первым в новой школе она познакомится с завучем.

– Это что такое? – рявкнет он, указывая пальцем на кофту. – Ишь ты, стилияга нашлась!

– Это кофта, – ответила Люда. – Вы, вообще, кто?

– Я кто?! Ты кто такая?!

– Канавская. 9-Б.

– Я сказал: снять! – Завуч схватит вязанку. Людка, привыкшая к оплеухам отчима и дворовым дракам, рефлекторно треснет его по руке и перехватит кофту:

– Не трожь!

Вокруг новенькой уже собралась толпа.

– Снять сейчас же или вон из школы!

– Та не больно-то и хотелось! – Не снимая своих «доспехов», Людка развернется и, не дойдя до класса, уйдет домой. Напоследок бросит: – А будете орать – можете случайно с лестницы упасть.

Оставив последнее слово за собой, она через день вернется в свою школу и в свой непрестижный украинский класс.

– А чего повернулась, Канавська? Не прийняли до модних? – ехидно поинтересуется классная.

– Решила, что вам тут без меня совсем хорошо будет. Так что зачем неизвестных мучать? Они там ни в чем невиноватые. Вот вернулась. Рады?

– Шалено, – покачала головой учительница. – Ну раз повернулася, з тебе стенгазета.

Людка не только умела шить – она отлично рисовала. Правда, в отличие от Толика Вербы, без правил и инженерных расчетов, а с угла и без натуры.

– Шаржи и сатиру можно?

– Ні, не можна! Тільки святкову! До Дня вчителя.

Тося Верба после своего икаровского полета с четвертого этажа интерната на гранитные плиты очнется в больнице. Рядом будут сидеть учитель Нашилов, директор интерната и причитающая мама. Тося откроет глаз и поинтересуется: – А чего все собрались?

В честь такого чуда – ударился головой, затылком о камни и остался не просто жив, а здоров и при мозгах, а также за отличную учебу – Тосю, которого оставили на пару недель в больнице, решили порадовать невиданно щедрым подарком. У интерната были возможности, а деньгами помогла Феня, и Толик получил сразу четыре книги Фенимора Купера – от «Последнего из могикан» до «Зверобоя». На форзацах каллиграфическим почерком Нашилова, разумеется, тушью была выведена благодарность от интерната. Толик не разбирался – благодарят за то, что остался цел, или за успехи, но книжки не просто прочел, а буквально заучил на память. С ними он никогда не расстанется. Феня, правда, глянув на подпись, обиделась:

– А я? Сынок, это же я купила. Я все-все сама оплатила, сколько сказали. Хоть бы написали, что и от мамы.

– Мам, я знаю. Спасибо тебе.

Толик сидел в больничной палате и радостно улыбался. Он будет разговаривать фразами из книжки и даст всем интернатским и преподам, и воспитанникам индейские клички, точные и ядовитые, как яд кураре на стрелах гуронов.

Ваня

Ванькино фиаско с контрабандой было сокрушительным в своей

нелепости и глупости. Все возили! Ну все! А попался именно он. Точно – какая-то гнида стуканула! Перебирая до бесконечности варианты – кто же это мог быть, обижаясь на несправедливую судьбу, разыскивая, «Кто виноват?», Ванька совершенно не думал над вторым главным вопросом революционеров: «Что делать?». Он, конечно, по-детски ждал, что вот сейчас, ну еще месяц, и проклятье спадет, и он снова уйдет в рейс. Вот чуть-чуть подождать...

Ждать дома с мамой сначала было хорошо – Анька жалела своего мальчика, готовила вкусное, не нагружала бытовыми заботами и закрывала глаза на вечерние одинокие возлияния.

– Ну, мать, ну как ты не понимаешь?! Ну все же все с товаром! Мы же вместе затаривались! А может, надо было их сдать, чтобы этот таможенник отстал? А? Но я же не гнида, не сволочь! Я никого не сдал, а сам теперь здесь, на суше!

Через три месяца Анька робко поинтересовалась:

– Сыночек, а может, ты пока на работу устроишься? Тебя же за тунеядство могут посадить.

– Я нахлебник, да, мама? Ты так считаешь?

– Ну что ты такое говоришь? Это твой дом. Тут все твое. Ты мой сын. Я – все для тебя. Я переживаю. А вдруг данные поднимут, и потом с тунеядством в рейс не уйдешь?

– А если завтра в рейс? А я только устроился? Что, людей подведу?

– Может, с Борей поговоришь, а? Может, он тебя куда-нибудь устроит? Ну так, на полставки. Чтобы числиться?

– Да я к нему в жизни не подойду! Тоже мне – отец-холодец! Жил там Хабаровске, жировал. Он тебе хоть раз помог?

– Он мне жизнь спас.

– Это когда было? Он после войны тебе хоть раз помог? Вот!

Анька смущенно замолкала. Действительно, а если завтра в рейс? А он уже на работе. Так и объясняла сестрам на редких семейных встречах: ждет рейса. Вот-вот отправят.

– Хорошо устроился! – Возмутится Женька. – У пенсионерки на шее сидеть!

– Я еще работаю!

– Вот именно – работаешь, а тебе пятьдесят семь в этом году!

– Может, Ксения его куда-нибудь устроит?

– О, она ему устроит! Мало не покажется!

Ванька не хотел на работу – он хотел в рейс. Все остальные варианты – это не компромисс, а персональное поражение, падение.

Ксения так не считала. Узнав от Женьки, что Анькин великовозрастный балбес уже полгода болтается без работы и все страдает о море, она примчится на Фонтан.

Анькин дом, неухоженный, расхристанный, ветшал, как его хозяйка.

– Ладно не работаешь, страдаешь, а домом чего не займешься? – отчитывала Ксения Ваньку. – Вон забор скоро завалится. Бурьяны по пояс. Крыша зиму точно не переживет.

– Мам Ксения, ты что, не понимаешь?

– Ты мне не мамкай! – Ксения была неожиданно жесткой. – Ты что тут страдальца из себя корчишь? Что, жизнь кончилась? Руки-ноги оторвало? Никто запойного лодыря в рейс не вернет. Всё – иди работай!

– А если вдруг?

– Да не будет у тебя никаких «если». И «вдруг» не будет! Забудь уже. Всё – нет моря. Хочешь красивой жизни – иди в порт устройся. Хоть докером – там, гляди, и выловишь чего приличного к стажу и зарплате.

– Ну вот еще! С высшим образованием!

– Ты посмотри на него! Образованный! Ванечка, прости, мы не из графьев. И с отцовской стороны тоже. Не сумел заработать головой – иди работай руками. Сидит он, виноватых высчитывает! Я позвоню в порт – тебя примут. И не выпендривайся. Жаль, мать твоя не Женька – та сразу бы от стола отлучила, и мигом бы за ум взялся!

1963

«Бог любит троицу»

Это был третий репетитор Сашки Ильинского. Третий за полгода. Но Ксения Ивановна не привыкла сдаваться. Тем более если цель – институт международных отношений. А ее шестнадцатилетний развитый не по годам сын точно не собирался проводить летние каникулы в компании учителей:

– Мам, ну зачем мне дополнительные уроки? Я что, английский плохо знаю?

– Недостаточно, чтобы поступить. Это Москва, не Одесса, тут одних моих связей не хватит. Нам нужна пятерка. Без вариантов.

– Ой, ты же знаешь, какая у меня актерская память – короткая, но цепкая. Я перед поступлением все выучу, ну ма-а-ам! Я же забуду за год.

– Не делай мне нервы, Ильинский, – Ксения устало смотрела на сияющего сына. – И прекрати издеваться над педагогами! То у тебя понос, то зубы, то в райком комсомола вызвали... Ну какой райком? Кому ты там нужен, стилияга?

– А у меня почерк самый красивый, и комсорг с собой взяла – комсомольские билеты выписывать! – По хитрой Сашкиной роже было видно, что он врет не краснея.

– Знаю я, где и кому ты билеты выписываешь! Смотри, внука мне до окончания школы не выпиши. Дай шанс человеку.

– Ну что? – вечером поинтересуется Панков. – Как там английский?

– Как моя жизнь, – отмахнется Ксения. – Бьет ключом, норovit по голове.

– Давай я с ним поговорю?

– Давай подождем неделю, ну или до первой жалобы этого препода. Он вроде помоложе, моднее, может, победит нашего упрямца.

Панков вздохнул и уставился на свою обожаемую Ксаночку:

– Считаешь, как в поговорке: «Бог любит троицу»? Ну ладно, будем посмотреть.

И третий репетитор не подвел. Он поинтересовался у юного горемужыканта из школы Столярского, что, кроме классики, тот слушает, и на следующий урок принес настоящий фирменный винил. Триумфальная популярность Битлов разбивалась о «железный

занавес», но ее брызги с моряками долетали и до Одессы. Плакаты и пластинки стоили целое состояние. И Сашка буквально оцепенел с первого звука.

– Это Битлы. Здесь мощнейшая вещь «Плизз, плизз» – «Пожалуйста, пожалуйста». Свежак. Этого года. И вот ты тоже плизз-плизз, переведи остальной текст песни на следующее занятие. Я пластинку оставлю. Из дому не выносить, друзьям в руки не давать. Головой за нее отвечаешь...

Так Сашка попал в новый мир, и уроки английского из обузы превратились в самое увлекательное времяпрепровождение. Кроме того, надоевшее фортепиано вдруг получило второй шанс. Он разбирал тексты и подбирал мелодии.

Ксения не сказала ни сыну, ни мужу, что третьего репетитора ей советовал знакомый полковник милиции, мол, практикует раз в месяц с экскурсиями и фарцует понемножку, но не зарываясь, чтоб место не потерять. Ксения с ее торговыми поставками могла открыть такому хорошему педагогу много перспективных гостиничных и ресторанных дверей, да и платила за уроки по высшему разряду.

Через месяц юный Сансаныч заявит маме с отчимом:

– Мне срочно нужна гитара.

– Я думаю, срочно нужен ремень, но уже поздно, – отозвался Панков, не отрываясь от ужина.

– Какая конкретно гитара – любая или особенная? – Ксения Ивановна потакала всем увлечениям сына – от стрельбы и кружка юного радиотехника до самых дефицитных шмоток.

– Любая, пока научусь.

– В шестнадцать самое время думать о работе и карьере, – буркнул Панков, – и не смей говорить, что ты решил стать ресторанным лабухом.

Ксения примирительно накрыла ладошкой руку мужа:

– Илья, подожди. Сашенька, сыночка, сказать, шоб я была счастлива, так нет, другое дело, если бы ты захотел вдруг скрипку.

– Ну мама! Кстати, Илья Степанович, а что, в Столярского стали делать инженеров вместо лабухов? – Сашка уже видел, как у поджавшей губы мамы смеются глаза. Она еле сдерживалась.

– У Вовки Косько была, он забросил давно, теперь у Женьки на стене пылится. Поедешь завтра, попросишь. Думаю, Женька будет

рада сдыхаться.

– А мог бы на нее сам заработать, – продолжал ворчать Панков. – Мать твоя в шестнадцать уже пахала в полный рост. Сама себя обеспечивала и семье помогала. А ты прям весь в учебе!

Сашка улыбнулся:

– Так может, это для заработка?

Как же он сам не догадался? Вот адиёт! – Сашка после разговора с родителями рванул по Свердлову к пятому трамваю. Через двадцать минут он уже был в Аркадии. Потом вернулся в центр, заглянул к однокласснику на Розы Люксембург. Фимочка понял Сашку с полуслова. И вместе они пошли гулять до Энгельса, к парку Шевченко, где жила главная отличница, тихая как мышь Мирочка. Уговорить Мирочку оказалось сложнее всего. Сашка не знал, что Мира давно и безнадежно в него влюблена, но так преданно на нее смотрел и так жалостливо просил, что она, краснея до ушей, через два часа доводов и аргументов Фимы и Сашки согласилась.

Ксения Ивановна Беззуб не зря столько сил и средств вкладывала в образование единственного сына. Со всей врожденной предприимчивостью он применил накопленные знания на практике. В ближайшую субботу троица уже подрабатывала, правда, днем, зато в «Жемчужине», самом модном ресторане Аркадии. Гитара была нужна Сашке позарез – на танцплощадках были деньги, а вот фортепиано чаще всего не было. Молодых недорогих музыкантов брали на работу, тем более, что помимо советского репертуара они по заявкам отдыхающих исполняли и полублатные песни, и даже запрещенные рок-н-роллы.

Мирочка боялась дышать, когда Ильинский, сидя в ее комнате в метре от нее, выписывал ей русскими буквами английские слова следующих песен и с хохотом ставил пластинки и произношение.

Новые Сашкины гешефты обнаружались точно так же, как старые. Супруги Панковы приехали на ужин в ресторан гостиницы «Красная». На вечную табличку «Мест нет» они даже внимания не обращали – для них места были всегда. Сына Ксюха заметит не сразу. Царственно кивнув десятку знакомых, она сделает заказ и прислушается – на сцене пели незнакомым юным хрустальным голосом. Мирочка за каких-то

два месяца изменилась – модное платье, яркая бижутерия, хорошие туфли. Точно как у Ксени. Пианист тоже был в ударе. Мадам Беззуб не сразу заметила за спиной солистки своего сына. А вот он ждал ее взгляда и как всегда ослепительно улыбался.

Он подзовет Мирку:

– Для самой красивой гостьи вечера. Для Ксении Панковой, – звонко, по-комсомольски объявит отличница и уступит микрофон Сашкиному корешу. Фима махнет блестящей челкой и загудит новый главный хит и первый официальный твист СССР – «Королева красоты».

Панков приподнимет рюмку:

– Ну, за нашего мальчика.

Теперь все субботние и воскресные вечера у Сашки будут расписаны между танцами в ДК и богатыми свадьбами. Феноменальный успех группы был основан не только на лучшей музыкальной школе. Ксения после ресторана на пальцах объяснила своему гениальному отпрыску принцип десятины и агентских вознаграждений:

– Хочешь получить еще работу? Поделись. Минимум десять процентов. И с чая тоже. И не спорь – сколько тебе сунули за вечер в карман, подсчитала половина услуги. Так что минимум десять со всего круга. А лучше больше. И не только главному, но и швейцару в карман гостинчик, и старшему официанту. Потому что он следующий администратор. Дай чуть больше, чем ожидают. Это лучший способ быть всегда востребованным, – она помолчит и чуть тише добавит: – К любви это тоже относится. Дай больше, чем другие, и добьешься и взаимности, и верности.

– Это так тебя Панков охмурил? – расплывется в улыбке Сашка.

– Ну вот видишь. В этом правиле нет исключений. Кстати, туфли хорошие у вашей девочки. На заказ шитые. Случайно, мастера не знаешь? – Ксения пристально смотрела на Сашу.

– Мама, ты же одеваешься безупречно, – Сашка знал, на что давить. – А мне ее надо было срочно переодеть. Ну не в школьной же форме петь. И в магазине ничего не найдешь. Ну а если уж ты этого сапожника выбрала – то он точно справится. У тебя же идеальный вкус.

– От ты жук! Весь в меня, – отмахнулась довольная Ксения и тыкнула ему в грудь указательным пальцем: – Еще какой-нибудь бабе сдашь моего мастера – своими руками удавлю!

Легкий, щедрый, беспроблемный... Этого было достаточно, чтобы зарабатывать в шестнадцать лет по двадцать пять рублей на человека за вечер. Сашка щедро делился, и мамин принцип «Живи сам и дай жить другим» работал безотказно. Хватало и на новую музыку – на настоящие винилы, а не рентгеновские копии, и на самые модные тряпки, и на другие атрибуты красивой жизни.

Он еще летом освоит базовые аккорды на старой акустической, а потом (спасибо всем кружкам из детства) припаяет к ней звукосниматель, и ничего, что он выковырял его из домашнего телефона. Мама, не задумываясь, благословила этот вандализм. Следующая гитара будет дороже, и примочки к ней Сашка уже закажет у спецов.

А еще мелкий вертлявый Ильинский был королем любой танцплощадки, и не только потому, что играл. Он отплясывал дикий рок-н-ролл даже под безобидные разрешенные «фоксы» – фокстроты. На Людкином дне рождения он приведет в восторг всех ее молдаванских подружек и в ужас – всех своих теток. Врубив «запрещенку», Сашка, танцуя, откинется на мостик, коснется черной челкой пола и эффектно поднимется назад. В тот момент он мог увести с собой хоть всех Людкиных одноклассниц, но предпочитал девушек постарше и подальше от родни.

– Гуттаперчевый мальчик, – затянувшись беломором, прокомментирует Женя. – Он дома тренируется?

– И дома тоже, – невозмутимо ответит Ксения.

– Ксенечка, но это же порнография какая-то! Его за такое могут потом из института выгнать! – переживала Анька Беззуб.

– Аня, для порнографии надо, как минимум, двое, – вздохнула Ксения. – Дай ребенку перебеситься и спокойно на следующий год уехать. Вон, лучше себя вспомни, что в юности творила.

– Ой, много ты, пшено, помнишь о моей юности! Да я б такое хотела, не исполнила бы!

– А чарльстон кто танцевал? – отозвалась Женя.

– Это не я! Честно, я – никогда! Вы что?! Я же партийная! Это вы меня с Лидкой спутали!

– Он не заиграется? – встревоженно спросит Панков, когда в три часа ночи скрипнет дверь и Сашка прокрадется по коридору в свою комнату после очередной работы. – Ты знаешь, что он уже играет в «Алых парусах»?

Самое популярное молодежное кафе открыли в октябре на Дерибасовской угол Екатерининской после капремонта и перестройки. Стекланный фасад, ультрамодный интерьер от молодежной бригады одесского филиала Гипроторга обеспечили очереди на входе и самые богатые свадьбы Одессы по выходным.

– Отлично, – отозвалась Ксения. – Не в привокзальном же ресторане ему работать.

– Шальные деньги для пацана. Но временные. Не всю же жизнь по кабакам «семь сорок» наяривать.

– Не волнуйся, – сонная Ксения чмокнула мужа в плечо и прижалась покрепче. – У мальчика амбиции побольше наших. Слава богу, эта игрушка для него слишком простая...

Она хорошо знала своего сына. Уже через полгода Сашке надоест и работа в ресторанах, и ревнивая Мирочка.

Дальтоник

Высшая мореходка – практически недостижимая мечта всех одесских пацанов. И Толик Верба не был исключением. Его нищенское происхождение вместе с интернатом внезапно стало дополнительной половинкой балла при равных прочих. Любимый учитель Нашилов и тут применил свой железобетонный принцип «Система бьет класс».

– Изучи систему и действуй по правилам. Бей их – их же правилами, и выиграешь.

Толик послушался. Он знал список негласных и официальных дополнительных плюсов, которые учитывались при поступлении. Знал и по шажку его закрывал: два лета подряд он работал на заводе и из ученика стал токарем-универсалом пятого разряда; сиротство и воспитание в интернате добавляло еще преференций, вместе с третьим

юношеским по боксу, и наконец – серебряная медаль. Медалистам железно добавляли полбалла на вступительных экзаменах.

Верба трезво оценивал свои возможности: капитаном не стать – слишком высокий конкурс на самый блатной факультет, а вот с его знаниями и специальностью поступить на «механика» есть все шансы.

Тося знал, какие документы нужно подать, какие вступительные экзамены и сколько человек на место на каждом факультете. А еще была медкомиссия. Насчет физподготовки он в себе не сомневался, со зрением проблем тоже не было – еще в школе на каждой проверке он видел ниже черты в сто процентов...

Лешка в спальне задрал штанины и показал носки. Пацаны присвистнули от восторга.

– Ты понимаешь, – отозвался Тосин сосед Серега, – если тебя в них заловят – то кирдык тебе.

– Та я ж токо вам показать. Я сниму, а когда на Майдан в субботу пойду, надену.

– Да тебя отметелят местные с Канавы на том Майдане – можешь даже не соваться.

Танцплощадка в парке Шевченко, или, по-местному Майдан, была культовым местом. Там помимо танцев собиралась по субботам фарца с пластинками, плакатами, сигаретами и даже в красных пижонских носках.

– Ну, когда носки там брал, не отметили же.

Тося отбросил учебник и повернулся:

– А что, тебе не такие носки выдают?

– От ты тупой! – оскорбился Лешик. – Где б я такого цвета нашел?

– Так они ж коричневые, – удивленно буркнул Толик.

– В смысле – коричневые?

– А какие?

Пацаны замолчали и уставились на него.

– Та-ак, – Леша стянул носок, а потом вытащил коричневый из тумбочки и ткнул оба Тосе под нос:

– Они что, по-твоему, одинаковые?

Толик прищурился:

– Ну, оттенок немного разнится – эти светлее, эти темнее.

Кто-то хихикнул.

– Сейчас! – Серый рванул шухлядку тумбочки и вытащил красный карандаш.

– А карандаш какой?

– Ну такой, коричнево-зеленый.

– Да ты дальтоник! – присвистнул Леха. – Надо же! И ты раньше тоже так видел? А как же ты стенгазеты рисовал?

– Что – как? Да обычно, – огрызнулся Толик. – Что значит «дальтоник»?!

– Значит накрылась твоя «вышка» медным тазом. Как тебя возьмут? Ты ж право-лево не различишь.

Толик похолодел:

– Да отвалите от меня!

Тут даже великий Нашилов развел бы руками. Вся система вместе с правилами летела псу под хвост.

Тося Верба затянул потуже шнурки на ботинках. Если правила не работают – надо придумать новые, свои. А еще он хорошо помнил первый принцип Нашилова: любая цель достижима, если ее разбить на короткие этапы. Тося аккуратно обернул руку полотенцем из столовой и саданул по стеклу.

Утром в поликлинике медсестра долго и затейливо проклинала хулиганье, которое спаскудило окно:

– К нам-то зачем? Что тут брать? Вон даже спирт не тронули! Зато уперли три старые таблицы проверки зрения. Вот на кой они сдались, спрашивается?!

Очередь на медкомиссию и подачу документов в «вышку» была подлиннее, чем в Мавзолей. Врачи и медсестры на конвейере замученно тыкали указкой в пять букв и три цветных кружка и вызывали следующего. Предпоследним в кабинет зашел Анатолий Яковлевич Верба. Он без запинки назвал буквы и сказал, что может прочитать еще три строчки под красной чертой.

– Слышь, соколиный глаз, давай не выпендривайся, – огрызнулась медсестра. Она развернулась ко второй таблице: – Все не надо – только то, что покажу.

– Ну как хотите, – Тося пожал плечами, бодро назвал цвета и, подхватив листок с пометкой «здоров», вышел из кабинета. Ночью он аккуратно оборвет две картинку с пометками «красный» и «зеленый» из ворованной таблицы, а остальное сожжет в помойном ведре.

Его первый рейс кадетом – будущим офицером, стажером – окажется звездным. Шутка ли – из одесского интерната и сразу в Японию! Вот это чудо! Такого волшебства молдаванский босяк не видел никогда в жизни. Он потратит всю кадетскую валюту и привезет с первой плавпрактики диковинок и нарядную кофту для мамы. Из настоящего шелка.

– Ой, разорил! Господи прости! Идиота вырастила! – причитала Феня. – Как ты жить будешь, злыдня? Ни копейки не привез в дом, ни на продажу чего нужного. Посмотрите: на все деньги он накупил бархатных вымпелов японских островов и главное «чудо»! Что людям сказать? Как в глаза смотреть? Моряк называется! Балбесу уже восемнадцать, а он куклу припер, шо яйца крутит!

– Это не кукла! – На столе коммуналки стоял повар. Яркий, глянцевого, как леденец. Он вращал глазами и подбрасывал на сковородке яичницу. Тося тайком любовался этим техническим японским чудом на корабле, а по дороге в Одессу ни разу не достал, чтобы не украли. И вот удивительный японский повар качал головой и бедрами, а яичница, как намагниченная, приземлялась точно на свое место под бодрую мелодию и вопли матери:

– Игрушек он себе привез! Не наигрался! Срам какой!

Повар просвистел над ее головой и разлетелся цветными брызгами по комнате.

– Теперь довольна?

Феня от страха моментально замолчит. А Толик развернется и уйдет. На ближайшие полгода.

Первая ходка

Сережка Верба был веселым, как первая Фенина любовь, Сенечка, только рыжим, как ее покойный отец. Хитрющий, конопатый, разбитной. Всегда на кураже. С детства как бесенок. Непутевый, но любимый. Вон повестка в армию пришла.

Серега, в отличие от Фени, плакать не стал, а обрадовался. А вместе с ним обрадовался местный участковый:

– Может, хоть армия из тебя, шалопаю, человека сделает? А то с такими бешкетами точно загремишь.

В армии Сереге не понравилось. Ходить строем и вставать на рассвете – точно не его. Самоволка – наряд вне очереди, самоволка – три наряда, самоволка – гауптвахта. Сережа успевал за короткие отлучки найти и бесплатную любовь, и приключения, и своими красочными рассказами раззадорил ползвода. Особенно про пивной ларек у парка, который можно открыть обычной шпилькой. Разумеется, он знает как. Он по малолетке на Молдаванке и не такое мутил. Тем более что вся округа знала – в ларьке своим делали «пивко с прицепом», доливая из-под полы водочки.

Повод был знатным – экватор, полтора года службы. Закон о всеобщей воинской обязанности приняли еще в тридцать девятом году. После войны до сорок восьмого вообще не было призывов, а в сорок девятом внесли правки – призыв раз в год, в ноябре-декабре. Сухопутным и летунам полагалось служить три года, а морякам – четыре. Грех не отметить. Серега решил шикануть и угостить всех. Нашлось пару активных добровольцев помощников.

Троица пойдет на дело в три часа ночи. Перемахнет через забор воинской части и доберется до парка Со шпилькой в замке дело затянется, поэтому кореша решат просто высадить дверь. Серега не свистел – под стойкой обнаружилось пол-ящика дешевой водки – хорошая добыча. Окрыленные робин гуды чокнулись трофеями и выпили из горла. Серега предложит все забрать и тикать. Пока решали, как нести – в карманах или в ящике, – фарт закончится.

Он увидит бегущих милиционеров и гаркнет: «Атанда!» Троица бросится врассыпную, Сережка выберет неудачный маршрут, а точнее – за ним увяжется чересчур спортивный и резвый младший сержант. Верба практически уже оторвался от него и полез на ограду парка, как тут выскочил этот черт в погонах и схватил его за ногу. Серега брыкнул и пижонским, подкованным для форсу и грохоту сапогом сломал нос представителю органов. Подоспевший наряд стянул его с забора. Рядовому Вербе выкрутили руки и связали его же ремнем.

В отделении старший Фенин сын вел себя глупо и дерзко – по всем канонам воровской молдаванской романтики: хамил, корешей не сдал, всю вину взял на себя и раскаиваться не собирался. За этот гонор, а больше за сломанный нос, выбитый зуб и оторванный погон Серега пойдет по полной – и за кражу со взломом, и за нападение на сотрудника и сопротивление при аресте. Сразу на «пятерочку».

– Я всегда знала, шо ты – пропаций, – объявит Феня, передавая папиросы и пирожки. – Мне жизнь испортил, а себе вообще загубил, непутевый.

– Я, мать, у тебя – партизан. Уважаемый человек, не крыса, – хорохорился Сережа. – Просто не подфартило.

1964

Газу!

– Вот почему одним все, а другим ничего? – Баба Таня, подойдя к лестнице, грохнула на ступеньку ведро с углем. – Я пенсионерка! Мне раньше всех положено!

– Что уже тебе не доложили, с утра пораньше? – отозвалась Ася Ижикевич, которая, шаркая ногами по подмерзшему снегу, волокла свое ведро от подвала к дому. – Закрыли Алексеевский базарчик? Тебе отпустили просроченный кефир? Так это же хорошо! Сама жаловалась, что желудок раз в три дня. Но в такую погоду я тебе даже завидую – реже с парашей по лестнице скакать.

Таня продолжала негодовать:

– Ида Львовна вчера читала у газете, шо этим буржуйам с Черемушек мало того, что новые квартиры с окнами, центральным отоплением и туалетом в доме и даже ванной, так им теперь первым газ провели! Шоб вот без кирогаса!

– А-а-а, – заржала Аська, – мой Ижикевич, заслуженный пенсионер, тоже вчера негодудел, чуть до сердечного приступа не дочитался от зависти, шо наш Цюрупа, как на Олимпиаде, факел зажег на Патриса Лумумбы. Шо прям плиты и баллонов не надо. Так и шо ты хотела, шоб Цюрупа тебе зажег? Так ты уже старая, раньше надо было думать, с кем шашни крутить.

Баба Таня покачала головой:

– Да я против тебя – девочка нецелованная! Но чего они с окраин начали? Де те Черемушки в попе на бубенчиках – в конце географии! Чего не с рабочих районов?

– А ты хотела, шоб газетчики не новые дома показали, а наши конюшни вместе с тобой? Где ты таких строителей коммунизма видела? Шо ты уже можешь построить, кроме козней против Аньки Берштейн?

Их утреннее бурное обсуждение первой поставки Шебелинского газа в квартиры одесситов внезапно прервало не менее эффектное и громкое в масштабах двора событие.

Пава Собаев в полосатой пижаме и ботинках на босу ногу с полным ведром бытовых отходов из ночных горшков семьи шагнул с галереи второго этажа на обледеневшую открытую лестницу. Он, как обычно, страдал от похмелья, но этим утром случайно наткнулся на опрометчиво забытую на кухне тещину бутылку с настойкой водяной лилии. Несмотря на свои пятьдесят семь, Евгения Ивановна держала себя в форме – подкрашенные волосы и брови, алая помада. Ну и лицо. Для цвета и здоровья кожи она регулярно протирала его на ночь ваткой, смоченной в спиртовой настойке этой водяной лилии. Вчера, видать, дала Людке прыщи помазать. Не обращая внимания на мерзкий привкус и цветочный аромат, Пава хорошо отхлебнул противоядия из горлышка и понес ведро в дворовой туалет.

То ли водяная лилия неудачно упала на вчерашние дрожжи, то ли, по мнению Павы, глазливые суки-соседки разом посмотрели ему под ноги, но супруг Нилы съехал по лестнице, как советский саночник, на высокой скорости, затормозив в ведро с углем бабы Тани. По третьему закону Ньютона, оно перевернулось. Вся лестница, весь уголь и ведро бабы Тани были в теплых продуктах жизнедеятельности двенадцатой квартиры. Собаев, кряхтя, встал.

– Вот это я газанул... Лучше бы эти ваши падлы канализацию провели! – Он заглянул в пустое ведро и, подхватив его и ухватившись за перила, пошел наверх.

После мхатовской паузы Ася и Таня хором заорали:

– Ты куда пошел, мишигинер! Эй! Стоять! Убирать кто будет?!

Пава уже одолел половину пути. Покачиваясь, он оглянулся вниз и кинул в Таню пустое ведро:

– Фу, напугала! Чуть опять не упал! Радоваться, Танька, надо! Это ж к деньгам! Вон сколько тебе привалило. Точно пенсию подымут.

Дома он возьмет стакан с чаем и откроет «Знамя коммунизма».

– Вот они про что: «...Жильцы дома № 58 прощаются с примусами и газовыми баллонами. В доме № 58 по Черноморской дороге, на пятом этаже в 63 квартире, где проживает газосварщик завода железобетонных изделий Е. Ф. Минин, в Одессе впервые вспыхнул огонек шебелинского газа».

Газ в Одессе был еще с начала века, правда, искусственный. Розовые фонари, над которыми посмеивался двор в 1914 году, работали на газе, который получали, сжигая английский, а потом

донецкий уголь. А в 1954 году началось строительство газопровода Шебелинка – Днепропетровск – Кривой Рог – Измаил, куда разрешили врезаться и одесситам. И, конечно, газопроводы прокладывали в новых и строящихся районах, чтобы сдавать сразу с газом, а на Юго-западном потребовались минимальные переделки сетей.

Мгимо

Сашка ехал поступать в Москву вместе с мамой. Провожать на вокзал приехала половина родни.

Ксения ткнулась покрашенными алыми губами в щеку Женьки, обняла Нилу и Людю. Рядом стояли Анька с Ванечкой и чуть в сторонке, с китайским шелковым зонтиком, – Лидия Ивановна.

– Мадам Лангэ, шо стоим, как неродная? – Ксения уже шла ей навстречу.

– Не тискай меня! Вымажешь своей помадой! И так жарко, – шипела Лида. – Я пришла к своему самому любимому и толковому племяннику. Вот наша гордость.

– А вот сейчас обидно было, – заржал Ванька. – То есть квартиру ему оставите – шансов у остальных нет?

– Ваня, ты чего? – дернула его за рукав Анечка. – Лида, замолчи свой рот!

Ксения обняла одной рукой сжавшуюся в комок Лиду, другой – Аньку:

– О, вся молдаванская кодла в сборе!

– Ну не вся, – отозвалась Женя. – Этот подкаблучник и сейчас не явился. А ему я сообщила, между прочим.

– Мам, о ком она? – удивилась Людка.

– О дяде Коте твоём. Как уехал на свои высылки на Патриса Лумумбы, так десять лет и не показывается. Вон ты его даже не помнишь. Но он хороший, просто мягкотелый, а жена у него та еще гадюка.

– Не гадюка, а свинья, – отрезала Женя, – неблагодарная. И он такой же. Мог бы и сам объявиться.

Нила отдаст Ксене увесистый пергаментный сверток:

– На дорожку, на перекус. Мамина фирменная вертута.

– Ну конечно выпечка! С фруктой! Еще скиснет по дороге – обдристаете весь вагон, – вмешалась Лида. – Тут вот мое песочное печенье, диетическое, с орехами.

Панков, который распределял вещи по купе, чтобы Ксаночке было удобно, выйдет на перрон, поздоровается с родней и примет гостинцы.

– Ксения, ты можешь второй вагон-ресторан у себя открыть. Вам тут не то что до Москвы – до Владивостока хватит. Можно, я что-нибудь недиеетическое себе заберу?

Панков не поедет и, смущаясь, скажет обожаемой супруге:

– А в лавке кто останется? Я бы вместо тебя поехал, но ты дома будешь так волноваться, что я буду за тебя там переживать. А так я тылы прикрою. Виктор Алексеевич вас встретит.

Сашка после пяти попыток уехать одному понял, что сопротивляться маминой заботе бесполезно. Все равно он поступит – и мама с ним жить в общежитии не будет. Вот тогда и начнется та самая вольная взрослая жизнь.

В Москве все пройдет как по нотам. Космический конкурс среди сотен абитуриентов Саня Ильинский с золотой медалью «За отличные успехи в учении, труде и за примерное поведение», главной музыкальной спецшколой страны и почти синхронными переводами с разговорного английского выиграет. Тем более, что ко всем официальным бонусам мама добавит очень крупный аргумент в конверте.

Мечты сбываются

Встречать Ксению на вокзале в Одессе Панков будет уже сам. Загрузив чемодан в багажник служебной «Волги», он нежно обнимет уставшую от волнений и дороги жену.

– Вот мы одни остались, – вздохнет Ксюха ему в плечо. – Мы старые уже? Что делать будем?

– Есть у меня одна мысль, – отозвался Илья Степанович. – Ты же не спешишь сегодня?

Машина, не останавливаясь, проедет мимо их восемьдесят пятого номера по Свердлова.

– А где мы едем? – удивится Ксения.

– Маленький сюрприз.

Беззуб-младшая думала, что ее уже ничем не удивишь. Ее обожаемому Панкову удалось. Он спланировал все давно и поэтому наотрез отказался ехать в Москву. Они все ехали и ехали вдоль линии тринадцатого трамвая в сторону Люстдорфа, а потом вильнули в частный сектор.

– Мы к Аньке, что ли? А чего этой дорогой?

– Много вопросов, Ксения Ивановна.

«Волга» остановится среди маленьких дач и небольших домиков Чубаевки. Панков выйдет, подаст Ксюхе руку и предупредительно, как швейцар, распахнет перед ней калитку чахлого сельского заборчика с эмалированной цифрой 5.

– Прошу вас!

– Илюша, это... это что...? Это...

– Это... – Довольный Панков обвел кусок пустыря царским жестом, – это наша мечта – наш дом на Чубаевке. – Он достанет из пиджака сложенную бумагу: – И твои шесть соток для сада и цветника!

Ксения прыгала, несмотря свой вес, и пищала, как девчонка:

– Илья! Илюшенька! Дом! У нас будет дом! Мамочки!

– Ну до дома еще далеко. Но потихоньку осилим.

Водитель нес из багажника складной стул и бутылку шампанского.

– Присаживайся, любимая. У нас теперь целых два повода.

– За дом!

– За будущего дипломата!

1965

В музей

– Люська, ходи, есть дело! – По лицу Феликса было видно, что он приготовил очередную подляну.

Люська-морячка, Нилина закадычная дворовая подруга, в пальто с гигантским воротником из чернобурки, на вытянутой руке держала сумку со свежей сарделей, чтобы не вымазать дорогую вещь. На Привоз она ходила, как на Выставку народного хозяйства. И главным достижением была, конечно, она.

– У тебя Валерка когда домой? – не унимался Феликс.

– Что значит «когда»? Когда все – путина закончится и вся флотилия придет.

– То есть до декабря у нас еще есть время?

– Феликс, твое время закончилось, не начавшись. Я удивляюсь с твоей супруги – как она тебя такого балакучего выдерживает? – Люся сделала пару шагов в сторону своей двери.

– Та ты дослушаешь?!

– Ну?

– Заработать хочешь?

– Феликс, у меня сейчас тюлька стухнет, пока ты разродишься. Шо тебе из-под меня надо?

– Морские вещи есть?

– Какие?

– Старые! Или ценные!

– Тельник, что ли? Или бушлат?

– Не, старинное, древнее – компас, может, или барометр! Зуб кашалота – хотя про зубы не писали...

– О! – Он заглянул в газету, которую мял в руке. – Придумал! Фотографии ваши свадебные есть? Валерка там в форме или в костюме?

– В костюме, конечно!

– А де вы вместе и он в морской форме?

– Ну тоже есть. Ты к чему клонишь?

– Ты понимаешь, Люсечка, у нас планируют открыть Музей морского флота и всех просят разные экспонаты и старинные морские вещи всякие и даже фотографии и документы передать в дар музею или во временное пользование. В отдельных случаях – так и написано: в отдельных! – музей может даже приобрести. Понимаешь?

– Нет! Феликс, отвали!

– Люся, давай предложим ваши свадебные фото – они таки старинные, и там есть моряк! Прибыль пополам! Можем, конечно, тебя – как экспонат.

– Феликс, я сейчас пойду и расскажу твоей жене, шо ты до меня пристал как банный лист. И мы тебя в медин сдадим. Шоб студенты тренировались.

– Как, на живом человеке?

– Успокойся! Ты уже будешь неживой!

Темой пополнения новой музейной экспозиции заинтересовался не только Феликс. Вечером Аня Беззуб застала своего великовозрастного сына роющимся в старых папках со всякими справками и документами. В комодке были выдвинуты ящики.

– Что ищешь? Может, я знаю? – спросила Анька.

– А где мой китовый ус с резьбой, который Осип привез?

– Да я его выкинула давным-давно, – недоуменно ответила Аня.

– В смысле выкинула?! Это же дорогая вещь! Это он мне подарил!

– А нам от него ничего не надо! Вообще!

– Мама, ну ты даешь! Он же гору всего натаскал! А корабль где, из Южной Америки?

– Там же, – Анька воинственно скрестила руки на груди. – Можешь не искать! Я все отнесла на помойку!

– Что, и фотографии?

– Нет, конечно! Фотографии я сожгла!

– Ты сумасшедшая... Ты понимаешь, это сейчас в музей можно было сдать! За деньги или так, в дар, но справку получить и плюс в характеристику! Мол, история первой ходки китобойной флотилии!

– Да пошел он! Мне от ничего не надо, и память не нужна – на кой мне его пылесборники по полкам?

– Кошмар! Как ты живешь? Не дом, а казарма!

– Вещизм – пережиток прошлого.

– Угу, и на саване карманов нет. Но это когда? Ты вообще ничего не ценишь? Тебе ничего не жалко было?

– Я себя ценю! И если я кому-то оказалась ненужной, то и он мне не нужен! Все! Музея не будет! Придумал тоже – эту скотину да в музей поселить!..

«Я – старая!»

Свой юбилей Лидия Ивановна Ланге, она же Лида Беззуб, отмечала в узком кругу, но не без шика. Открывшийся в прошлом году на проспекте Мира «дворец питания» «Киев» стал не просто самым большим, но и самым модным заведением Одессы – столовая на двести мест, ресторан.

«Киев», магазин «Кулинария», а на специально оборудованной крыше здания – «Кафе-мороженое». Даже не в летний сезон его, по данным газетчиков и статотчетам, посещало более пяти тысяч человек в день. По выходным – очередь из свадеб и банкетов. Эта востребованность и стала решающим аргументом, а еще расположение.

– Что, Лидка, решила на такси сэкономить? Домой пешочком пойдешь? – обняла ее Аня.

– Ну извините, у вас на Чубаевке все кафе заняты, – фыркнула именинница. – И вообще – не домой же в коммуналку звать самых близких друзей?

– И самых нужных, – тихо процедит Ксения, оглядывая стол и кивая знакомым парам, среди которых будут крупный партийный функционер с супругой, директор продуктовой базы, их общий ювелир и явно кто-то из Николенькиных высоколобых товарищей по университету.

Сильно сдавший, но все еще бодрый Николенька снова с первого тоста огорчит супругу, весело провозгласив:

– За ровесницу двадцатого века!

Но потом вечер выровняется и пройдет так, как планировала Лидка, – с красивыми речами, тонкими шутками, откровенно льстивыми комплиментами и даже парой медленных танцев. Юбилярша в свои шестьдесят пять выглядела молодожаво, она, как и Женя, осталась сухощавой, стройной, с тонкими запястьями и

щиколотками, в отличие от пышнотелых Ани и Ксении. Ну а эффектно одеться, чтобы прикрыть давно не идеальную шею или первые пигментные пятна на птичьих пальцах, она умела лучше всех. Лидка, как в салоне своей юности, проплывала вдоль стола с бокалом шампанского – чокнуться или шепнуть приятность кому-то из гостей, чтобы все чувствовали себя особенными.

– Узнаю нашу светскую львицу. Дай бог и мне в ее годы быть в такой форме, – уважительно шепнула Ксения Жене.

– Та куда ты денешься? – хихикнула Женя. – А вот от меня такого кутежа не ждите – максимум наполеон с абрикотином.

– А ты скажи: «Хочу ресторан», и мы тебе сами праздник устроим, – отозвалась Анька.

– Это что, вместо подарков? Нет уж – обойдетесь! Готовьте что-то солидное и дельное. И не надо скидываться – чтобы каждая от себя, – приподнимая бокал и кивая соседям, продолжала вещать Женя.

К концу вечера, когда нужные дорогие гости раскланяются, Николенька рассчитается с официантами, покрасневшая от шампанского Лида вдруг предложит пройтись по центру.

Они спустятся мимо обновленного «Золотого ключика» с шикарными панно и гигантскими стеклянными витринами на Дерибасовскую и, оставив позади Оперный, выйдут на Приморский бульвар.

– Как же хорошо, – вздохнет Ксения, опираясь на руку своего Панкова, – какой вечер чудесный. Давайте на лавочке посидим.

Все послушно сели.

– Слушайте, а мы же первый раз в жизни вместе гуляем, – вдруг выдаст Аня. – Кошмар! Почти жизнь прошла, а мы так все вместе ни разу не гуляли.

– Ну здравствуйте, – возмутится Лида. – Что значит не гуляли? А с мамой на выставке? Ты что, не помнишь? Еще Женя земли нажралась.

– Что вы врете! Да в каком году это было? – поперхнулась беломором Женя.

– Так это... Выставка всемирная, – подсказала Аня, – еще Нестор покойный был.

– Тысяча девятьсот десятый, – гробовым голосом произнесла Лида и, выдернув у Женки беломор, глубоко затянулась. – Ужас, девочки,

какая я древняя...

Она внезапно всхлипнула и рукой в сетчатой перчаточке подтерла веко.

– Ты чего? – обернулась Аня. – Лидочка, ты чего?

– Да, я старая! Старая! Вон смотрите! Новый памятник потемкинцам на площади закладывают на фундаменте от Екатерины! А я помню и потемкинцев, и памятник Екатерине!

– Та ладно! Я его тоже помню! Я ж жила вон в том доме, – брякнула Аня и осеклась: – Ну, давно очень, когда-то. Так что ты не старая. Я ж не старая!

– Это кто тебе такое сказал? – покосилась на нее Женья.

А Лида продолжала сокрушаться:

– Я газеты читать не могу – вон мемориальную доску на киностудии Александру Довженко установили, что он тут работал с двадцать шестого по двадцать девятый, тут, мол, его колыбель творческого рождения, а я-то, я-то... Я его у нас дома пирожками кормила! Я Маяковского видела. Да что Маяковского! Сергея Эйзенштейна, который этих потемкинцев прославил, которые памятник теперь!..

– Я тоже газеты читать не могу, – попыталась поддержать ее Аня. – Я не вижу ни черта без очков!

– Я помню, как папа первыми самолетами занимался, а теперь вон все летают, куда хотят, – плакала Лида. – А я ни разу, девочки, ни разу в жизни не летала! И не полечу уже... Я старая!

Николенька, тихо сидящий рядом, погладил ее по плечу.

– Не гладь меня! Бесишь! – оттолкнула его руку Лида.

– Ну вот и тучка наша грозовая пронеслась! Дамы, не волнуйтесь. Лидочка долго не печалится. Восхищаюсь, – улыбнулся лысеющий Николенька.

– Дома восхитишься. Ладно, хватит, – Лидка действительно уже оправилась и с совершенно сухими глазами произнесла: – Спасибо за чудный вечер. Пора по домам. – Она резко поднялась, Николенька встал вслед за ней.

– А мы, пожалуй, еще посидим, – отозвалась Ксения.

– Панков, доставай, – добавит она, когда Лида под руку с супругом скроются за углом.

Муж движением фокусника выудит из кармана болоньевого плаща пижонский трофейный набор – серебряную флягу со стопками.

– Жень, сто процентов, у тебя в сумке монпансье, вынимай – под коньяк самое оно. Очень вечер душевный. Жаль расходиться.

– А коньяк откуда? – удивленно протянула Аня.

– Лекарство мое – вдруг давление прыгнет, кто ж знал, чем этот светский раут закончится? – расхохоталась Ксения.

Аня грела в руках крошечную стопку.

– А мы действительно в чудесное время родились, – вдруг задумчиво сказала она. – Сколько всего застали: и самолеты полетели, и революция случилась, и войну выиграли, и в космос людей отправили... Вот это мы повидали!

– Ну, за то, что после всего этого выжили, – резюмировала Женька и чокнулась с сестрой.

1966

«Чайная роза»

К окончанию английской школы, пусть и украинского класса, баба Женя по Людиным выкройкам и Нилиной просьбе крючком из белых ниток номер десять свяжет на выпускной модный костюм – узкую юбку и майку с широкими лямками. Нитки стоили копейки и были тонкими, как паутина. Незамысловатым узором «ракушки» Женя с конца января ежевечерне под бормотание телевизора, не глядя на полотно и на крючок, вязала детали. Успела. Ее рукастая внучка сама сошьет подобие чехла-комбинации и даже лифчик из сатина.

– Какая красавица, – прослезится Нилка, глядя на дочь.

– Да уж. Краше только в гроб кладут, – не задумываясь, брякнула Люда и скривилась: – Костюм отличный, только его надо раза три стирать и неделю проветривать – все баб Жениным беломором провонялось.

Белый вязаный костюм был совсем простеньким, и Нила задумалась: чем его украсить – никаких ювелирных украшений у нее нет и не было, кроме сережек с осколками бриллиантов, которые подарила в день ее рождения бабушка Елена Фердинандовна. Но Нила даже уши не проколола и серьги при Паве ни разу не доставала – чтобы не пропил. У нее даже обручалки уже лет пять не было. Да и на кой она, когда пальцы к ночи отекают, как сардельки. Духов, чтобы перебить Женино курево, у Нилочки отродясь не бывало. И денег прикупить дочери хоть что-то тоже.

С работы в день выпускного она приедет сияющая и занесет на кухню чайную розу.

– Палевая! – торжественно объявит. – Мам, неси английские булавки! Перед выходом Люде к платью приколем – и украшение будет, и духи.

Люда шла на выпускной по Мельницкой на Болгарскую. Мама оказалась права. Роза на груди перебила сигаретный дым и честно благоухала в июньской жаре до полуночи.

Когда выпускница Канавская придет после встречи рассвета, опять пахнувшая сигаретами и немножко портвейном, Нила перед уходом на завод положит ей в ладошку те самые серьги Гордеевой.

– Ну а теперь памятный подарок. Бриллианты. С выходом во взрослую жизнь. Не продавать ни в коем случае. Никому и никогда. Я их с шестнадцати берегла. – Она рассмеется и обнимет дочь: – Ты представляешь, какой это для меня был агроисен подвиг?

«Сын лейтенанта Шмидта»

Ванечка, последний носитель фамилии рода Беззуб, скривился как от зубной боли, выходя из барака прямо на солнечный пляж 16-й станции Большого Фонтана. Такое чувство, что судьба хочет его, выпускника «вышки», унижить окончательно. Он так долго пытался устроится по специальности, а сейчас это не работа, а издевательство! Морской офицер, белая кость – и где? В рыбколхозе?!

Рыболовецкая артель на 16 станции Большого Фонтана носила имя Лейтенанта Шмидта и была одной из самых крупных в области. Название занимало среднее почетное место по оригинальности между «Красным штормом» на Каролино-Бугазе и «Путем Ильича» из Ильичевки. Все остальные рыбные артели были или красными – «Красный шквал», «Красный рыбак», «Красный октябрь», «Красный черноморец», «Красная искра», – или именными – от Ильича до Котовского.

Хозяйство было серьезное – склады, бараки и временки для рыбаков, баркасы, сохнувшие на берегу сети и даже сейнер и самолет-разведчик поиска для косяков скумбрии. Ваня в первый же месяц провонялся этой рыбой до костей и печенок.

Черноморское производственное управление рыбной промышленности Главного управления рыбной промышленности Азово-Черноморского бассейна рыбколхоз имени Шмидта – так ему озвучили новое место работы. Вот сволочи! И за это он еще и взятку сунул. А на все его негодования по поводу рыбацкой артели, мол, не по чину кроите, Ваня получил моментальный ответ, что те, кому не нравится добыча скумбрии и тюльки, запросто отправится на «Эксперимент» добывать филлофору.

– Это что за рыба? – удивился он.

– Это не рыба. Это водоросли для агарового завода.

И такой в Одессе тоже был. На семейных посиделках у Ани на Фонтане Ваня пожаловался любимой тете Ксене на несправедливость и завод по заготовке водорослей.

– Вот чем еще нас не кормили?!

– Да ладно, – отмахнулась Ксения. – Ты на Дальнем Востоке морскую капусту так наворачивал – за ушами трещало. А завод, кстати, богатый – из этой филофоры получают агар-агар – главное вещество для всех мармеладов и зефиров. Твою филофору еще и морским виноградом называют. Не слышал разве?

– Ну не чистый агар-агар, а такой... агароид, там йода навалом – очень полезная штука, – подхватил Панков.

Местное «море без берегов», оно же филофорное поле Зернова, открытое им в 1908 году, было гигантским и очень прибыльным. Желеобразующие свойства агара, или пищевой добавки № 406, были выше раз в десять, чем у желатина, который производят путем переработки костей, хрящей и кожи животных. Его использовали не только в кулинарии, но и в производстве косметики и медпрепаратов. Самая большая рыбопромышленная компания СССР «Антарктика» построила в Одессе опытно-экспериментальный гидролизно-агароидный завод. При нем был флот – аж два суденышка. «Траву», как называли филофору моряки, ловили с марта по октябрь. Один рейс продолжался около трех суток – часов восемь на дорогу до поля и полтора – набить трюмы с помощью крана и тралов. Потом уже по суше тягачом с сеткой груз отвозили на Жевахову гору – сушиться – и возвращали на завод – обрабатывать кислотой и содой и вываривать. Специфическое «душистое» производство было очень прибыльным. Одесский завод производил половину всего агара СССР. Но работа на одном из двух судов завода считалась чем-то вроде «штрафбата» для получивших отказ по загранке. Запах от выловленных мокрых водорослей под южным солнцем стоял, мягко говоря, специфический. Жертвы системы, попавшие на «подводное земледелие», тем не менее умудрялись находить неплохие гешефты. Во-первых, на обратном пути на Тендеровской косе устраивалась рыбалка для себя и не только домой. Та же скумбрия и самая вкусная камбала сдавались оптом сразу при швартовке перекупам, которые уже стояли в ожидании с

раскрытыми багажниками. Так что к зарплате в двести рублей можно было рыбой заработать еще как минимум столько же.

Трал поднимал со дна не только водоросли, но и всякие сюрпризы – от снарядов и мин времен войны до древних амфор. В первое лето и черепков, и целых сосудов сдали в археологический музей в таком количестве, что у моряков... отказались их больше принимать, сославшись на трудности с установлением возраста.

– И что с ними делать? – спросили сознательные заготовители агара.

– Себе оставьте, – предложили музейщики.

– Не отвлекайся, – Лидия Ивановна вальяжно откинулась в кресле. – Так где ты работаешь?

– Рыбколхозником на баркасе. У них даже сейнер есть и самолет, чтобы скумбрию с неба высматривать. А я у них. На баркасе.

Аня попыталась приободрить сына:

– Ну и что, что рыбная артель? Вон твоя любимая Ксения тоже с рыбы и базара начинала и как поднялась. А так и работа уважаемая, и при еде всегда, и живая копейка.

– Как же копейка! Председатель с нас по пять рублей снял – на памятник Шмидту.

– Ну все! Теперь ты точно... Знаешь кто? – прищурилась Лида.

– Кто?

– Сын лейтенанта Шмидта! – расплылась в улыбке старшенькая Беззуб.

– Это ты намекаешь, что у него отца нет? – поджала губы Аня.

– Это я классику цитирую! «Золотой теленок»! Не телец. Как, кстати, лейтенанта Шмидта звали? – продолжала дразнить племянника Лида.

– Ну вам виднее, наверняка вы с ним тоже были знакомы, – огрызнулся Ванечка.

– Двоечник! – смеялась Лида. – Биографию перечитай! Петей его звали. Как Жениного мужа. Он когда прославился? В девятьсот пятом, и расстреляли его тогда же. Или повесили? Не помню уже. Маленькой была. Вот такой, – Лида опустила ладошку на уровень колена.

Примерно на таком же уровне находился Ванин авторитет у рыбаков. Все его попытки выстроить субординацию и рассказать про

«вышку» и загранку только раззадорили местных.

– Это там раньше ты был великий пуриц, а теперь повидло без тюбика, – резюмировал капитан.

Нет худа без добра – чтобы меньше времени болтаться в море и выбирать из самодура скумбрию или стоять по колено в тюльке, Ваня потихоньку стал осваивать сварочный аппарат и все чаще оставаться на берегу с починками.

Жизнь кончена

Люда Канавская рыдала возле Политеха. Ей опять не хватило одного балла – одна лишняя третья четверка в аттестате от паскудной химички – и нет серебряной медали. Она так и сказала: – Не будет тебе медали.

Мама в школу договариваться не пошла – во-первых, с каких шишей? Во-вторых, Нила о таком даже не думала: ну четыре и четыре, вон какой ребенок умный – замечательные оценки.

Две четверки на вступительных в Политех – замечательные оценки, но ей снова не хватило несчастного балла или хотя бы половинки за медаль, чтобы поступить. Кто ж знал, что в этом году так вырастет конкурс. Политех – модный технический вуз. С историей аж с 1918 года, из него выросли после войны и блатные Водный с Нархозом, и институт связи, и даже «Стройка». Политех был Людкиной мечтой, и она рискнула.

В другой попроще, но вроде технологического или тем более сельхозакадемии, она не хотела. Людка математику знала отлично, но на устном экзамене ее гоняли, пока не ошиблась. За что четверка по украинскому, тоже непонятно – она ж после украинской школы и с каллиграфическим почерком! Но кто ж пойдет разбираться с приемной комиссией.

– Надо было не выпендриваться и подать на сантехнический в «Стройку»! Там конкурс маленький, а диплом инженера такой же! – подбодрила дома баба Женя.

– Доча, а в техникум, может, еще успеешь? – спросила Нила.

– И год потеряю?! – всхлипнула Люда.

– Почему? Будет среднее специальное, и поступать легче, и уже специальность. Я у тебя дурой была и техникум не могла закончить – а

ты вон на две четверки вступительные сама сдала!

Люда успеет подать документы и, конечно, поступит, но заветная мечта Нилы о среднем специальном для нее будет полным поражением. Она тупая, она не смогла, она потеряет минимум год жизни.

А могла действительно не выпендриваться с Политехом и пойти куда попроще, и уже училась бы. Как одноклассникам в глаза смотреть?!

Высшее образование, тем более техническое, было обязательным условием для статуса, при том что рабочий с хорошим разрядом в цеху мог зарабатывать в два раза больше инженера. Как в запрещенной еще после войны пьесе-сказке Шварца «Убить дракона», Советский Союз, разрушив до основания и уничтожив весь цвет профессуры и технической интеллигенции, снова вырастил миф об ее элитарности, именно в нематериальном отношении. Люда Канавская из рода Беззубов, как ее несостоявшаяся феминистка прабабушка Беззуб, стала жертвой новых стереотипов о необходимости высшего образования. Разумеется, технического, а не гуманитарных глупостей. Из-за техникума вместо института Люда будет комплексовать всю жизнь.

1967

Откуда не ждали

– Ксения Ивановна Беззуб?

Черная карболитовая трубка цокнула по массивной бриллиантовой сережке. Розовые нежные мочки, сдобная шея, затейливо подколотые волосы. Мадам Беззуб продолжала нести себя по-королевски все в том же четвертом Упрторге. Только теперь из хлебного места он превратился в законную ширму и запись в трудовой книжке. Ее основные доходы и зашкаливающее адреналиновое удовольствие хранились в секретных выездах и пухлых конвертах. Ночной аудит. Она была в те минуты всемогущей, всевластной. В наманикюренных пухлых пальчиках была судьба крупных игроков. И она выводила раз в месяц, по одному, из пожизненного ада с конфискацией – обратно, в сытую одесскую жизнь. Женщина-легенда, женщина-тень. При этом официальная работа позволяла ей, в отличие от цеховиков и аферистов, наслаждаться всеми благами, которые дают деньги и связи. Не закапывать бриллианты по дачным участкам, а носить на премьеру в Оперный. Сын – в МГИМО. Выше, круче – некуда. Любящий обеспеченный муж. И главное, уже почти готов тот самый дом на Чубаевке. Жизнь удалась.

– Ксения Ивановна? – Мужской голос был резкий, требовательный и с очевидным московским акцентом. – Из деканата беспокоят – тут у нас ЧП.

Ксения похолодела:

– Что с Сашенькой?

– С ним? С ним все в порядке. В милицию забрали. А вот с сыном премьер-министра дружественного государства – не очень. Сотрясение мозга. Средней тяжести. Если бы ваш сын не был на хорошем счету, если бы не все его заслуги...

Ксения уже поплыла. Она поняла: там какая-то беда. Крупная.

– С кем можно будет поговорить? Я сегодня вылетаю.

– Конечно, Ксения Ивановна. Завтра утром ждем вас в деканате.

– Его же не исключат? – выдохнула Ксения.

– Вы, наверное, не понимаете – вопрос о тюремном сроке.

Трясущимися руками она нажала на рычаги. И набрала Панкова:

– Мне нужен билет в Москву. На ближайший рейс. Сегодня.

– Не паникуй. Если жив, мы все исправим, – ее Илья Степанович иногда был ясновидящим.

– Ты уже знаешь?

– Не знаю, но по твоему голосу все понятно. Жив?

– Жив-здоров.

– Тогда не дергайся. Это просто непредвиденные расходы. Коньяку выпей, пожалуйста. Прямо сейчас, и собирайся спокойно. Я через час буду.

Ксения выдохнула и опустила трубку. Ей на голову надели тугой железный шлем, который продолжал сжиматься, чуть не ломая ей череп. Опять началось... Вот только гипертонического криза сейчас не хватало. Ксения рванула дверцу письменного стола и вытащила початую бутылку армянского коньяка. Отхлебнула прямо из горлышка. Как там говорила покойная Гордеева? Пятьдесят грамм залпом, не закусывая. Или сто?

Не важно. Она откинулась на стуле и медленно сделала еще пару глотков. Наступающее радужное марево стало рассеиваться. Боль в голове – утихать.

Ксения закрыла глаза и начала считать варианты. Международные конфликты она еще не гасила, но уже понимала, что стандартным подношением не обойтись. Открыла сейф, вытащила потертую папку с надписью «архив», развернула на середине и достала почтовый конверт с подарком. Подарок Панкову, который приготовила на годовщину свадьбы, отложенный отдельно от расходов на дом. Сын важнее. А подарок она придумает новый.

«Все для фронта, все для победы», – ухмыльнется она, сунет конверт в сумку и пойдет собираться в Москву.

– Чего Панков звонит? Что, ключи забыл? – Ксения оторвалась от чемодана – она не знала, насколько задержится в Москве, поэтому машинально складывала несколько платьев, костюм, туфли и ботинки. Во всей обуви лежали деньги – несколько годовых зарплат преуспевающего инженера или старшего научного сотрудника. Ксюха уже все просчитала и немного успокоилась – она была готова остановить стройку дома, если потребуется. Сашка важнее дома, важнее мечты, важнее всего и всех в ее жизни.

Она оставила развороченный чемодан и открыла.

– Ванечка? Здравствуй. Что-то срочное?

Ванька Беззуб, ее «тренировочный» сыночек и любимый племянник, выглядел паскудно, несмотря на тщательно выбритое лицо. Да и запах мятных леденцов «Театральные» только оттенял тяжелый перегарный выхлоп.

– Теть Ксенечка, мне поговорить... пожалуйста.

Ксения впустила, скривившись за Ванькиной спиной, – вот принесла нелегкая. Совсем не к месту. Она нежно любила Ваньку, но как человек, который с четырнадцати обеспечивает себя сам, искренне недоумевала, почему взрослый мужик такой неприкаянный.

– На кухню иди – у меня не прибрано в комнате. Чаю? Компота?

– Компота, – улыбнулся Ваня.

Ксения выставила коробку шоколадных конфет, хрустальную розетку с печеньем, налила компот в тяжелый хрустальный фужер, праздничный. Она единственная из Ваниных знакомых и родни пользовалась парадной, дорогой посудой каждый день. И он с детства сокрушался, что у мамы Ани не так. Себе Ксения налила коньяк.

– Тебе не предлагаю. Детей не спаиваю, – хмыкнула она, поймав удивленный Ванечкин взгляд. – Я так понимаю, разговор серьезный. Значит, храбрости и так хватит.

Ваня отхлебнул из стакана – богатый компот, клубничный. А клубника-то первая. На Привозе сто́ит, как домашняя курица.

– Теть Ксения, ты же знаешь, что у меня лажа с работой. Помогии, а?

Ваня за пять лет в порту, без загранки, действительно выбрал самое неудачное время, чтобы попросить помощи.

Ксения бросила взгляд в комнату – на открытый чемодан.

– Ванечка, а ты почему так долго ждал? Точнее – что ты пять лет делал?

– Ну, да, я ждал. Я старался там... пытался...

– Вань, пытался – это слово-импотент. Ненавижу все эти – «старался», «пытался», «пробовал». Это сразу лазейка, чтобы не делать. Что ты конкретно хочешь?

– Можешь мне с рейсом помочь?

– Прямо сейчас – нет. У меня вечером самолет в Москву. Срочная командировка. Месяц потерпит?

Ваня по-детски обиженно вздохнул.

Ксения махнула рюмку.

– Ванечка, сыночка, тебе тридцать четыре. Ты же умный, ты же Беззуб. Неужели ты думаешь, что если бы была возможность тебя отправить, я бы раньше не помогла? Ну попал ты на карандаш. Закружи пока загранку. Пока. А ты что делал? Бухал? В порту работал? И ничего там, кроме пары выговоров, не добыл? Ты наша кровь – я не брошу. Но сейчас, вот прямо сейчас не могу. Ищи работу на берегу. Считай – не будет заграники. Вон я дальше Москвы не ездила никуда, и что? Плохо живу?

Ксения встала, подошла к раскрытому чемодану, куда пару раз смотрел Ванька – она перехватила его взгляд. Туда, где из ее ботинок торчала пачка червонцев.

Она достала и вытащила примерно треть. Повернулась к Ваньке, пересчитывая на ходу купюры.

– Тут пятьсот. Три зарплаты препода в твоей «вышке». Только не пробухай, а коньяк купи и пойдешь занеси в отдел кадров – куда надо. Когда начнут вздыхать и юлить, положи им конверт. Там минимум пару сотен. Минимум. Не жадничай. Найдут тебе местечко по профилю. Местное. Но хлебное. Снимай корону, Ванька, не до жиру сейчас.

Ксения покосилась на золотые часики на запястье.

– Так, со своими без реверансов. Мне собираться надо. Пока, сыночка. – Ксения чмокнула сидящего Ваньку в макушку и добавила: – И помойся хорошенько перед отделом кадров, а то безысходностью разит. Таких не любят.

Ванька, обиженно поджав губу, вертел в руках пачку денег.

– Ладно, спасибо. Я пошел. Я понимаю... Кто я тебе против Сашки твоего? Так... Приблуда, бедный родственник... Спасибо за помощь. Спасибо... Мам Ксения...

Он помолчал, пожевал губами...

Мам Ксения уже минимум час мозгами, сердцем и душой была в московском деканате.

– Что? – оглянулась она на Ваню.

– Ванечка, я в свои тридцать четыре мужу «Жигули» подарила. Баба. А ты чего разнылся? Не инвалид. И мама у тебя одна – Анна Ивановна. Не предавай ее. Не по-мужски это...

Вечером Ксения вместе с Панковым была в Москве. Встречал их тот самый однополчанин Панкова, Виктор Алексеевич, который помог с поступлением. В его «Жигулях» выяснилось главное.

В общаге МГИМО студент третьего курса международно-экономических отношений Александр Ильинский увидел на общей кухне эбонитово-черного Жозе Инасио, представителя угнетаемого ангольского народа, а точнее сына Жакоба Инасио – одного из восемнадцати основателей УНИТА, национального союза за полную независимость Анголы от Португалии.

Жозе откровенно грубо домогался любви блондинки-первокурсницы. Ту, судя по реакции, не очень радовала перспектива такого тесного международного сотрудничества.

Сашка Ильинский вдвоем с блондинкой как раз уравнивали сына африканского континента по весу.

– Отвали от девочки! – сказал Сашка с идеальным произношением на трех языках – русском, испанском и английском. Жозе на эти борзые метр шестьдесят даже не отреагировал. А после третьего повтора просто легонько оттолкнул Сашку. Эффектно долетев к дальнему холодильнику, Ильинский младший под писк блондинки схватил с ближайшей плиты добротную чугунную сковородку и в прыжке (недаром же мама водила его на спортивную гимнастику) хлопнул Жозе по кучерявой черной макушке. То ли сковородка, то ли голова сына соратника главы освободительного движения Жонаша Савимби загудела набатом. К аккомпанементу блондинки, которую теряющий сознание Жозе уронил под себя, добавился скорбный вопль вьетнамца Кьена, жарящего на этой сковородке селедку на ужин. Он отлучился буквально на минутку в комнату и увидел, как его почти готовая еда эффектно сползает по ушам Жозе на пол кухни.

Ксения за ночь побывала в общежитии, поговорила с участниками и зрителями и к разговору в деканате уже владела ситуацией во всех ракурсах.

– Превышение самообороны. – Она по-королевски, без приглашения присела в кабинете декана. – Никто не имеет права нападать на Советский Союз безнаказанно. Или вы со мной не согласны?

Ксения подалась вперед и посмотрела исподлобья на декана.

– Вы что это? Еще мне и претензии предъявляете? – захлебнулся от возмущения декан. – Да тут волчий билет и статья в одном пакете.

– А вот и нет. Девушка готова подтвердить, что на нее напали, а Ильинский ее спас.

– Эта девушка, прости господи, не отличается примерным поведением и не особо хранит девичью честь, несмотря на приличных родителей.

– Да что вы, – расплылась в улыбке Ксения Ивановна. – В таком вузе у кого-то небезупречная репутация? Я понимаю, что Сашино поведение недопустимо, но студент Ильинский весит от силы, как половина этого ангольца, я уже молчу про рост. Слабо представляю, как он вообще дотянулся. Вот посмотрите. Я привезла характеристику Сашеньки из музыкальной спецшколы. Школа Столярского, класс фортепиано. Откуда у музыканта такая физподготовка? Вот почитайте, пожалуйста.

Декан удивленно рассматривал мать Ильинского. Отличник с приличной фамилией, безупречной биографией и неплохим покровителем, который хлопотал при поступлении. У Ильинского была кличка «Испанец». Тот же темперамент, обаяние и даже манера речи. Талантливый пацан, и не только к языкам. А тут такая глупая выходка – крест на карьере.

Теперь понятно, откуда это обаяние и предприимчивость вместе с масляными черными глазами. Надо же, жиденок, а родословная – комар носа не подточит. А маман – интересная особа.

Ни слезинки, ни заискивания. Он тут пятый год деканом и повидал всякого – и на жалость били, и шантажировали. А она улыбается. Играет. Не местная, не московская. Одесса в Москве так – курортная провинция. Чем же удивить пытается?

– Читайте, читайте, – Ксения удобнее устроилась на стуле.

Декан приподняв бровь, открыл конверт – в нем лежал лотерейный билет:

– Это что?

– Это справка о состоянии здоровья. О том, что Сашенька не мог так сильно ранить другого студента.

Декан держал билет за уголок и вопросительно смотрел на Ксению. Потом вопросительно дернул подбородком и приложил палец к губам. Конечно, кабинет декана такого вуза прослушивали.

Ксения вздохнула:

– Я, кажется, сейчас в обморок упаду, помогите выйти на улицу.

На лавочке она так же спокойно сказала:

– Поздравляю с выигрышем.

– Каким?

– Ваз-21. Вот это удача.

Получить вождеденную «Волгу» можно было или в очереди, или чудом – вроде лотереи. Купить выигрышный билет за двойную, а то и тройную цену было таким же чудом и удачей. Но Ксения смогла.

Декан сглотнул – Ильинская зашла с крупных козырей.

– Мы можем спустить на тормозах. Без уголовного дела. Но это исключение. Увы.

– Вы не поняли, – Ксения расслабилась – наживку уже проглотили. Значит, все можно решить, правда, дороже, чем она рассчитывала.

– Это первая часть. Вы уже видели «ГАЗ 22-универсал»? – Она выдержала паузу. – Универсал, экспортный вариант.

Декан присвистнул – такая диковинка была считаной, штучной даже для Москвы.

– Ну вы понимаете... Это конечно... конечно... Но тут международный скандал. Тем более, что СССР поддерживает независимость Анголы... Есть, в принципе, один вариант... Им осталось два года учиться, и этому Жозе тоже...

Ксения уже просчитала партию до конца:

– Это не лотерея. В лотерею такие не поступают. Все официально. Ее продадут. Вам. А я оплачу и пригоню в Москву.

– Армия.

– Что?

– Ваш Саша пойдет сейчас в армию с сохранением места. Отслужит. Через два года вернется, а там уже этот... выпустится. И мы восстановим – доучится.

– В биографии этот инцидент, надеюсь, не опишут?

– Ну вы требуете невозможного. Тем более, вы же понимаете, что в... – он поднял палец вверх, – в органах, нас курирующих, уже все известно.

Ксения лучезарно улыбалась и легонько коснулась рукава декана.

– Благодарю вас. И если нужно сейчас оплатить восстановление пострадавшего – просто скажите.

– А... – Декан засмутился.

– ГАЗ-22? – Ксения выпрямилась. – Конечно, но не сейчас, а после армии. Когда восстановим. Я ходы обратно не беру. Вы же понимаете – это карьера и жизнь моего сына. Я думаю, аванс серьезность моих слов подтвердил.

Рояль в кулисах

Из международного скандала с темнокожим князем Сашка вышел с минимальными потерями – получил повестку из военкомата и с осенним призывом отбыл, как тогда говорили, исполнять воинский долг.

Ксения и здесь не оставила сына – это была не армия, а санаторий. Местом службы ему был определен музыкальный взвод в подмосковной Балашихе.

– Ну куда мне тебя?.. Ну какой ты музыкант военного оркестра? – в который раз горестно вздыхал начальник оркестра майор Искрижицкий. – Ты ж пианист, клавишник, мне что, теперь пианино на плацу поставить?.. Ну хоть что-то на духовых можешь?

– Ну, я попробую, – непривычно для самого себя робко сказал Сашка и тут же добавил:

– А я еще на гитаре хорошо играю... и пою неплохо... не Муслим Магомаев, конечно... но...

– Час от часу не легче, – горестно протянул Искрижицкий. – Ты хоть представляешь, как будет выглядеть военный оркестр на полковом плацу с гитарой или пианино? Уйди с глаз моих, дай подумать...

И крикнул в закрытую дверь:

– Дежурный!

Дверь моментально распахнулась и показалась седая голова сержанта-сверхсрочника.

– Определи его в музвзвод, отведи в штаб, поставь на довольствие и расскажи что-почем-зачем и почему тут у нас. А с завтрашнего дня в наряд, чтоб не болтался где ни попадя этот... – и добавил еле слышно вслед: – Немуслим...

Дежурный обладал музыкальным слухом, и кличка Немуслим прилипла к Сашке аж до дембеля.

Искрижицкий оказался человеком действия, думал всего три дня. Потом Ильинского вызвали в репетиционную комнату, с портретами членов Политбюро, идеологов марксизма-ленинизма, вождей и министра обороны по стенам, где под сдержанные усмешки и одобрительное гудение двух десятков музыкантов полкового военного оркестра произошло официальное знакомство с коллективом. Майор

Искрижицкий, не тратя времени понапрасну, указал в угол комнаты и сказал:

– Ну что, принимай инструмент. Содержи его в порядке и исправности, ухаживай за ним. Инструмент трофейный, с богатой историей, звук – просто незабываемый.

Сашка не знал, как реагировать – в углу стоял маршевый полковой барабан огромного размера. Когда он подошел к своему инструменту, ржали в голос уже все. Да и как тут было удержаться – рост Сашки чуть больше 160 сантиметров, диаметр барабана – почти метр и еще литавры сверху. Дуэт получился еще тот. Мелкий Сашка с большим барабаном спереди выглядел как ходячая буква «Ю», и это регулярно вносило веселье в еженедельный развод полка.

Но особое удовольствие оркестранты получили на ближайшем ежемесячном воскресном проходе по городу личного состава полка торжественным маршем – такая традиция была тогда во многих городах СССР: один раз в месяц, в выходной, личный состав воинской части, расположенной в городе или поблизости с ним, маршировал торжественно по улицам с песнями, а потом оркестр в городском парке или на центральной площади играл до самого вечера. По традиции впереди военного оркестра всегда идут барабаны и литавры, а значит, шествие по Балашихе возглавляли: музыкант с литаврами, малый барабан и чудесный дуэт – мелкий Сашка с огромным трофейным барабаном, семенящий, бухающий со всей силы и не попадающий в шаг. Все они маршировали сразу за отбивавшим строевой шаг майором Искрижицким. Веселились все – бывалые музыканты-фронтовики, салаги-сослуживцы да и горожане не могли сдерживать улыбок – таким клоунски-потешным был вид Сашки-Немуслима.

Но Ильинский не был бы Ксюхиным сыном, если б спустил такое. Через месяц во время прохода по городу он начал менять ритмический рисунок всех исполняемых маршей – обладая абсолютным музыкальным слухом и врожденным чувством ритма, он то ускорял, то замедлял в неожиданных местах все мелодии. Дело в том, что барабанщику это сделать легче, чем кому бы то ни было в оркестре, а уж большому барабану, который задает ритм всем остальным, это проще простого. И музыканты, ведомые Сашкой, были вынуждены отбросить в сторону все насмешки и внимательно следить за темпом исполнения. Искрижицкий несколько раз удивленно оборачивался на

Сашку, а потом, все поняв по красной напряженной физиономии последнего, стал чеканить шаг, легко подстраиваясь под новый ритм. А когда Сашкин сосед, малый барабан, попытался держать прежний ритм, Сашка несколько раз так яростно ударил «колотушкой» по единственной тарелке у себя на барабанах, что тот от неожиданности сбился с ритма, несколько раз ударил не попадая, что у музыкантов считается позором.

Результат подобного демарша не заставил себя ждать – наутро барабанщиков поменяли местами, и Сашка отныне стал обладателем инструмента, более подходящего ему по размеру. Дальше – больше. Вспомнив свои школьные кабацкие заработки и уроки феноменального одесского ударника Феликса, он стал на репетициях выделять такое барабанными палочками, что выдавший многое начальник оркестра начал ему подыгрывать на саксофоне, который недавно официально ввели в состав военных оркестров.

А дальше случилось то, что должно было случиться: жены офицеров и сверхсрочников, не имея особых развлечений в подмосковном военном городке, несколько раз в неделю собирались в полковом клубе – пели под баян; солировала в хоре, по умолчанию, дочка майора Искрижицкого, Тамара, и когда баянист демобилизовался, занятия практически сошли на нет – петь а-капелла офицерским женам не нравилось, но в клубе, в глухом углу, за сценой, под кучей кумачовых транспарантов долгие годы стоял роскошный концертный рояль «Стенвей», трофейный, с клавишами из слоновой кости, и папа-Искрижицкий совершил отцовский подвиг – привез из Москвы настройщика. Глубоко пожилой дядька характерной наружности долго ругал на идиш всех и вся, но за несколько дней сумел вернуть рояль к жизни, а когда Сашка, соскучившийся по хорошему инструменту, сыграл пьесу Шостаковича из цикла «Танцы кукол» для фортепиано без оркестра, дедушка отложил свой отъезд еще на день и, поколдовав над молоточками, довел звучание выдавшего виды «Стенвея» до совершенства.

Потом был Новый год и отчетный концерт, и танцы под оркестр, и вишенка на торте в виде мини-концерта, в котором солировал дуэт «Стенвей» и саксофон. Занятия с хором превратились из обычного времяпровождения в интересные музыкальные вечера, обогащенные гитарой, роялем и саксофоном. Знание языков, внешность и

обходительность Сашки не остались незамеченными. Восторженные женщины разнесли весть о чудесном музыканте по всему городу. Несколько музыкальных вечеров в подшефных школах на предприятиях добавили известности, и Искрижицкий стал получать предложения и просьбы выступить от самых разных людей, с разных сторон. В то время без благословения политотдела подобное было просто исключено, но какой политотдел решиться отказать в просьбе «поиграть на банкете» по случаю присвоения очередного воинского звания «генерал» командиру соседней воинской части, или вдруг дочка соседа-полковника замуж собралась... Вот так вот все само собой и устроилось.

Но репертуар военного оркестра не очень подходит для свадеб, потому пришлось в срочном порядке его дорабатывать.

Ксения привезла любимому мальчику гитару, ноты и кучу контрабандных пластинок. Искрижицкий на слух за две ночи расписал партитуры и приступил к усиленным репетициям. И его дочка Тамара, обладательница скромного голосочка, стала довольно удачно солировать вместе с оркестром. Денег поначалу ни с кого не брали, но просили начальников разного ранга помочь с выделением нужных средств или с приобретением дефицитной аппаратуры и инструментов. В скором времени обросли усилителями, приличными микрофонами и получили в клуб довольно редкий по тем временам «Roland» – электронное пианино, как было написано в накладной. Это позволило решить основную проблему Сашкиного участия в выездных концертах – отсутствие пианино или рояля в месте проведения мероприятия.

Ксения не просто так приехала к любимому сыну – ей надо было убедиться, что Сашка получил все, за что она уплатила не торгуясь, и решить, что и как делать дальше, потому на третий день, перед отъездом, Сашка получил увольнительную до утра, и в гостинице у Ксени состоялся очень важный для обоих разговор.

– Саня, ты уже не мальчик-старшеклассник в одесском ресторане, играющий по вечерам, где ты был сам себе хозяин, и десятины хватало на всех. Тут у тебя много хозяев. Разного ранга.

– Званий, мам...

– Не перебивай, не важно, как это называть... Скоро деньги будут, и хорошие, даже очень хорошие, по местным меркам. Так вот – придется делиться, вернее так – к деньгам отныне ты не прикасаешься,

в договорняках и прочем не участвуешь, для этого есть твой майор... От него ты, скорее всего, будешь получать даже не половину, а гораздо меньше, более того, этой долей ты тоже должен будешь делиться с твоими местными мелкими командирами. Зависть всегда была, есть и будет, от твоих маленьких командиров в казарме зависит очень многое – твоя повседневная жизнь. Поэтому надо давать, много и незаслуженно, это раздражает. Тебе придется периодически угощать твоих сослуживцев по оркестру, кто не будет играть с вами на выезде, потому что вы в одной казарме, в одном оркестре, и доносы в политотдел никто не отменял. Но у тебя впереди МГИМО. Это – цель, за это надо платить. Дай мне слово, что максимально дистанцируешься от денег, так, чтоб знали твои покровители здесь и там... – Ксения подняла глаза вверх.

– Мама, какие деньги? Мы ничего и ни с кого не получаем. Я и рад бы, да ведь не платят, и не я командую парадом.

– А тебе и не к чему командовать парадом – не высовывайся, просто играй, просто делай, что говорят, и дожидайся увольнения в запас...

– Мам, не в запас, это называется дембель, сокращенно от слова «демобилизация»...

– Не перебивай меня, это совершенно лишняя информация. Просто запомни: я, конечно, одесская мама и безумно люблю тебя, но ездить каждую неделю сюда и улаживать твои проблемы я не буду. Отмазать тебя от тюрьмы, сохранив за тобой место в МГИМО, оплатить место в муззвезде в подмосковной части, а не в Тмутаракани, стоило чуть дороже, чем красный диплом любого одесского вуза без обучения в нем. Его еще и домой принесли бы, чтоб ты не тратил деньги на трамвай...

– Мам, да я все понимаю и ценю, я все понял и сделаю так, как скажешь.

– А вот этого не надо, действовать надо по обстоятельствам. Невозможно сейчас и здесь предусмотреть все события на долгое время. Я даю тебе структуру поведения, расклады, как дома говорят, а все остальное теперь зависит только от тебя.

Она помолчала, видимо, решаясь, сказать или промолчать, но все же прибавила:

– И еще, прости, но это очень важно – никогда, ни при каких обстоятельствах не спи с дочками местных командиров и начальников, а тем более с их женами. Надеюсь, мне не надо разжевывать, почему именно так?

– Мам, я все понимаю...

– Очень хорошо. Станет невмоготу, найди себе даму на стороне, слава богу, с твоим обхождением и внешностью это раз плюнуть, можешь даже ей спеть серенаду, если успеешь, товарищ Немуслим, – блеснула агентурными сведениями Ксюха.

Она как в воду глядела. В клубе после каждой репетиции вместо отведенного часа гарнизонные дети и жены засиживались в бесконечных беседах и воспоминаниях бог знает сколько времени. На репетиции стал захаживать и вольнонаемный люд: полк – хозяйство большое, повара, портнихи, складские служащие, санчасть – везде женщины.

Внешность испанца, гитара, рояль, иностранные языки и одесская, мягко-кошачья манера общения – Сашка стал тем самым «прекрасным принцем», случайно попавшим на территорию военного городка.

Держался он стойко, на явные и скрытые призывы и ухаживания не отвечал почти никак. Даже на хозяйские замашки солистки Тамары, которая сама себя назначила его «почти подругой» и служебной овчаркой отгоняла особо осмелевших поклонниц. Срабатывало плохо, особенно на незамужних. В результате дамы стали свои симпатии высказывать другими способами. У Сашки теперь парадный мундир был из офицерского сукна, сидел как влитой, ни единой морщинки, пилотка, фуражка, ремень – все первого срока службы. Даже повседневная одежда хоть и была обычного, солдатского покроя, но из ткани самого лучшего качества, и разумеется – все индивидуальный пошив. Даже сапоги ему его обожательницы подогнали не просто хромовые, офицерские, а особой выделки, «генеральские», как сказал ему старшина-фронтовик. Он долго, с пристрастием разглядывал их, мял, проверял швы, качество ниток, величину шага швов и, возвращая, огорченно произнес:

– Эх, Немуслим, ну что это такое, а?.. Что ж за размер ноги у тебя... кукольный... бабский прям... Если б подошли мне или сыну

моему, даже жинке моей, черт с ней, ни в жисть не отдал бы их тебе, салаге, хоть ты тут и любимчик командирский...

– Да о чем разговор, товарищ старшина, забирайте, а ну пригодятся, или подарите кому-нибудь... Ну зачем они мне на гражданке? Забирайте!

– Спасибо тебе, Сашка. Нет, не возьму. Не в коня корм, как говорится. – И добавил: – Хороший ты человек, правильный, только слишком добрый. Так ничего в жизни не добьешься, все на тебе будут ездить, шея не сдюжит.

– Да ладно, мне и не жалко.

– Ты давай, это, как-то взрослей, а то горбатишься на выезде за всех, а денег почти не получаешь, да и ту малую часть, что достается, на товарищей тратишь.

– А откуда... – начал было Сашка.

– Мы тут как одна семья, ничего не скроешь, все наружу вылезет со временем, каждый свою изнанку хошь-не хошь, да и покажет. Все, забирай свои сапоги.

Ильинский, внутренне ликуя, вышел из каптерки и, зайдя за угол казармы, тихо прошептал:

– Спасибо, мам, я люблю тебя.

1968

Новоселье

Ксения вела экскурсию по участку с проложенными бетонными дорожками:

– Здесь виноградная арка. Две черешни. Там будет крыжовник, тут, на солнышке, клубника и розы. Вон, все прижились, что мы осенью посадили. Пару кустов сирени за домом. Гараж отдельно. Там Панков сутками пропадает, уже ревновать начинаю, – вещала она.

– У некоторых, – Женька оглянулась на Лиду, – жилплощадь меньше этого гаража. И вообще – что нам твои полтора укропа и лилии. Ты дом показывать собираешься?

Ксения, царственно взмахивая руками, шагала по гулкому, пахнущему штукатуркой и свежими обоями дому:

– Летняя веранда с плитой, это – зимняя кухня с грубой, печку заказала, как у мамы на Молдаванке. И три комнаты – гостиная с нашей спальней, мебель пришлось всю перетягивать. Венский гарнитур тонетовский, но в ужасном состоянии был. На него бархата ушло – всем бы на платья в пол хватило. И отдельная третья комната Сашеньке, когда будет приезжать.

– Ага, как же. Дождешься их, неблагодарных, – отозвалась Женька. – Вон Вовка – отрезанный ломоть. Свалил после армии, так только раз в год на свой день рождения и вижу с его этой куклой деревенской.

– Ну что ты сравниваешь, Женя! Вон Ванечка со мной, и Сашка всегда при Ксене, – вмешалась Анька.

– Хм, нашла чем гордиться, – отозвалась Женя.

– Три комнаты – не много ли на двоих? – поинтересовалась Лидка.

– Лидочка, вы с Николенькой, помнится, вдвоем ютились в восьми? Ну не считая каморки домработницы. Или ты уже забыла о тех временах? – покосилась на сестру Ксения. Она не просто понимала, а видела, какие мучения доставляет старшей сестре ее достаток.

– Я в плане отопления. Тут тонны два угля за зиму уйдет, – попыталась сохранить лицо Лидка.

– Ну на уголь мы как-то заработаем, – улыбнулась Ксения, – в крайнем случае опять рыбой торговать по району пойду. Помнишь, Лидочка, как в юности?

– Ты что, до сих со мной соревнуешься? Не надоело за полвека? – фыркнула Лида. – Просто спасибо скажи – вон какой стимул отличный получила.

– Девочки, записи из вашего серпентария можно продавать на пластинках для обучения, но у меня остывает шашлык и греется абрикотин! – крикнул с летней веранды Панков.

Женька подняла рюмку и принялась:

– Да неужто свой? Так быстро?

– Да какой там свой! Точнее, гнали мы, но из покупных. Вон, – Ксения махнула рукой за окно, – посадили шесть абрикос. Они второй год цветут как нанятые, а даже килограмма вшивой жердели не родили. Не то что черешня, вон ростом еле с меня, а уже в ягодах.

– Что за жерделя? – поинтересовалась Анька, подхватывая вилкой кусок селедки с розовыми кольцами ялтинского лука.

– Да уж... – изрекла Лидка. – Не, все, конечно, знают, что ты не хозяйка, но чтоб до такой степени, да еще и со своим огородом!

– Жерделя, Анечка, это дикая абрикоса, мелкая. У нее еще бубочки горькие. На всякий случай: бубочки – это ядра из косточек, – ехидно отозвалась Женька.

– Да ну что ты в самом деле! Еще про бубочки мне объясняет! Я абрикосы больше вас всех вместе взятых люблю! И варенье с бубочками. У меня их полный сад. А дичка мне зачем?

Стол у Ксени был под стать дому – полная чаша. С богатыми закусками – свежей кровяной и острой крестьянской колбасой, царским копченым свиным балыком, тончайшими наструганными ломтиками сала из морозилки. После первой порции шашлыка Илья Степанович приволок камбалу, обжаренную до золотой корочки в кукурузной муке.

– М-м, рыбацкую юность решила вспомнить, – толкнула Ксюху в бок Лидка.

– Ага. Ты же помнишь! Не налегай – четыре рубля кило! Я все считаю.

Сестры расхохотались. После камбалы Ксения вынесла из кухни хрустальную вазу на высокой ножке с фруктами, свежий торт-слойку и

две изюминки – зеленый ликер шартрез в граненой бутылке и коробку самых модных дефицитных конфет «Стрела».

Лидка развернула золотую фольгу на одном из шоколадных конусов с белыми точками: – Надо же! Придумали! На колбасу похоже! – Она с интересом надкусит и оценит помадку внутри: – Да уж, братья Крахмальниковы такого не делали, не то что теперешняя Роза Люксембург! Но вкус вполне приличный.

– Раз ты одобрила, то вкус должен быть божественный, – рассмеялась Анька. – А мне этого зелененького налейте попробовать. Ой, фу, он мятный, как конфеты «Театральные».

– «Ой, фу» – это твоя самогонка. А шартрез под кофе идеален, – буркнула Лида.

– Ну вам, богатым, виднее, – фыркнула Аня.

– Господи, вам же под сраку лет, а никто не изменился. Только усугубилось, – изрекла Женя и затянулась беломором.

Разумянившаяся от еды и выпивки Ксения с блестящими глазами откинулась на спинку бархатного кресла:

– Девочки, а я всю жизнь мечтала открыть свой ресторан. И там – вкус детства – все мамины блюда, и Ривкины пирожки с печенкой, и Нюскин борщ с черносливом. И абрикотин, как тот, что вы в детстве на даче гнали... Жаль, не разрешат...

– Вот не знала, что у абрикотина – вкус детства, – отозвалась Женька. – А борщ лучше с бычками.

Но Ксения ее не слушала:

– А я бы сейчас ушла на пенсию и выготавливала тут по первому классу. Вон у Ильи такое мясо получается, все шашлычники обзавидуются. И маму сюда бы с ее талантами... Я ей обещала дачу... Там, на Дальнем Востоке. И производство наладить. Не успела. Давайте мамочку помянем... Прости меня, мамочка...

– И папу, – отозвалась Женька. Анька всхлипнула и подняла рюмку:

– За них, за самых лучших.

Откинулся

В комнату Фени Вербы стукнули и, не дожидаясь приглашения, толкнули дверь. Не тут-то было – Феня запиралась всегда. На всякий

случай. Ментовская вдова сохраняла свой статус и вбитые мужем правила безопасности даже через двадцать лет после его смерти.

– Мать, ты чего там, бабки под одеялом считаешь? Чего заперлась?

Феня подскочила с кровати и бросилась открывать. На пороге комнаты стоял ее старшенький, Серега, с отросшей рыжей щетиной на голове и на лице.

– Я не понял? А где поляна? Чего не рада?

– Да ты хоть бы телеграмму дал! – охнула Феня и засуетилась – кинулась ставить чайник, потом метнулась в магазин за шкаликом. Быстро собрала на стол.

– Ну ты как? Как Тося? Рассказывай? – начал Серега.

– Да все в «вышке» своей. Сейчас опять в рейсе на два месяца.

– Ты смотри, красиво живет. Далек пошел! И при деньгах, и при форме. Мать, ты смотри, как тебе повезло – самый фартовый набор: блатной и моряк, так что будешь у нас как сыр в масле! Сейчас тебя принарядим, хату в порядок приведем!..

– Только приводить никого не вздумай, – насупилась Феня, – никаких баб.

– Мам, да ты шо, я честный вор, какие бабы? Только свои, только кореша.

– Уголовников мне еще не хватало! У нас таких за стенкой полно и во дворе половина. Шоб ни одного этого твоего в наколках не было!

– Та не кипиши, мать! Я ж только откинулся. Дай неделю – я пойму, что почем.

– Работать куда пойдешь?

– Куда работать? – улыбнулся Серега. – Ну ты скажешь! Вон Толян пусть работает. Он у нас сознательный.

Братьям так и не удастся увидеться. Через пару дней Феня, вернувшись домой, обнаружит за столом сына с тремя корешами.

– Мать, садись ужинать. Я все приготовил.

Феня с удивлением смотрела на стол, где лежала порубанная кусками дорогущая крестьянская колбаса, сало в ладонь толщиной и мясной балык с Привоза, сыр, брынза, пару банок рыбных консервов... Конечно, несколько бутылок водки... Феня как чужая присела на край собственного стула.

– Мать, ты не стесняйся, ужинай чем бог послал, а потом нам с корешами перетереть надо.

Ошалевшая Феня машинально взяла кусок колбасы.

– Давай и рюмашку для аппетита.

Сергеа через четверть часа сунет матери червонец:

– Мам, пойди в кино. Нам серьезно поговорить надо. На кино хватит? Вон в «Серпе и молоте» сеанс скоро.

Феня настолько была ошеломлена всем происходящим, что с десяткой в руке так и вышла на двор и уставилась на деньги.

Как ее непутевый сын враз раздобыл еды на две ее зарплаты да еще и кинул десятку на кино, она даже не представляла, а точнее – совершенно не хотела знать.

Она посмотрит кино, сдачу засунет поглубже в лифчик и явится домой с заготовленной речью. Но воспитывать будет некого – Серега и незваные гости уже исчезнут, оставив полный стол еды и окурков.

Он будет появляться дома набегами. Через неделю притащит разбитную размалеванную деваху и усадит себе на колени.

– Мать, знакомься – невеста моя! Танюха!

Феня, ввалившаяся после смены, посмотрит на хихикающую Танюху и на свою помятую кровать.

– Я ж сказала: баб своих ко мне в дом не водить! Таких невест по рублю за ночь. Мне теперь что, керосином постель облить?

– Я ж говорил, она суровая женщина. Но что поделаешь. Родителей не выбирают. Пойдем мы, – хмыкнул Серега.

В следующий раз он ввалится среди ночи и упадет спать на свою койку в уголке.

Утром, почесав кудлатую голову, спросит у надутой Фени:

– Может, ты хочешь чего? Может, что надо?

– Ты где деньги-то возьмешь?

– Мать, тебе дело? Мужик добычу принес – бери, радуйся. И не спрашивай. Может, чего купить, пока ты на работе?

– Яиц купи, – примирительно ответила Феня, – десяток.

Сергеа явится за полночь подшофе, но с упакованным лотком отборных яиц.

– Ты шо, с ними гулял весь день? – хлопала глазами сонная Феня.

– Ну ты что? Я ж фартовый пацан – зачем мне чужие яйца? Своих хватает! – заржал Сережка, опуская лоток на стол.

Феня прошлепала босыми ногами к столу.

– И крупные какие! Ты где их взял, шибеник?

– Купил!

– Ночью?

– А шо? В ресторане свои люди – мы красиво посидели, потом я попросил человечка сделать матери лоток яиц по высшему разряду, и с черного хода вынесли! Так что, мать, яйца у тебя козырные, прямиком из ресторана «Юбилейный» с Дерибасовской!

Пока Феня, потеряв дар речи, смотрела на яйца из ресторана, Серега, покачиваясь, завалился в кровать.

– Ты сколько ж за них дал?

– Четвертак.

– Сколько?!!!! Они же три шестьдесят стоят.

– Мне для матери ничего не жалко, – пробормотал Серега и захрапел. А Феня проплакала над «золотыми» яйцами полночи. Как можно было такие деньжищи отдать, она не понимала.

Но ее беспутный сын был прав – не жалко. Он их не зарабатывал на заводе или в рейсе. Серега не зря провел пять лет на зоне, где стал вполне приличным карманником-щипачем, и дело это ему нравилось.

Гулял он красиво, но недолго, и снова присел, не дождавшись каких-то пару дней прихода Толика из рейса.

«Бесаме мучо»

Со сменой репертуара, вернее – с его дополнением современными оркестровками с контрабандных пластинок количество заказов на «поиграть на юбилее – свадьбе – банкете и т. д.» у полкового оркестра Балашихи, сокращенного до размера вокально-инструментального ансамбля, превысило количество дней в неделе. А дальше, по законам рынка, когда спрос превышает предложение, стал быстро расти ценник, более того, заказчики сами стали его взвинчивать – без каких-либо телодвижений со стороны майора Искрижицкого.

С ростом спроса снова и снова пересматривался репертуар, стало не хватать словарного запаса у солистки, и тут сам майор попросил Сашку, исключительно для пользы дела, как он сказал, дать несколько уроков английского и испанского Тамаре.

Изучением языка, вернее рукописного текста песен с пластинок, невозможно заниматься на расстоянии, и случилось то, чего так боялась Ксения, и, если честно, не очень хотел и всячески избегал

Сашка – в один из воскресных дней летом 1968 года в однокомнатной квартире у майора во время разучивания легендарной «Бесаме мучо» оба не смогли сдержать своих желаний, и урок испанского завершился в постели. От любимого папы дочка не сочла нужным скрывать это долгожданное событие. Сашка это понял, когда на следующий день после репетиции был вызван в кабинет майора, где на столе стоял домашний пирог с капустой, горячий чайник и початая бутылка армянского коньяка.

Говорили о разном, никак не касаясь вчерашнего события. В основном говорил Искрижицкий, рассказывал о себе, о службе, расспрашивал Сашку о планах на будущее... Разговор не очень клеился, Ильинский, проклиная себя за вчерашнюю несдержанность и, балансируя на грани между «как бы чего снова не напортачить» и «да не хочу я жениться», отвечал односложно, мучительно подбирая слова. Тягостный для обоих разговор завершился почти безрезультатно. Сашка держался, как партизан, и при этом очень боялся, как-то совсем по-детски трусил, что мама узнает о его проколе.

А майор вечером плотно общался с дочкой, взвешивая все «за» и «против» сложившейся ситуации. Маму на этот семейный совет не пригласили, потому что в доме у майора главной была Томочка, потом папа. В обязанности мамы входило обеспечение быта и тыла дочери и супруга, но без права голоса на семейном совете.

Эта партия устраивала и дочь, и отца: Ильинский был не просто перспективным – он уже неплохо кормил их семью, даже не будучи ее официальным членом. А про МГИМО и возвращение в самый престижный вуз СССР Искрижицкий знал с первого дня. Да и семья у этого юного гения в разы богаче подмосковного майора.

Он пообещает дочери, что сделает все возможное, чтобы устроить ее судьбу, но для этого, увы, нельзя было ограничиться вчерашним одним разом.

Майор намекнет, что уроки идут Тамаре на пользу, выделит Ильинскому долю побольше в выездных концертах и будет уходить или уезжать на время всех уроков.

Через месяц Сашка в увольнительной позвонит Панкову, признается в проколе и попросит совета.

– Да, попал... Но тогда бери от ситуации максимум. Получил покровителя. Теперь держись. Это, конечно, очень грубо, но обещать –

не значит жениться. Девку не обижай, папашу не зли. Тяни до дембеля. Надо будет для дела – даже домой привози в гости. А там характеристику положительную получил – и потерялся.

– А...? – вздохнет Сашка.

– Матери я аккуратно объясню, чтобы ты ее не доконал. Ее беречь надо, – устало выдохнул Панков. – Понял? Не подведи ее.

1969

Адиёт

– Аа-ааа! Адиёт! Посмотри на него! – Людка Канавская, захлебываясь от смеха, дернула за рукав Лорку. Перепрыгнув через ступени аптеки, через дорогу побежал лохматый пацан в коричневом костюме.

– Посмотри, – хохотала Людка, – галстук! Вот такой ширины!

Галстук был выдающимся – фасона «меч-кладенец». Такому позавидовал бы юный Маяковский. На ветру и скорости он почти горизонтально парил над землей. Расцветка была смелой даже для хиппующего шестьдесят девятого: на чернильно-фиолетовом шелке – изумрудно-зеленые турецкие огурцы.

– А-ди-ёт! – Людка, снова хрюкнув от смеха, подтерла глаз. – Я из-за него тушь размазала.

– Угу, и салфетка с таким галстуком не нужна, – докинула Лорка.

Людке не рассказывали, что слово «адиёт» в ее роду – судьбоносное. Начиная с Фиры, именно с него зарождались все истории любви.

Через две недели Канавская получит от профкома комсомольскую туристическую путевку в Крым. Поход с палатками, новые турбазы и экскурсия в дом-музей Александра Грина.

Главным был, конечно, Грин, а не какой-то поход. В них Люда ходила регулярно с восьмого класса. Жизнь на Молдаванке точно не про пешие походы, разве что на Привоз за брынзой или кабачками, но туристический кружок еще со старшей школы уже выезжал с палатками в недалекий приморский пригород. В шестидесятые это был самый модный отдых. Так что всю кострово-туристическую специфику Люда знала в совершенстве. От двух своих смешных и юных дядей – Вовы, Нилиного брата, и Сашки Ильинского она получила в наследство полный боекомплект – палатку, брезентовый рюкзак, стройотрядовскую куртку без нашивок и даже пижонский маленький походный примус. С первой заводской полочки Люда купит вибамы – плоские неубиваемые ботинки на тракторной подошве для долгих походов и невысоких гор. Правда, она по-прежнему предпочитала обычные синие кеды из «Спорттоваров».

Людка была первой спортсменкой в семье со времен велосипеда прабабушки Фиры – кроме туризма она с удовольствием рублилась в волейбол и настольный теннис и очень прилично играла в шашки. Потомственный «глаз-алмаз» и повышенная целкость при стрельбе ей тоже достались, но стрелять, в отличие от Жени, она вообще не любила.

Единственная дочка Нилы выросла на удивление романтической – при всей своей языкатости и умении держать удар. А началось все с даже не с поэтов-шестидесятников, которых она переписывала в бесконечные маленькие блокнотики, а с него – обожаемого и неповторимого Александра Грина и его «Ассоли». Потом были «Корабли в Лиссе» и «Бегущая по волнам». Людка нашла свою дверь в другую идеальную жизнь и сбегала туда из молдаванского двора при каждой возможности, то есть ежевечерне – она перечитала серый двухтомник не просто сотню раз, а знала на память. На медной пластинке, которую она выклянчила на заводе, она выбила чеканку с Фрэзи Грант и парусником на горизонте. «Не одиноко на темной дороге? – шепотом спрашивала она у бегущей по волнам за Несбыточным и добавляла: – Меня зовут Фрэзи Грант. Я здесь, чтобы вам не было жутко и одиноко. Я скоро уйду...» Чтобы нарисовать парусник, который ждала Ассоль, она изучит все виды судов от галеона до марсельной шхуны. Люда Канавская сама была гриновской Ассолью, отшивая всех заводских и молдаванских ухажеров. Зачем ей эти дураки – она ждет своего Грея под алыми парусами, а когда он появится, точно его узнает и уплывет из этого дома с пьяным отчимом, дымом беломора и безымянным дворовым плевком «байстрючка» ей в спину.

Музей Грина в Крыму был ее давней мечтой. Она уже знала, что там растет дерево, которое все обвязали пионерскими галстуками и оно превратилось в алый парус. Это был знак, судьба. Но романтика оставалась дома на книжной полке, а впереди были пять дней с палаткой в Крыму.

Хорошо, когда мама всю жизнь работает в отделе кадров и сердцем угадает, что дочке точно понравится это путешествие от профкома. Плохо, что от завода едут только пятеро, и все скучные молодые передовики. И передовицы. Даже поржать особо не с кем.

Поход превратился в джек-пот, когда в Крыму их для практичности объединили со второй группой – заслуженных отличников. И это были курсанты высшей мореходки. Людка только потом проведет совершенно очевидную мистически-логическую цепочку – Александр Грин приведет ее к Грею. А пока она будет упиваться внезапной перспективой и тотальным мужским вниманием.

Стрижка каре, огромные глаза из-под густой челки и пижонски подвернутые под коленку спортивные штаны, которые она превратила в бриджи а-ля главный секс-символ СССР Наталья Варлей в «Кавказской пленнице». Они были чем-то похожи внешне, плюс спортсменка, комсомолка, активистка. Только красавицей Люда себя не считала – в моде были фигуристые грудастые дамы формата Джинны Лоллобриджиды и Софи Лорен. А Людка весила от силы килограмм пятьдесят. «Минус первый размер», – хихикала она с подругами. Кожа, кости и глаза. Мода на Твигги до Союза еще не докатилась.

А сейчас – молдавская подруга Лорка с ума сойдет от зависти. Высшая мореходка – это тот самый единственный золотой шанс вырваться из молдавской нищеты в заграничную роскошь. Это как прекрасный принц и золотая антилопа в одном комплекте. Деньги, подарки, статус, неведомые деликатесы и даже возможность не работать.

Второкурсники-мореманы оценивали трех попутчиц. Заводских комсомольцев даже за конкурентов не считали – кто они против небожителей из «вышки»?

Внимания заслуживала только одна. «Чур, моя», – глядя на Людку, произнесли одновременно все пятеро соискателей.

Столько комплиментов и ухаживаний, как за пять дней похода, Людка не получала за всю жизнь, даже включая поездку в Армению. И, пользуясь случаем, не спешила с выбором. Во-первых, тельняшка кого угодно сделает сказочно красивым. Во-вторых, как понять, кто здесь самый перспективный, и третье – чьи виды на тебя распространяются дальше окончания похода? У поколения физиков-лириков романтика вполне уживалась со здоровой практичностью – Людка искала своего Грея и сердцем, и умом. Одной капитанской внешности явно было мало. У нее в запасе было минимум три дня на проверку соискателей.

Все три поколения женщин клана Беззуб были бы довольны.

Ни на самодовольного заучку, который в первый же вечер декламировал, проникновенно глядя вдаль, стихи Щипачева и Светлова и не уследил за кипятком для чая, ни на двухметрового красавца-зубоскала она не позарилась. Эта пара павлинов любит только себя и упивается своей исключительностью. На такого она дома насмотрелась. Оставались двое – хозяйственный романтик с ромашками, надранными вместе с корнями на склонах («Она же лекарственная – я все полезные части принес»), и спортсмен с бицепсами и гитарой. Был, правда, еще один – мелкий, рыжий. Но он молчал и даже не подходил, поэтому по семейной традиции тратить на такого время Людка не собиралась.

– Ты что, решил мне всю книгу лекарственных растений собрать? Или это к чаю? Вместо заварки? – поинтересовалась Людка, когда ромашковед в очередной раз припер ей новый букет. – Может, лучше за мидиями нырнешь?

Походы, суровая школа бабы Жени и жизнь с пропивающим все деньги Павой научили Люду отлично готовить из практически несъедобных и скудных ингредиентов. После ужина ее рейтинг среди курсантов вырос еще на пару пунктов. Она вместе со всеми послушала спортивного гитариста с вполне пристойным баритоном и разнообразным репертуаром и решила, что, пожалуй, он самый толковый.

На рассвете лагерь двинулся дальше. Свернув спальники, собрав палатки, группа отправилась в самый долгий переход на маршруте. И начался он с затяжного крутого подъема.

Ходить по горам в кедах с половиной своего веса на плечах – удовольствие на любителя. Люда Канавская в сотый раз проклинала себя за тупость – почему она не взяла вибамы? Решила, что кеды легче? Теперь помирает на мокрой от росы дороге. Через час подъема комплименты и подкаты стали сильно раздражать. Она шла предпоследняя, за ней, только запыхавшаяся и красная, как мак, заводская передовица.

Люда в мокрых кедах пару раз подвернула ногу, но продолжала пыхтеть.

– Людочка, устала? Может, привал? – крикнул откуда-то из-за холма спортсмен.

– Не устала – привал по графику через час! – отозвалась она и вспомнила Нилино веселое «всрамся – не поддамся».

И тут этот невзрачный и молчаливый, списанный со счетов пятый, Людка даже имени его не запомнила, вдруг развернулся и в своих курсантских уродских ботинках начал спускаться ей навстречу.

– Дай сюда, – он просто вытряхнул ее из рюкзака.

– Ты что – Геракл?

– Еще натаскаешься, – словно не слыша, буркнул Тося и, взвалив на спину два огромных рюкзака – свой и ее, – молча попер в гору.

«А вот и он...» – Покрасневшая Людка шла следом, с интересом рассматривая мокрую спину этого лохматого рыжего. Морда квадратная, плечи широченные. Вот и Грей – надежный, упертый, настоящий.

Рост, правда, маленький – такой, как у нее. Ну, значит, никаких каблучков.

Толик отдаст ей рюкзак на привале и отсядет на свое место как ни в чем не бывало, даже не посмотрит на нее. Зато первую миску с ужином получит он.

– М-м, похоже, королева кого-то посвятила в рыцари, – хмыкнул заучка.

– Вот как он это сделал? – Возмущался будущий капитан, кандидат в мастера по боксу и тот самый гитарист. – Не, вы видели? Сидел, молчал и тут вдруг один раз рюкзак понес, и все! Этот «искрожопый» (так факультет судовождения – «рогатые» – называли электромехаников) сидел, гад, в засаде два дня. Вот гнида!

– Ну был же уговор – она выбирает. Красиво он нас сделал. Ничего не скажешь, – ухмыльнулся «ботаник». – Ну и пока никто не занял – вон та грудастая моя.

После Крыма Толик Верба, опять с двумя рюкзаками, проведет Люду до двора и ухмыльнется:

– Надо же, да я в квартале отсюда, на Степовой живу, а тебя ни разу не видел.

Он потрянул выгоревшим до рыжины пижонским чубом и улыбнулся. А Людка похолодела: быть этого не может... Неужели это тот придурок в фиолетовом галстуке? Нет. Не может быть! Она отогнала эту мысль и в субботу по приглашению Тоси поехала в яхт-

клуб. Конечно, с полной сумкой пирожков. Про путь к сердцу любого мужчины Женя и Нила втолковывали ей с детства.

Увидев яхты, паруса, загорелого дочерна Тосю, который своими огромными крестьянскими покоцанными ручищами что-то с упоением шкурил, Люда окончательно поняла, что это – Он. Ее одержимый морем Грей.

Грей проглотил пирожки не разжевывая и лучезарно улыбнулся:

– Хочешь яхты со мной перегнать? Мы тут две получили. Это рядом. Надо в наш яхт-клуб. Я все покажу. Вместе пойдем.

– А как называются?

– Пока безымянные.

Тося был великим стратегом: он еще в Крыму увидел Людкины глаза в музее Грина.

Подойдя с документами к ней, спросил:

– Ну что, на какой яхте в Одессу пойдем? – И протянул ей бумаги. Под шумок Верба вписал в ведомости новые названия яхт.

– Выбирай: «Ассоль» или «Грей»?

Это была не мещанская стрела Купидона, а победа чистым нокаутом. Поэтому, когда он явится на свидание не в форме, а своем лучшем и единственном костюме – том самом, коричневом, с малахитово-фиолетовым галстуком, – влюбленная Людочка только нежно спросит:

– А ты где это купил?

– Нравится? – обрадовался Толик. – Я сам пошил!

– В смысле сам пошил? – опешила Люда. Она не видела мужчин, которые в двадцать три умеют шить себе костюмы.

– Ну так у соседа моль сожрала, а я по швам распустил, обвел и сшил. Делов-то! Вон у нас машинка швейная есть в яхт-клубе, так я сначала руками, а потом на ней застрочил.

– А галстук у кого купил?

– Да где ж такой модный купишь? Сам пошил!

Люда простила родной душе и цвет, и фасон.

– Я надеюсь, вязать ты не умеешь? – спросила она.

– Нет, не пробовал, – признался Толя, – боюсь, руки не стоят.

– Вот и отлично. А то уже не знаю, чем тем тебя удивить.

– А ты правда умеешь? – обрадовался Тося. – А можешь, как у Хэма?

Знаменитая черно-белая фотография Эрнеста Хэмингуэя была практически в каждом интеллигентном доме. И у Тоси, зачитавшего его книги, это фото тоже украшало каморку-подсобку в яхт-клубе. Хэм был как титан, потрепанный жизнью, прошедший две войны, но несломленный. С бородой, морщинами и в толстом вязаном свитере с глухим высоким воротом, как у советских геологов. Правда, одесские поклонники Нобелевского лауреата – гуманиста с коммунистическими взглядами – не догадывались, что этот грубый свитер его четвертая жена Мэри Уэлш не связала, а купила в модном доме Кристиана Диора.

Люда свяжет свитер «как у Хэма». И не один. И станет пропадать вместе со своей любовью в яхт-клубе не только по выходным, но и по вечерам. Она будет готовить еду на всю команду и отмывать после обеда в штольне, откуда вытекал ручеек технической воды, жирные алюминиевые миски, помогать шкурить, красить, чистить, плести отбойники, складывать паруса. Ее миссия теперь – «прикрывать тылы» и «подавать патроны».

Парочка неистово целовалась в пустом трамвае. Вдруг Толик оторвался от Люды.

– Ну все! Пока! Мне надо здесь. До завтра! – и выскочил, не доехав до Моисеенко-Мельницкой всего остановку.

Люда оцепенела и по-беззубовски приподняла правую бровь: это что еще такое? Понятно, что на хуторе (а хутор – как и в начале века, это пара кварталов вокруг их дома) ее все знают и не тронут, но последний трамвай... Двенадцатый час ночи, а он просто выскочил и сбежал?! Адиёт на всю голову. Как же, поеду я завтра! «Мне раньше выходить!..» Через несколько минут она, уже готовая расплакаться от негодования, поднялась на выход, по привычке шепотом огрызаясь на вагоновожатую, бубнящую: – «Площадь Январского восстания». – Алексеевская площадь! – Вместо церкви тут были деревья и аллеи, чуть в стороне – рынок, который местные продолжали называть Алексеевским базарчиком.

Двери трамвая разъехались – за ними оказался Толик с букетом роз.

– А-а...а?

– Не бери – поколешься! Понюхала, и пошли – возле дома отдам.

Людка, улыбаясь, смотрела на цветы, а потом повернула руку Толика:

– О боже, ты что сделал?

– Та не больно. Главное – сразу схватить и руку вниз, – хмыкнул ее рыжий.

Пока Людка закипала от возмущения в дребезжащем трамвае, Толик рванул наперерез через сквер, ободрал чахлую клумбу с семейными низкорослыми розочками точно там, где трамвай делал медленный вираж, и встретил Канавскую с букетом.

Пока они наконец дойдут до восьмого номера, пройдет еще час. Людка посмотрит в темное небо и вздохнет:

– Час ночи... Мама меня убьет...

– Не убьет. Я знаю средство.

– Отдать розы ей?

– Зачем? – Толик разулыбается и поправит мицу^[1]. – Ты же знаешь, что я неотразим.

Людка легонько тренькнула в звонок. В этот момент Верба отточенным движением протер носки курсантских ботинок о свои икры в суконных форменных клешах.

Сонная Нила отодвинула занавеску:

– Ты на фига звонишь, малахольная, или тебе закрыто? Ой... – Она увидела рядом с Людкой того самого неувовимого воздыхателя.

– И кто таки приплыл к нам в гости? Очень приятно. Нила Петровна, – она повернется к Людке: – Постелить могу только на кухне – баба Женя уже в возрасте, и если выйдет ночью до ветра и вступит в гостиной в незнакомого мужчину, может и не донести. Ну или Толик увидит ее трико, и потом переляк выкатывай.

– Не, он уже уходит. Я сейчас, иду.

Нила улыбнулась:

– Ну прощайтесь, только недолго, а то вас комары сожрут.

Сияя, она подмигнет Толику и уйдет в дом.

Дембель с прицепом

В поезде «Москва – Одесса» юный дембель Александр Ильинский возвращался не один.

Вместе с ним знакомится с морем и родителями ехала Тамара. Сашка, конечно, дал телеграмму домой – мама не любила сюрпризов и должна была встречать дорогих гостей во всеоружии.

Служебная «Волга» Панкова ждала их на вокзале.

– Мама дома, выготавливает лично. Как она тебя... – Илья Панков спохватился: —...вас ждет! Второй день готовит – пол-Привоза скупила.

Ксения уже знала про неприятность с командирской дочкой и совет Панкова «обещать – не значит жениться» одобрила как стратегический ход со смотринами в Одессе.

Поэтому за столом, когда после первого тоста за любимого сына и второго за родителей Сашка поднял рюмку и выдал: – А теперь за любовь! Точнее за Тамару. Тамару Ильинскую! – Ксения сделала приятно удивленное лицо и спросила:

– Вы собрались пожениться?

– Мы уже расписались, мама, – пискнул в конце фразы Сашка. – Поздравь нас.

Ксюха побледнела, потом пошла багровыми пятнами и отставила рюмку с наливкой.

– Илья... дай. Коньяк. Срочно.

Она выпьет залпом сто грамм в три глотка и потом посмотрит на сына и новоиспеченную невестку:

– Простите – неожиданно. Давление прыгнуло. У меня гипертония. Поздравляю вас, дети.

Ксения и Тамара, как на дипломатическом приеме, будут улыбаться друг другу до конца обеда.

Когда гостя уйдет принимать ванну с дороги. Ксюха наконец останется с сыном наедине. Этого момента последние две недели Сашка боялся больше всего.

– Ты что, с ума сошел? Или эта швабра любовь всей жизни?!

– Мама. Спокойно. Она беременная. Я тянул, как мог. Она сказала, задержка три недели. Ну, уже больше месяца. Она сначала своему папаше сообщила. Ты понимаешь, меня без росписи из части даже не выпустили бы. Ты понимаешь, что с такой характеристикой никакого МГИМО не было бы!.. А так приличная девушка, из приличной семьи...

– Да уж, приличная! Легла под тебя, идиота!

– Мам, пожалуйста, я сам не рад.

– А как же так получилось, а? Или ты в свои двадцать два не знаешь, как предохраняться? А?!

– Я предохранялся. Вроде... Но она плакала. Сказала, что врач подтвердил беременность. Ну ты же всегда хотела – дети, внуки. Будет у тебя внук. Или внучка...

– Да мне-то что. Тут же ни любви, ни гешефта... одна дурость.

– Мам, моя дурость, мне расхлебывать. Она неплохая. Симпатичная, ласковая, неглупая...

Ксения насмешливо покосилась на сына.

– Ну относительно всех остальных в гарнизоне, – ухмыльнулся Сашка. – Как там? Стерпится-слюбится? Ты же тоже своего Панкова не сразу полюбила.

– Панкова не трогай. Я не сразу поверила, что он такой. И мне, как и тебе, ошибиться нельзя было. Хотя карьеры дипломата на кону не было...

– Ладно, я разрулил вопрос. Дорого, но разрулил, – примирительно сказал Сашка. Ксения обхватила сына за шею и поцеловала в выбритую до синевы щеку.

– Мое дите, наша порода. Внучка – Ира. В честь бабушки. Без вариантов.

– А если пацан – то Саня. В честь папы, – обнял маму Сашка.

– Вот и договорились.

Ксения была идеальной свекровью. Почти. Любезно слушала щебетание Тамары. Устроила прогулку с катанием на катере и ужин с видом на море. Но одесской маме с такими вопиющими генами даже говорить ничего не надо. Тамара не могла понять и описать словами, что конкретно было не так. Ксения Ивановна была сама любезность – подарила невестке золотые серьги, выделила отдельную комнату. Ни слова поперек не сказала.

– Саша, она мной брезгует. Она на меня смотрит, как на псину лишайную!

– Что за глупости? – возмутился Саша. – Мама тебя хвалит. Вон вы на примерку к ее портнихе ездили. Она ни с кем ею не делится. Это высшая степень доверия.

– Я для нее как грязь на туфле. Она морщится, когда ты не видишь.

– Тамара, у мамы сильные головные боли. Она от них морщится. Не выдумывай, пожалуйста. Мама самый дорогой для меня человек в мире!

– А я?! Я кто? – возмутилась Тамара.

– И ты тоже. Самый дорогой. Сразу после нее. Иначе не будет. – А потом, посмотрев на полные слез глаза жены, добавил: – Ну, пока не родишь – тогда ты главная. И наш Сансаныч.

Через два дня они вернутся в Москву – и так дембель в октябре, ему нагонять почти полтора месяца программы четвертого курса, в порядке исключения, которое тоже организовала Ксения Ивановна.

– Тебе надо срочно стать на учет в женскую консультацию – мама сказала, так тебе и ребенку будет безопасно и правильно, – заявил Сашка, целуя Тамарин плоский живот в их отдельной комнате общежития. – Ты поняла? А то я папе твоему пожалуюсь, что ты не слушаешься.

Сашка молниеносно влился в новый курс и активничал, зарабатывая бонусы и благосклонность преподавателей и комсомольской организации – и стенгазеты, и, конечно, активное участие в подготовке праздничного концерта сначала к Седьмому ноября, а потом к Новому году. Обаятельного «Испанца» сразу приняли в «семью». На модных квартирных вечеринках он был желанным гостем. Его однокурсники были из самых высоких номенклатурных семей, и такая дружба и со студентами, и с их родителями помогали готовиться к большой карьере. На один из таких вечеров Сашка взял молодую жену.

Через час Тамара подойдет к кабинетному роялю, за которым Ильинский, только что отыгравший новомодный хит «роллингов» – «I can't get no satisfaction», по просьбам девчонок стал напевать «Yesterday», и громко объявит:

– Саша, пошли домой, я устала!

Саша очень удивится и подмигнет замершим парочкам:

– Еще две песни, и пойдем!

– Нет! Сейчас пойдем.

Ильинский наulyбаётся огорченным хозяевам и, сославшись на беременность супруги и сопутствующие гормональные штормы, выйдет следом за женой.

Они промолчат до дома.

- Тамара, что случилось? Это что было?
- Это значит – мне скучно и неинтересно!
- И что?
- И все!

Сашка ошеломленно уставится на жену:

– Томка, ты ничего не перепутала? Ты не в гарнизоне, и я не солдат. Ты чего раскомандовалась? Это нужные люди. Важные. Тут ни твое, ни мое «хочу» вообще ни при чем. Если ты хочешь, чтобы твой муж был дипломатом, а не кабацким лабухом, то соответствуй. Общайся, улыбайся и не уставай и тем более сцен мне не закатывай.

– О чем мне с ними общаться? Они же все то на английском, то на испанском! А муж мой им играет – они танцуют, а мне с кем танцевать? Я даже одета против них, как нищенка. И сажу в углу, как дура сажу!

– Сиди как умная! И ты нормально одета. Просто ты не на сцене, и это не твой праздник. Ты должна быть просто милой и приятной. Здесь другие звезды. И я тоже снова обслуживающий персонал, хоть и приятель.

- Я никому ничего должна!
- Тогда дома сиди.
- Мне скучно дома! А в компанию эту я не хочу!
- Ну в театр сходи.
- Что, одна?! – возмутилась Тамара.
- А что здесь такого?

Сашка искренне недоумевал. Он в жизни никогда такого не видел и не слышал. Мама что отцу, что отчиму всегда соответствовала. И несмотря на свой высокий пост, если был мужской разговор – просто подавала закуски и исчезала на кухне. И в театр чаще ходила сама или со знакомыми, потому что отец откровенно скучал и просил его к высокому искусству не приобщать, а то он на опере может захрапеть громче солиста. А вот на оперетты или спектакли в русский театр ходили с удовольствием вместе. Мама вообще не понимала, что значит «скучать», и не потому, что все время работала. Она умела наслаждаться жизнью и без компании. Все разношерстные Сашкины тетки – от почти аристократки Лиды до смешной художницы-коммунистки Ани – тоже были вполне самостоятельными.

В юности все ссоры заканчиваются в постели. И первая семейная стычка завершилась в ту же ночь. А на следующий день Сашка придет домой с пар и застанет печальную Тому.

– Я больше не беременная, – прошепчет она и уткнется лицом, в подушку.

– В смысле? Что случилось? Тебе плохо? Ты падала? Когда? Как это случилось? – Перепуганный Сашка сгреб жену в охапку. – Тamarочка, что стряслось? Может, нам нельзя было, это... ну так часто?

Тамара тихо плакала в углу дивана.

– Так бывает... У меня кровь была, и сейчас, и я была у врача. Она сказала – что все... Там все оборвалось...

– Тамара – мы едем в больницу! Ты что! Это же опасно для жизни!

– Нет! Вот таблетки выписали. Все хорошо. Температуры нет...

Принеси мне водички...

Сашка метался по комнате и чувствовал себя бесконечно виноватым – он был неласковым, невнимательным, а там его ребенок... Бедная, бедная девочка...

Он на следующий день купит билеты в театр, и цветы, и красное вино, чтобы поднять гемоглобин.

– Ты чего такой смурной? – спросит его Инна, дочь первого секретаря одного из не самых маленьких районов Москвы.

– Тома ребенка потеряла... Почти три месяца было.

– Ужас какой! Почистилась?

– В смысле?

– Ну в больнице, на таком сроке.

– Нет... сказала, что все само вышло...

– Ну-ну, – отодвинулась Инка и потрепала по голове Ильинского. – Такой умный и такой дурной! Развели тебя, дурака. Точнее, женили.

– В смысле?!

– Ну может, я, конечно, ошибаюсь... Но на таком сроке так легко не проходит. Думаю, никто не был беременным, просто иначе тебя же в ЗАГС не затащишь.

– Да ладно... Быть такого не может! У нее же месячных не было!

– И никуда она на пару дней не уезжала? Ни разу?

– Домой. Один раз. Но там отец срочно вызвал – я сам телеграмму получал.

– Девочки по любви и не такое творят. Ты ее не гоняй, но и не убивайся сильно. Вот посмотришь – пару дней, и она быстренько утешится.

– А ты откуда знаешь?

– От верблюда! Ильинский, тебе эта информация ни к чему.

Циничная Инка оказалась права. Тамара практически не горевала. И семейная жизнь потекла по расписанию пар, подработок и вечеринок, на которые Ильинский по-прежнему уходил, а Тамара принципиально оставалась дома и потом по сложившейся традиции еще пару дней дулась на мужа.

1970

Мартовский ход

В марте, чтобы проводить больше времени в яхт-клубе и заработать хоть что-то к стипендии, Тося Верба устроится ночным сторожем на лодочную станцию. Во-первых, он и так тут почти круглосуточно готовится к открытию сезона, во-вторых, а точнее, во-первых, у сторожа на вахте полноценный диван и никаких соседей по кубрику. Обычная проблема влюбленной пары – пойти некуда. Дома – что у Люды, что у Толика – никакой своей территории. В гостиницу никто без штампа о браке не пустит, да и денег таких нет. А тут просто люкс у моря. Холодный, правда, и сырой, но это мелочи.

Люда будет приезжать после работы на пятом трамвайчике. Тося – встречать ее на остановке, чтобы вместе спустится по кривой бетонной лестнице, прорезающей склоны от Кирпичного переулка прямо к морю, на лодочную станцию. У Тоси ключи от двух калиток и ворот.

Благодаря холодным мартовским ночам Люде случайно удалось сохранить «девичью честь». Феня Сергеевна Верба знала, что сын подрабатывает ночным сторожем. Но зачем она туда пошла, было не ясно. Что хотела увидеть или доказать, Феня сама толком не могла объяснить – то ли успокоиться, что Толик не нагулялся и водит разных девок, то ли уличить это отродье с Мельницкой в бесстыдстве и распутстве.

В то мартовское утро, а точнее ночь, она пешком – трамваи еще не ходили – отправилась с проверкой на лодочную станцию. Абсолютно как горьковский буреветник «безумству храбрых поем мы песню» Феня бодрым шагом дошла километров шесть с Дальницкой до Французского бульвара. На ее счастье, погода была ужасная – промозглая и ветреная, поэтому в четыре утра на склонах никаких подвыпивших или криминальных компаний не встретилось. В целостности и сохранности она спустилась, спотыкаясь и проклиная строителей, по изломанным пролетам лестницы и обнаружила запертые ворота. Но когда женщина полна решимости и уже на финишной прямой, ни замок, ни сетка рабица ее не остановят. Феня, нещадно цепляя сползающие простые колготы, перемахнула через забор и выдернула

шарф из куста с завялившимися волчьими ягодами. Она как американский диверсант десантировалась на плацу и бесшумно поднялась по металлической лестнице на второй этаж ангара, где располагался смотровой пункт, он же спальня сторожа.

Вернувшись на смену, Феня торжественно объявит товаркам:

– Оказалась приличная. Я специально проверила – заглянула в окно, а они спят сидя и одетые. Даже в пальто и обуви. Ну так, голова на плече – но то можно.

Феня была абсолютно уверена, что заниматься «срамным» делом можно только ночью в темноте, только лежа и только в исподнем или без него. А как иначе?

Мотокросс

Сашка Ильинский не зря активничал и на парах, и после них – подающего надежды комсомольца заметили не только преподаватели и состоятельные однокурсники, но и кураторы из комитета госбезопасности. Пацан был чрезвычайно перспективным еще со времен армии. И грешок с африканцем тоже негласно импонировал старшим товарищам – нечего лезть к нашим девушкам.

«Испанца» решили попробовать «в поле», посмотреть не просто в вузе, а в чужой запретной среде.

Ильинский влетит в их комнатку и схватит Тамару на руки:

– Томка-а-ааа! Я лечу в Испанию!!!! Переводчиком! Первая стажировка! Поощрительная! Для лучшего студента!

– Ура!!! А куда?

– Где-то рядом с Мадридом! Ты не представляешь! Я буду переводчиком на мотогонках! С нашей сборной!

– А мне можно с тобой?

– Тома... ну нет конечно. Но с меня подарок! Самый модный!.. Я всего на недельку – не успеешь соскучиться.

Сашка помчится на почтамт и закажет разговор с Одессой.

– Мой сыночек! Мы так тобой гордимся! – захлебывалась от восторга Ксения. А потом, не выдержав, добавила: – Ты же понимаешь, что тебя будут проверять?

– Мама, ну конечно! И я не подведу! Я оправдаю! Ты представляешь, я так мечтал о мопеде, не то что о мотоцикле, и теперь

я буду рядом с самыми лучшими!

– Так! Только не вздумай за руль садиться!

– Да кто ж меня пустит! – расхохотался Ильинский.

Командировка удалась на славу. Ильинский попал на Road Racing World Championship Grand Prix – чемпионат мира по шоссейно-кольцевым мотогонкам, самое престижное соревнование на гоночных мотоциклах. В гонках участвовали специальные мотоциклы-прототипы, которые отсутствовали в свободной продаже и не разрешались к эксплуатации на дорогах общего пользования. Таких скоростей и страстей он еще не видел. В 1970-м гонки проходили на Монжуик-парк, по трассе, проложенной на барселонской горе Монжуик. Здесь же в прошлом году проходил Гран-при Испании Формулы-1. Особенности трассы были движение против часовой стрелки и сочетание одного очень медленного и большого количества быстрых поворотов. Это Сашка выяснил еще в самолете, общаясь с мотоциклистами.

Его куратор, тихий, скучный серокостюмный Сергей Сергеевич был лет на пять старше Сашки. И присматривал и за новеньким переводчиком, и за сборной. Ильинский был сама любезность и на общем вечере команд, и при общении с журналистами. Держался он настолько спокойно и уверенно, как будто всю жизнь здесь прожил. Ни на какие заграничные диковины не пялился и не ходил угрюмым. Вечером на сборе команд присел к стоящему в клубе инструменту и сыграл пару песен сначала Элвиса Пресли, а потом, собрав вокруг себя толпу, проникновенно исполнил, подмигнув Сергеичу, главный советский хит года: «Я в весеннем лесу пил березовый сок» из фильма «Ошибка резидента» про советского разведчика.

– Неужто заграница не впечатлила? – спросит Сергей Сергеевич, с которым они жили в одном номере.

– Я из Одессы – у нас с Барселоной архитектура чем-то похожа. И темперамент местных. Да и с семьей повезло. Родители много работают, я живу в достатке, но мещанства не было. Разве что культ еды. Но так в Одессе везде. Так что я балованный и привитый.

– Это хорошо, – ухмыльнулся Сергеич. – И что, даже по магазинам не хочешь?

– Мне бы гостинчик жене и маме прикупить. Но это не обязательно, можно в аэропорту при отбытии, – Ильинский покосился

на обручальное кольцо куратора. – А вы своей супруге подарок придумали?

– Ну не знаю... Возьму что-нибудь. Но я в моде не силен.

Почти всю командировочную валюту Ильинский грохнет в аэропорту на книжки на английском и испанском в мягком переплете.

– Вот это ты вспылал, – покосится Сергеич, глядя, как Сашка укладывает сокровища в полупустой чемодан.

– Да вы не понимаете! Это же Хэмингуэй!

– Так он у нас разрешен. Зачем тащить?

Сашка искренне удивился:

– Ну понятно, что разрешен, – стал бы я при вас запрещенную литературу покупать. Как вы не понимаете? Это же подлинник – живой язык. Модный, современный, а не то что у нас – классика из прошлого века. Как я буду переводить или общаться, если не буду знать современной речи! А тут признанная величина мировая! Еще и коммунист.

Но суровое железное сердце кагэбэшника расплавит даже не такое рвение в учебе, а дружеский совет.

Они оба прикупят подарки женам. А потом Сашка пойдет в парфюмерный магазин в аэропорту и позовет Сергея и протянет ему коробочку:

– Купите жене. Не прогадаете.

– Сколько, – поперхнется куратор, – за этот пузырек? Да ты с ума сошел!

– Вы хотите, чтобы ваша жена была счастлива и... благодарна очень? Купите. Просто поверьте.

Легендарная «Шанель номер 5» не просто произведет неизгладимое впечатление, но и выведет супружескую жизнь Сергей Сергеича на совершенно новые высоты – он даже не подозревал, что его суровая подруга не просто способна на такие вольности, но и выступит инициатором экспериментов в постели.

А Сашка дома нарвется на новый скандал, когда ввалится домой с двумя тяжеленными чемоданами. Тамара, по-детски пританцовывая, будет ждать подарков и горько разочаруется.

– Это что за костюм? – спросит она, вытаскивая буклированный пиджак и юбку цвета кофе с молоком.

– Это очень правильный костюм. Для супруги дипломата. В нем на любой официальный прием на высшем уровне не стыдно.

– Он уродский!

– Он по протоколу и из лучшей шерсти. Это дорогая, статусная вещь. Как ты хотела. И там есть просто кофточка модная на каждый день.

– А во втором чемодане?

– Книги.

– Какие книги?

– Современные и классические – на английском и испанском. В аэропорту удалось купить.

– Ты из Испании привез книги????!!!

– Ну да! Где ж я здесь в оригинале такие куплю?

– Ты валюту потратил на книги? – Тамара выдернула главный бестселлер сезона «Аэропорт» Артура Хейли и запустила в Сашку. – На это?! Ты что, совсем идиот?

– Я на будущее наше потратил! Да не потратил! А обеспечил!

Тут Тамара заметила пакет на дне и расплылась в улыбке:

– А! Решил подразнить или хотел потом задарить? – Она достанет флакон Шанель.

– Положи. Это маме. Это ее любимые.

– А мне? Почему не мне?! Зачем вообще твоей маме духи?

– Потому что это ее духи, – Сашка вытащил коробку из рук Тамары. – Это ее запах. Тебе такие пока рано. Ты не потянешь – так пахнет власть и уверенность. – Он уже понял, что сказал лишнее. – Это мамин запах. Она так пахнет, сколько я себя помню... Ну ты же не хочешь пахнуть, как моя мама?

– Нет, – огорченно поджала губы Тамара. – Боже, ну какой же ты бестолковый! И невнимательный! Я тоже хочу французские духи!

– Я привезу, – пообещает Сашка.

Обручальная гайка

Люда выставила вперед заточенный «голдяк» – массивное кольцо из латунной гайки: – А у меня вот!

От счастья она даже не заметила, как округлились глаза бабы Жени.

– Это что, дочечка? – оглянулась Нилка. – Это Вовка тебе выточил?

– Нет! Это Тося!

– Да неужели! Когда?!

– Это он пока так... – Людка расплылась в улыбке. – «Пометил», что его. Мы заявление в ЗАГС подали сегодня. А кольцо он сам из гайки сделал.

Евгения Ивановна Косько поперхнулась беломориной и рефлекторно потеряла свой безымянный:

– У кого-то в этой семье будет нормальное золотое кольцо?

Но ее никто не услышал.

– Ой нивроку! – Нилка, вытирая руки о грудь и бока, бросилась обнимать дочку. – Доченька, поздравляю! Радость какая! Па-авлик! Людка замуж выходит! Ура!

Пава молча долил последний стакан портвейна и проворчал:

– Ну поздравляю, сдыхались.

Людка прищурилась и моментально парировала:

– Не дожدهшься. Мы здесь жить будем.

– Пава, – Нила укоризненно посмотрела на мужа, – ты же добрый, – и повернулась к Люде: – Он не со зла, ты же знаешь.

Нила уже тащила последние пару банок с помидорами и салатом:

– Праздник какой! Мам, помогай! Сейчас отмечать будем! Я в магазин – может, раздобуду чего вкусного.

В двух кварталах от Мельницкой синхронно с Людой Канавской Тося Верба тоже решил порадовать матушку:

– Мам, мы с Людой заявление подали.

– Чего?! – Феня Сергеевна внезапно заорала, как в юности. – Чего удумал?! На нищете этой молдаванской? Кто?! Мой сын?!

– Мам... – Толик, как в детстве, смотрел исподлобья, набычившись и делая долгие паузы. – Мам... Ты... оглянись – мы победнее будем...

– Через мой труп! – продолжала орать Феня. – На этой проститутке с Мельницкой! Мой сын – моряк дальнего плавания! Да я тебе, дураку, такую невесту сосватала! С коровой!

Толик удивленно вскинул бровь, и Феню передернуло – именно так делал покойный Яков перед тем, как всадить ей кулаком под ребра.

Но сын выдохнул и только прорычал:

– Корова?! Какая корова? Ты что – с ума сошла? Сама на ней женись. Я тебе просто сообщил – без твоего одобрения обойдусь. Я пошел.

- Куда пошел?! – взвизгнула Феня. – Прокляну!
- В экипаж пошел. Проклинай на здоровье. Тоже мне, испугала, – Тося хмыкнул и вышел.
- Чурбан, такой же, как папаша!

Перспективы

Сергей Сергеевич будет хлопотать за Ильинского, чтобы после летней сессии в очередную командировку в Мадрид они снова летели вместе.

На подготовительной беседе для поддержания разговора он поинтересуется, понравился ли супруге костюм.

Сашка скривится, как от зубной боли. Но тут же улыбнется и ответит, что жена пока до конца не осознала, что такое дипломатический уровень, но мы, мол, работаем в этом направлении.

- Что, мозг выедает? – подмигнул куратор. – За книжки не убила?
- Хотела, но сдержалась, – отшутился «Испанец».

Когда Сашка уйдет, Сергей Сергеевич достанет его личное дело, потом позвонит коллегам, уточнит пару вопросов и, подхватив папку, пойдет к начальнику:

– Очень перспективный парень. Очень. Но есть нюансы с личной жизнью...

– Гулящий?

– Нет. Наоборот – порядочный. В армии на дочке майора женился. Сказал, что по любви, но на самом деле по залету. – Он помолчит и уточнит: – Есть информация – по мнимому. И она откровенно мешает. Я видел, как на него бабы вешаются. Для агентурной работы я бы рекомендовал... хм... освободить парня от обязательств. Думаю, его благодарность пойдет на пользу общему делу...

Майор Истрижицкий будет сидеть не дыша на краю стула в кабинете на Лубянке и чувствовать, как гадски медленно по спине ползет липкий пот.

Полковник, вызвавший его на беседу, уточнит:

– Вам сколько до пенсии осталось? Год? А квартира, значит, служебная... Да уж... Так себе перспектива. Но есть варианты. Если вы, конечно, их рассматриваете. Одношка в Москве, в хорошем новом районе, и даже метро через пару лет протянут... Вы же понимаете, это

жест исключительно дружеский и очень щедрый. Этот вопрос можно решить и другими, менее затратными способами...

Майор сглотнет и кивнет.

– Я рад, что мы нашли общий язык.

– Мне почему-то кажется, что у вас с супругой очень мало общего? Так? – спросит Сергей Сергеевич у Сашки.

– Знаете... есть такая народная украинская поговорка: «Бачылы очи, шо купувалы», – аккуратно ответил Ильинский. – Я ходы обратно не беру и ответственность за свои поступки привык нести.

– Считаю, уже донес. Достаточно. У нас большие планы. И наличие супруги будет... скажем так, усложнять ситуацию. Например, длительная заграничная командировка не подразумевает совместной поездки. А полгода или даже год – срок приличный. Зачем так мучить молодую девушку? – Сергеич лукаво улыбнулся: – Мне почему-то кажется, она в ближайшее время сама будет инициировать развод. Просто соглашайся. Не уговаривай.

Развод пройдет, как урок сольфеджио в школе Столярского. Тамара внезапно признается, что тяготеет жизнью в столице и такими карьерными высотами. Возможно, это просто ошибка юности, и если Саша не будет возражать, она бы вернулась к отцу, в Балашиху. Они оба юные и еще успеют найти настоящую любовь. Она тяжело вздохнет и расплачется.

Ильинский присядет рядом:

– Ну, если ты так решила... Разве я имею право тебя останавливать...

Сашка, как всегда по субботам, позвонит домой и сообщит последние новости.

– Слава богу, – выдохнет Ксения. – И как ты ее уговорил? Без скандалов? Это, считай, госэкзамен по дипломатии уже сдан.

– Да она сама предложила.

– Богу услышал мои молитвы.

– Ну, мама. Не уверен, что это был именно он, – смущенно пробормочет Саша.

А Тамара все тягостные дни, пока собирала вещи и подписывала документы, ждала, что Немуслим бросится к дверям ее останавливать,

Но Ильинский донесет чемоданы до вокзала, посадит бывшую жену в электричку и чмокнет в щеку на прощание:

– Тamarочка, спасибо за все.

Когда он выскочит из вагона, Тома смахнет набежавшие слезы и буркнет:

– Мог бы и в такси отправить, сволочь!

Выпуск

«Вышка» – Одесское высшее мореходное училище – это вам не Смольный. Но даже тут, при всей суровости почти военного закрытого вуза с обязательной формой, хождением на пары и в экипаж-общагу строем с курсовым офицером, процветало самое brutальное и отчаянное морское братство: и попойки за пределами экипажа и даже внутри – особо отчаянными и дерзкими, и эпохальные «махачи» со слободскими. И вот при такой лихости, элитности, всеобщей любви – с систематическими наказаниями и самоволками – у курсанта Вербы была многозначительная кличка Жлоб. Он никогда не жадничал, не нарушал институтских понятий, а кличка приклеилась потому, что в любой уличной потасовке, воспитанный интернатом и той же еще более неблагополучной улицей, дрался он люто – без правил и понятий. Это был его закон. Всего один – победить. Его бляхой – пряжкой на курсантском ремне – можно было бриться, настолько ее край был заточен. Маленький рост Тося компенсировал бульдожьей хваткой.

После интернатской школы он был фанатом ритуалов и традиций. Первым делом – форма. С первого курса он, как и его одноклассники, неистово доводил до совершенства обычный комплект.

Как во всех закрытых училищах, каноны форменной красоты по уставу и по мнению курсантов сильно различались. В высшей мореходке с момента ее открытия работал тихий и всемогущий Анатолий Александрович (хотя какой там Александрович, когда Шлёмович?!) Гун. Он был не просто законодателем, а главным хранителем курсантской моды. Помимо выдачи всей форменной атрибутики, он, как и полагается, «немножечко шил» прямо на рабочем месте – и подгоняя шинели, и перекраивая по последнему писку моды очередные форменные брюки. Начальство с парадными кителями и

даже московские генералы тоже обшивались у Гунна еще с 1947 года. У него же можно было разжиться всем шикарным дефицитным курсантским «товаром»: например, правильными шевронами-лычками, которые показывали, на каком курсе учится курсант.

Шевроны выдавались вместе с формой, но они были беспонтовые – тоненькие, из дешевого желтого пластика. Козырными же считались из золотого офицерского галуна, широченные.

Тося Верба покосился на свой сегодняшний рукав, на котором практически от плеча до локтя красовалась жирная «селедка» – пятый курс: пять золотых «соплей». Рукав по-пижонски оттопыривался. Для настоящего форсу Толик, как положено, подкладывал в рукав с обратной стороны картонку, чтобы шевроны не гнулись, но, в отличие от криворуких однокурсников, свою он обернул в кусок плащевки и подшил потайным швом к фланке.

Тося, улыбаясь, вспоминал их знакомство с главным курсантским портным, когда он пришел за первой козырной «соплей» – шевроном первокурсника.

Не отрываясь от машинки, его легендарный тезка бросил:

– И шо тебе из-под меня надо? Клешá? Если салага, то не раньше, чем через две недели.

– Та у меня уже есть.

Гун удивился и оглянулся оценить работу конкурентов – так в «вышке» никто не рисковал даже с бесплатными швеями и влюбленными девчонками из ателье. А легенда мореходки уже больше двадцати лет сидел в маленькой комнатенке в полуподвале третьего корпуса экипажа.

Напротив окна стоял мелкий первокурсник с наглой рожей обычного слободского или молдаванского отребья, в робе не по статусу. Обычно первогодки не выделялись и только после второго курса начинали модничать, а здесь обычная роба была нагло перешита – форменные штаны, по уставу широкие вверху и узкие внизу, просто... перевернули – отрезали почти у проймы и снова пришили – только узкой частью кверху, а широкой вниз. Швы аккуратные. Почти незаметные. Клеша дерзкие – сантиметров под сорок. И это без фирменных гуновских клиньев!

– И кто сотворил этот холоймес? – устало кивнул на брюки портной.

– А чего сразу холоймес? – отозвался курсант. – Я двое суток перешивал, чтобы швы аккуратны, и вообще пришел шеврон купить. Сказали, у вас можно.

Гун прищурился:

– А шо сам не сплетешь?

– Так показали бы как – и я бы сплел.

– Тебя как зовут? – ухмыльнулся один из самых влиятельных людей «вышки».

– Толик.

– А отчество?

– Яковлевич.

– Ну шо, Толик Янкелевич, где шить научился?

– В интернате. У нас машинки у девок были. Потом у мамы на «Подолке», когда костюм шил.

– И как процесс? Нравится?

– Не нравится, но если надо – можно освоить.

– Фланку правильно погладил, – одобрительно хмыкнул Толик-старший.

Фланку, она же «фланелька суконная», как значилось на этикетке, выдавали одну на три года. Особым шиком считалось погладить ее так, чтобы на груди получались два вертикальных рубца – как продолжение стрелок брюк. На левом рукаве на предплечье нашивался красный треугольный флажок и надпись ОБИМУ, а под ним находился один шеврон-лычка, который Верба решил заменить на более солидный.

– «Соплю» дам, не вопрос, – портной вернулся к машинке и, помолчав, добавил: – А шинель тоже ушил?

– Шинель машинка не берет, – вздохнул Тося.

– Ну это смотря чья!

– А можно? – робко поинтересовался Верба.

– Смотря шо. Совать свои лапы в мой инструмент – ни в жизнь, сдать мне на пошив – можно. И тебе, рукодельник, без очереди.

Курсанты носили вариант офицерской шинели – с двумя рядами пуговиц. По уставу ее надо было носить с ремнем, но выходить так в город было западно. Шинель, ушитая в талию, должна была сидеть как влитая без всякого ремня и в комплекте с белым шарфиком!

– Благодарю, – Толик расплылся в улыбке. – Так, а «сопля»?

Гун вздохнул и поднялся:

– Рубль. На втором курсе будет скидка – если выживешь.

Он с улыбкой осматривает Толика.

– А фланелька не очень, – насмешливо подергал его за пышный рукав. – Сам справишься?

– А что не так?

– Ну так рукав «фонариком» – запахло курсантам уже года три как. Рукав надо втугую ушивать, и брюки парадные тоже, шоб на заднице мешком не висели. Смогешь?

– Нет, пожалуй, это ж не роба. Можно у вас заказать?

– Ты таки толковый парень...

За пять с лишним лет в «вышке» Толик пошил не один комплект формы – так виртуозно посадить брюки по фигуре не мог никто, да и ткань у Гуна можно было выбрать первоклассную.

Сейчас Анатолий Верба заканчивал пятый курс и свято чтит традиции и их главного хранителя, Анатолия Шлёмовича – брюки с клешами от колена и с безупречными стрелками из шикарного сукна, бляха начищена и отполирована и главное – мица, курсантская фуражка, которую он еще два года назад обмял до состояния блинчика. В отличие от «сапогов» из артучилища, никто фуражку с кокардой не задирает, наоборот – обод выдергивали и круг пижонски обминали. Толику за пять лет везло и в любви, и в гонках, и в драках, а вот кореша пару раз роняли в парке фуражки, по которым к ним потом приходили усталые милиционеры и интересовались: что подписанная изнутри хлоркой именная мица делала вчера на поле боя со слободскими?

Драки с попойками тоже были традицией, и он всегда, естественно, был лучшим. Но законы «вышки» Верба тоже чтит. Поэтому сейчас, завершая обучение и соблюдая услышанные заветы, он готовился к выпуску эпически.

Во-первых, якорь. Огромный двухтонный якорь, который украшал вход в экипаж. Это было самой легкой частью подготовки к празднику. В предыдущие годы несколько кубриков, обливаясь потом, срывая связки и беззвучно матерясь, переносили его на руках прямо на трамвайные рельсы. Предыдущему выпуску традицию соблюсти не удалось – курсовые офицеры зорко следили и больше одного из кубрика не выпускали. У Толика-«нет проблем» их реально не было,

зато присутствовал талант стратега. Цель разбилась на этапы, и первым, самым сложным, стало не нести якорь, а сберечь бутылку водки. Дальше – все как по маслу. Зачем таскать полчаса то, что можно перенести за пять минут автокраном? И автокран, в пять утра почти бесшумно скрипнув тормозами, перенес якорь на рельсы пятнадцатого трамвая.

Часть вторая должна была стать новой традицией «вышки». Громкой и эффектной. Громче, чем матерится вагоновожатая со всеми опоздавшими слободскими перед якорем, лежащем на рельсах. А заложить эту традицию в прямом смысле должен был Толик. Он собрал взрыв-пакет. Имея доступ к сере, марганцовке, селитре, техническому спирту и другим полезным ингредиентам, будущему электромеханику, да и вообще любому советскому инженеру сделать это было элементарно просто. Тем более, что Толик тайно экспроприировал с камбуза старую кастрюлю – алюминиевая пудра была одним из главных составляющих будущего шоу. Вторым главным элементом было найти место для эффектного салюта.

Пушка с затонувшего английского фрегата «Тигр» украшала Приморский бульвар с 1915 года, все предыдущие, отбивавшие полдень, еще в 1904-м уворовали и переплавили. Не помогли даже цепи. Эту мортиру, поднятую из вод Одесского залива, водрузили на постамент и намертво закрепили.

Верба все продумал: вечером он повесил объявление в экипаже о небывалом шухере на Приморском бульваре в 15.00. Где-то в темный ведьмин час в районе трех ночи он забрался на постамент и засунул в дуло пушки взрыв-пакет со шнуром. К трем часам дня на Думскую площадь подтянулись курсанты. Их количество и возбужденные перешептывания начали вызывать неподдельный интерес у милиционеров.

Тося попросил его приподнять – кончик шнура почти незаметно выглядывал из дула пушки. Он поднесет зажигалку и отпрыгнет. Милиционеры побегут к курсантам...

Ничего. Ни-че-го... Курсанты и милиционеры переглянутся.

– Але-оп! – скажет Толик. – Мир и тишина! Пьем за мирное небо и мирное море!

Под ворчание, что за такие шутки морду бьют, и вот ты, Верба, вечно выдумашь, народ расходился. А дотошный и раздосадованный

Тося вернется ночью с проверкой: вот он же слышал! Но решил, что показалось... Когда он забрасывал пакет в дуло, раздался тихий всплеск. На дне пушки скопилась дождевая вода, и до обеда вся его пороховая затея банально размокла, и фитиль погас... Ну а с другой стороны – Бог отвел от разборок с милицией. Но об этой стороне сползающий с пушки без пяти минут огорченный электромеханик не думал...

Загс

– Шо, поматросил и бросил? – сочувственно кивнула сотрудница районного ЗАГСа. – Уплыл мореман от тебя?

Людка залилась краской:

– Да что вы несете! Говорю же: он в гонке, на соревнованиях, в Крыму. Перенесите, пожалуйста, дату росписи на две недели. Или лучше на три...

– Деточка, – загсовская работница смотрела на эту дурочку сочувственно, – деточка, ты уже третий раз переносить приходишь. Сама. Тебе не кажется, что... – Она покрутила рукой, пытаясь подобрать слова, – это... Ну, ушла любовь – завяли помидоры?..

– Сама ты завяла лет десять назад, – окрысилась Люда. – Перенести официально можно или нет?

– Да можно, – заржала сотрудница. – Только зря время теряешь...

– Угу. У вас спросить забыла. – Людка вылетела из ЗАГСа.

Ее Тося действительно гонялся третий месяц. И как назло приходил между этапами то вечером, то в выходные, чтобы с раннего утра стартовать на следующий.

– Перенеси на пару недель, сейчас ведь кубок Черного моря начнется! Вот, – он поднимал ее ручку с обкусанными ногтями, – вот кольцо – ты моя, я твой. Тебе штамп нужен?

– А как я к тебе приеду?

– Куда?

– Ну когда ты распределение получишь?

– Я же еще не уехал. Ну так на неделю позже поставим. В чем проблема? Нет проблем!

Наконец-то время нашлось. Пятого сентября. С этими переносами регистратора ЗАГСа замучила не только дурная девчонка, но и

прибацанная мамаша: Феня Сергеевна узнала, когда Толик подал заявление, и пришла. Но оказалось, что свадьбу перенесли, а ей не сказали. Толик просто перестал с ней говорить на эту тему. С этими фальстартами Феня уже истратила пять отгулов. Но у нее была цель – сорвать этот ужасный брак. Как она это сделает, что скажет, Агафья Сергеевна не задумывалась. Она представляла, что будет как в кино: она ворвется, призовет сына к порядку, а гулящую девку – к совести, и никто не посмеет послушаться матери! Потому что мать – это святое!

Злая регистраторша в этот раз наотрез отказалась сообщать время росписи.

– Женщина! – отчитала она Феню. – Шо вы ходите, как на работу! За сыном своим смотрите – вон голову невесте морочит! Не сказал, в какое время, – значит, опять не придет. Или вас видеть не хочет. И я его, в принципе, понимаю, я от таких малахольных сама сбежала б, но у меня рабочий день в разгаре...

Поэтому Феня заступила на вахту с момента открытия – с десяти утра. В отличие от своего сына, она никогда не считала далеко наперед – просто не умела. Поэтому в час дня поняла, что зря выпила с утра большую кружку чаю. В загсовский туалет посторонних не пускают, дом, считай, – через улицу, и Феня решила, что успеет, тем более начинался обеденный перерыв, и обнаглевшей парочке все равно придется ждать под ЗАГСом.

Она не учла, что Люду здесь уже так хорошо знали, что, когда она наконец-то явится не одна, а с тем самым моряком, их распишут без обеда, платья и церемоний – за пять минут.

– Вот это надо было ради такого рыжего столько терпеть? – хмыкнет регистраторша, вручая паспорта. – Ты смотри, Вербка, давай, не обижай ее. Кто тебя еще так ждать будет! – напутствовала она Тосю.

Когда облегчившаяся Феня примчит обратно, вредная тетка объявит ей:

– Ну шо, свекруха, все просрала? Расписался твой сын пять минут назад!

Семейная жизнь Люды будет недолгой: медовый месяц продлится меньше недели – Толик по распределению улетит на Дальний Восток. А у молодой жены начнутся, помимо работы в конструкторском бюро, пары в институте.

Шифровки

– Вам опять шифровку принесли, – хмыкнула почтальонша, вручая бланк Евгении Ивановне Беззуб. – Распишитесь.

Женя зашла домой и, зажав в углу рта беломорину, поднесла телеграмму повыше:

– «Усатые тигры прошли водопою». Хм, экий романтик попался...

Людка вечером прочтет и кинется к книжной полке: где, где она это видела? Память у нее была отличная и на лица, и на цифры, и на стихи. Она перебирала уже третий сборник.

– Да Светлов это, – проплывая в свою дальнюю комнату, не глядя, бросила Женя.

– Точно! – Людка уже дернула затрепанную книгу.

И шепотом перечитала его стихотворение двадцать шестого года: «Я в жизни ни разу не был в таверне»:

Я, может, не скоро свой берег покину,
А так хорошо бы под натиском бури,
До косточек зная свою Украину,
Тропической ночью на вахте дежурить...

В двенадцать у нас запирают ворота,
Я мчал по Фонтанке, смешавшись с толпою,
И все мне казалось: за поворотом.
Усатые тигры прошли к водопою...

Точно про ее Толика и уссурийских тигров. Он попал туда, куда всегда мечтал, – в дальние края из библиотечных книжек.

– Ба! А ты их откуда знаешь?

Из-за двери раздалось смачное сербанье – баба Женя, как всегда, пила чай из носика заварочного чайника:

– От верблюда!

– Это уже Чуковский! – гаркнула Людочка.

В комнату заплыла Нилочка:

– Азохен вэй, товарищи бояре, какие все образованные! Серебряный век, бя. Дозвольте пригласить отужинать. Что пишет-то?

– Стихи, – улыбнулась Людочка.

– Хоть про любовь?

– Про любовь... к дальним странствиям.

Через день недовольная почтальонша выговаривала Люде:

– Так, Канавская, я уже устала до вас ходить. Я б там понимала, если новость какая важная или слово доброе. А тут уже всем отделением задолбались разгадывать. Вот что за ерунду шлет и деньги тратит?! Смотри, я конечно, ничего не знаю, но тебе кэгэбэ на карандаш возьмет и его с его загранкой! Вот это что?!

Люда читала и улыбалась: в телеграмме было четыре слова: «Опять буссоль и черные братья».

– Я пока не знаю. Дома разгадывать буду. Зато нескучно.

– Нескучно это когда мужик под боком! Отвечать своему прибацанному что-то будешь?

– Конечно, – Людка подмигнула почтальонше. – Как всегда, два слова: «Жду вызов».

С вызовом юный электромеханик ледокола «Марков» не спешил, а сентябрь заканчивался. Зато Люда уже знала, и что Буссоль – не компас, а пролив в Тихом океане, который отделяет Симушир от пары Черных Братьев – необитаемых островов в Сахалинской области.

Вожденный вызов пришел как раз к ее дню рождения – двадцать девятому сентября.

Высшее образование ее уже мало интересовало, несмотря на то что после окончания техникума она таки поступила в институт, на вечернее.

– Куда собралась? – Евгения Ивановна буравила внучку своими чернющими ведьмачьими глазами. – За хреном погонишься – из института вылетишь.

– С чего бы это? Я ж на вечернем. Кто там до сессии смотрит на посещения?

– А ты вернись до сессии.

– Баб Женя, – Людка по-босячьи скривилась: – Слышь, ты маму воспитывай – она тебя вон до сих пор слушается, а меня не надо. Я в этом доме уже никого не боюсь.

– Мам, я его люблю, – скажет она вечером Нилочке. – Я поеду.

– Конечно, – пожмет плечами и улыбнется Нилочка. – Только пиши мне, пожалуйста.

Людкина зарплата в конструкторском бюро завода была семьдесят рублей. И за лето ей удалось отложить целый четвертак. Но даже вместе с получкой – мало. Кроме билета надо было еще купить что-то с собой и хотя бы пару червонцев занюхать на всякий случай. У мамы денег точно нет – ей бы еще хорошо хоть десятку оставить, а то Павлик, падла, все пропивает. Ладно, – думала Людочка, – куплю билет, а там посмотрим, сколько останется. У бабы Жени не одолжишь – не даст, у сестер ее тем более – тетя Лида за рубль удавится, а Ксене Женя про институт напоет, и та тоже не даст, так что лучше не позориться, а за свои крутиться, тем более что студентам полцены на все билеты.

– Людочка, доця, какой поезд? – удивится Нила. – Там же неделю ехать надо не пойми с кем! Да ладно попутчики, а есть, мыться как? Где? Да ты на еду больше потратишь, чем на тот самолет.

Действительно – билет на поезд стоит сто семь рублей, а на самолет – 152. Полцены – семьдесят шесть. Значит, билет, десятку маме и десятку с собой. А там как-то выкрутимся...

– Сто пятьдесят два рубля, – объявила в окошко важная, как член Политбюро, кассир в авиакассах.

– Почему? Я ж по студенческому! – возмутилась Людка.

– Что здесь написано? – Мадам в окошке ткнула наманикюренным ногтем в студенческий.

– Вечернее отделение, – недоуменно прочла Люда. – И что?

– А то, что скидки – только студентам дневного отделения. Хитрая какая – и зарплату получает, и скидка ей, как студентам! Сто пятьдесят два. Брать будете?

– Нет...

Людка пришла домой поникшая и молчаливая. Дома, как назло, гости – заехала Ксения со своим Ильей Степановичем.

– О! Людка! Ходи вечерять! – радостно завопила Ксения, а Женя покосилась на сестру и хмыкнула, не сдержалась: – Вроде приличная женщина, на хорошей должности, та ты как будто со двора не выезжала, а рядом с Нюськой на лавке лет двадцать просидела!..

– Ну, происхождение не пропьешь, – отозвалась Ксюха, – но можно попробовать. Наливай, – махнула рукой. – Людка, рассказывай, шо такая грустная? Что, жоних не пишет?

– Да каждый день пишет, – отозвалась Женя, – пургу всякую. Вот задурил голову – к нему собралась.

– И куда?

– Так, не закудыкивайте дорогу! – встряла Нила, притащив на стол миску картошки в мундирах. – Наруливайте картошеньку, пока теплая, – угощала.

Ксения грустно улыбнулась:

– «Картошеньку»! Женька, а ты помнишь, так мама всегда говорила. Царствие ей небесное. Ладно, где вы едете, Канавская? – обратилась к Людке.

– Во Владивосток. А там дальше Находка, может, Сахалин.

Ксения за секунду побледнела, сжала губы и рывкнула:

– Жень, и ты молчала?! Я с тебя удивляюсь!

– А что? – насторожилась Людка.

– А ничего! – отрезала Женя. – Просто место это памятное для тети Ксени. Она там в войну отсиживалась.

– Не отсиживалась, а зарабатывала, – взъярилась Ксения, – и Ваньку Аниного растила, и мужа нашла! И... – почти беззвучно прошептала она, – и маму... похоронила... – Она помолчала. Потом заговорила:

– Хорошее место. Знаковое. Езжай. Все получится. Там работы и внимания любым бабам – с головой. А ты у нас красотка, еще и такая языкатая.

– Я же к Толику!

– Ну так и что? Работать будешь, пока он там между островами челночит. Чего сидеть-сучать? А там связи, товары из Японии случаются по приятной цене, крабы, икра – хоть сама там наешься, – она уже улыбалась.

Через пару часов, уже на выходе, как только Женя отлучилась до ветра, Людка шепнула Ксене:

– Теть Ксения, а чем чернила выводятся? Ну, штемпельная краска?

Та вскинула бровь и покосилась на внучатую племянницу:

– Смотря с чего... Если бумага рыхлая, можно чинкой аккуратно. Если белая, то хлоркой с водой. Но пятно может остаться или дырка, или чернила поплывут, так что тут надо буквально иголкой.

Людка с горящими глазами согласно кивала:

– Нет, там хорошо рыхлая. А ставить печать – это на ластике ее резать?

Ксения с интересом смотрела на Людочку. В ней удивительным образом перемешались черты двух семей. Эти водянисто-голубые глаза, тонкий длинный нос и белая кожа – чисто Петькина немецкая порода, зато от материнской беззубовской достались острые осколки математического ума и предприимчивости, да и взгляд у нее был совершенно семитский, с поволокой. Наша девочка. Не такая беззащитно-добрая и неприспособленная, как Нилка. С перцем, как Фирочка.

Ксения Ивановна довольно ухмыльнулась и, приподняв из миски последнюю картофелину, сказала неожиданно:

– Картошенька, детка.

– В смысле? В мундирах?

– Сырая. Режется отлично и что на срезе делает, если водой не залить?

– Синеет! – восторженно прошептала Людка.

– Я надеюсь, там ничего криминально подсудного? Государственные тайны не продавай... – Ксюха выдержала паузу, – ... задешево.

Людка заговорщицки подмигнула:

– Секретный чертеж паркетно-шлифовальной машины я унесу с собой в могилу. Это так. Надо в образовании недочеты подправить.

Ксения крепко обнимет на прощание племянницу:

– С богом, деточка! Эти края для нас как родные. Пусть тебя любят там так же, как меня. Даже больше.

Людка всхлипнула. Ксения божественно дорого пахла заграничными духами, цветочным мылом, и даже горячее спиртовое дыхание после Жениного абрикотина было сладковатым.

Людка пошла в комнату снять парадную вязанку, чтобы не намочить рукава на мытье посуды. Из кармана выпала бумажка – Людка наклонилась и всхлипнула. Ее тетка-бабка умудрилась незаметно сунуть ей в карман двадцать пять рублей. Ну, теперь и ехать не страшно.

– Владивосток, на седьмое, – отчеканит Людочка и запихнет в прорезь окошка пачку десятирублевых с пригоршней мелочи и студенческим. Кассирша пересчитывает деньги, раскроет студенческий и пошевелит губами, читая: – Канавская Людмила Иосифовна?

Людка готова была рухнуть в обморок: «Неужели заметила?»
– С вас еще пятьдесят копеек за билет...

Когда Тося в гостиничном номере Владивостока увидит ее штамп «дневное» вместо «вечернего», он не поверит своему орлиному зрению и поднесет студенческий к глазам:

- Но как?
- Чинкой и картошкой, – гордо ответит жена «декабриста».
- Ювелир! – присвистнет Верба.
- Это наследственное – от бабок. Одна – художница, вторая – шахер-махер.
- А твоя – кто из них?
- Женя? Никто. Просто железный тиран из бухгалтерии, не то что сестры...

Людка поселилась в дешевой гостинице – Толик заходил в Совгавань примерно раз в неделю.

А на Мельницкой появился новый ритуал. Людка писала каждый день и, несмотря на то что письма шли чуть больше недели, приходили они ежевечерне. Нила торжественно перечитывала их вслух в конце ужина, за чаем. Иногда, если содержание письма было не слишком горьким, а Людка ведь в одиночестве в чужом холодном городе люто тосковала по дому, на чтения приглашались особо приближенные дворовые мадам, вроде Любки-морячки или Полины Голомбиевской.

«Мамочка, напиши, пожалуйста, рецепт блинчиков, не Жениных налистников, а твоих, простых. У меня тут плитка маленькая. Хочу Тосю удивить...»

– Нalistники ей чем не угодили? – хмыкнула Женя. – Ей же двадцать! Как можно не уметь оладьи жарить! Она что, в лесу жила?

– А моя мама рассказывала, что вы, мадам Косько, вообще ничего не умели, и ваша мама вместе с тетей Ирой и тетей Ривой вам рецепты слали. Хотя вы тоже жили.

– Так мама никого к плите не подпускала! И вообще, мне было восемнадцать, и голодно!

– А у нее там прямо московский гастроним! Это у вас порода такая – поздно на кухню приходите.

– Ой, – презрительно покосилась Женя, – кто бы говорил! Травоядная, ты что, кроме салата с огурцами, готовить умеешь? Яблочко порезать?

– Ша! Тишина в избе-читальне! Вы будете слушать дальше? – зазвенела Нила и продолжила: – «А в магазинах здесь странно. Морская капуста, а обычную вообще не найдешь и, мам, специально для тебя – в мясном продается козлятина!» Так и написано: «Представляешь, вяленый козел...»

Бабы прыснули от смеха.

А Люда, впервые увидев витрину, просто хохотала до слез. Местные деликатесы ей показала Надя. Первая и единственная дальневосточная подружка – ровесница из Керчи, с похожей историей. Она приехала еще в прошлом году к своему любимому и за три месяца развила бурную деятельность. Вместе с Людой они не только ходили смотреть на козлятину, но, по выражению Надьки, еще за ней убирали. Она быстро сообразила, что жить в гостинице – это выброшенные деньги, а уходить в съемную комнату – еще хуже, и устроилась горничной сразу по месту жительства. Женщины, тем более молодые и сильные, были, мягко говоря, в большом дефиците. И вакансий в гостинице – с десяток. Так Надя получила бесплатное жилье и карманные деньги. Там они с Людочкой и познакомились, прямо в номере.

Люда читала письмо, когда дверь сначала подергали, а потом в нее постучали. Она на автомате крикнула:

– Занято!

За дверью раздался залиvistый женский смех:

– Мне только спросить! – крикнула Надя. Теперь уже Людка, захлебываясь от совершенно дурного детского смеха, до слез, открыла дверь и увидела красивую здоровенную горничную с полным боевым макияжем.

А после того, как Людка пару раз вызвалась ей помочь прибраться, они стали подругами.

И когда Тося придет домой – Людка торжественно угостит его блинчиками с маминым вареньем и объявит, что устроилась на работу горничной, а на следующий приезд мужа потухшим голосом скажет, что уволилась, и опять нахлебница...

Если по моде поздних шестидесятых с фигуристыми дамами тощая Людка не котировалась, то на Дальнем Востоке сразу перешла в разряд первых красавиц. В гостинице останавливались в основном моряки между рейсами. Кто между короткими, как Тося, на пару ночей, кто между долгими походами. Так что глазастой рыжей малышке не давали прохода – кто с подарками, кто с комплиментами, а кто по синьке просто ломился в дверь номера, тем более, что гонористая одесситка отшивала не просто громко, а еще и очень обидно. Надька была почти в полтора раза выше и крупнее, поэтому с залетными обожателями справлялась легко. Да и хорошими подарками не брезговала.

– Ты ж дурная, как пробка! – вычитывала она Люду. – Я ж не говорю: давать всем подряд, а так – хвостом покрутить. Ты знаешь, что у них купить можно? А если наулыбаешься, то вообще за полцены! Или ты в своих трениках отсюда уехать собираешься?

– У меня плащ, между прочим, – обиделась Людка. – И платье.

– И жопа отмороженная в том платье! Ты как будто в карту не смотрела и прогноз погоды никогда не читала – не знала, куда едешь?..

Людка все знала, только другой одежды у нее не было. Все, что она себе пошила, было на одесскую зиму и домчать до трамвая, а потом до проходной завода. А ехать к своей любви в баб Женином трико с начесом по колено – так лучше отморозить.

Толик понимал, что даже не работая, а просто находясь в гостинице, его «глазастая Косточка» находится под угрозой. Напьются мужики и высадят дверь в их номер. В следующий рейс они уйдут вместе. Тося – электромехаником, Людка – его женой в каюте.

Кругом вода и не видно земли, а та земля, что есть, – это замерзшая вода, которую вспарывает консервным ножом ледокол «Марков». Лед за кормой похож на округлые голубоватые шмотья нутряного свиного сала на тушенке. И эта зыбкая холодная вода снаружи просочилась в Людку и начала наполнять ее изнутри. Сначала она обрадовалась, что хоть немного поправилась и меньше стали видны кости, потом оплыли ее узкие узловатые щиколотки. Обручальная гайка на пальце, которая болталась и соскальзывала в душе, вдруг стала больно врезаться в палец.

– Холодно, так холодно, – шепнула Люда вечером и завернулась в одеяло. – Как в ледяной воде.

Толик положил ей руку на лоб:

– Да ты горишь!

Но Людка не ответила.

Скорая из Находки доехала до рейда по льду. Чужая вода, без корней, без своего угла, без завтрашнего дня залила Людку, как тридцать лет назад ее прабабушку Фиру. Она не знала про Фиру и очень хотела жить...

Испуганный Толик сидел в больничной палате на краю кровати.

– Как ты нас напугала!

– Да я заснула, – хорохорилась Людка, – я просто заснула, а проснулась от матюков фельдшера.

Дежурная медсестра заглянула в палату:

– А ну кыш, Ромео! У нас процедуры!

– Время посещений с 14.00 до 18.00, так что никуда я не пойду, – не оглядываясь, отчеканил Толя.

– Ну выйди на две минуты – сейчас уколы, а девочки смущаются, – попросила Люда.

В коридоре Толик поймал врача и прижал его к стенке с допросом: – Что, как, когда отпустят, какие прогнозы, что нужно и почему заболела.

– Шастаете по холоду не пойми в чем, а потом претензии, – отрезал врач. – В чем она по судну ходит?

– Не помню. В трениках, кажется...

– А под трениками что?!

– Как что... ноги...

– А теплое что у нее есть? Вон тощая какая – одни кости! И вот простудила все, что можно и нельзя, еще недели две назад! Привез девчонку, да еще и с югов, так смотри за ней, а то загнется!

– Что нужно?

– Усиленное питание. Ей бы бульона. В идеале – куриного, только где его взять? – пожал врач плечами. – Суп сварите ей какой-нибудь хоть из тушенки, что ли, с овощами... И травы нужны лекарственные – ей долго восстанавливаться...

Толик всегда знал, что любая цель достижима. Тем более, такая ерундовая, как курица. Но не тут-то было. Во Владивостоке можно было без проблем купить крабовое мясо, медвежатину, икру, даже шубу или японский фарфор, а вот кур не было. Никаких. Дефицит страшный. Оббежав все магазины, подсобки, базарчики, ресторан и даже ближние поселения, Толик выяснил: курей здесь не держат, в продаже их не бывает. Значит, если нет на суше... надо искать в море. По всем окрестным судам пошли радиogramмы: умирает жена электромеханика. Нужна курица для бульона, чтобы спасти. На четвертом судне нашлась синяя птица. Синяя – буквально. Страшная, трижды перемороженная курица из личных запасов кока. Отблагодарив коллегу литром спирта, машинное отделение взялось варить бульон. Повара не привлекали – невелика наука.

Несмотря на то что Толик родился в Грозном, а вырос на Молдаванке в коммуне, он ни разу не варил бульон. Мама такой роскоши не готовила. Соседки побогаче просто стояли у кастрюли и гоняли всех, кто заходил, чтобы не пялились завидующим глазом в кастрюлю. Ну а потом были годы в интернате. Там давали суп в тарелке и что делают с сырой курицей, не говорили.

Оказалось, что для бульона нужна курица и вода, и соль.

На следующее утро Толик торжественно достал трехлитровый бутыль, завернутый в тельник и бушлат. В нем, как как зародыш в формалине, бултыхалась куриная голова с поддернутыми пленкой глазами и посеревшим гребешком, за ней в мутной жиже просматривалось тощее туловище.

– Курица? – слабо удивилась Людка.

– Ешь – мы вчера впятером в машине сварили! – гордо ответил Тося. – Вот теперь ты точно поправишься.

Люда открыла крышку, отпила и замерла. – М-м-м, очень вкусно. Но сейчас будут таблетки и укол – они натошак. А я потом съем.

Когда Толик уйдет, Люда попросит соседку Свету позвать санитарку – выбросить это варево.

– Ты что, с ума сошла?! Курицу целую выкинуть? – удивилась Светка. – Вообще зажралась!

– Это невозможно жрать: эти адиёты сварили ее целиком – с желчью, когтями и всеми потрохами, нечищенную. Это все горькое такое, что волосы дыбом встали. Везде. Я это есть не могу.

– А можно, я возьму? – робко спросила Света.

– Зачем тебе?

– У меня сыну девять лет. Он никогда в жизни курицу не пробовал. Можно, а? Он в обед с мужем придет.

– Та бери, конечно. Может, ее почистить и посолить та нормально промыть, еще раз проварить...

Да, они так и сделают.

– Спасибо тебе! Спасибо! – чуть не с поцелуями благодарила Света, пряча себе в тумбочку пустую банку.

А Людка писала очередное письмо домой: «Мамочка, тут одна моя хорошая подруга заболела. Можешь, пожалуйста, прислать травки лекарственные. Я тебе ниже список напишу. А то тут нет, а в Одессе, сказали, точно есть».

Пока авиапочтой письмо за неделю домчало через весь Союз до Одессы и пришел ответ – Людку успели выписать из стационара.

«Дочечка, – писала Нила, – таких травок в аптеках нет. Я спросила на Привозе, они стоят, как лошадь, которая их ела. Я послала тебе на той неделе абрикосовое варенье. С бубочками. Поделись – там чистое здоровье».

Когда еще через неделю Нилка, получив заветное письмо с дальневосточным штемпелем, узнает, что «хорошая знакомая» – это ее дочь, которая случайно «переболела в больнице воспалением почек», она, несмотря на вопли Павлика, выгребет все оставшиеся до зарплаты деньги и накупит травок, меда, орехов и шоколадок...

1971

Морская мечта

– Сейчас в Ленинграде на верфи переделывают огромную плавбазу. Делали военную, но потом решили все-таки рыболовецкую. Как у китобоев. Самую большую в мире! Портом приписки будет Одесса. И туда... – Ксения выдержала паузу: – Нужны сварщики. У тебя какой разряд? Там нужно по нержавеющейке. Производство огромное. Рейсы планируют, как у китобоев, – по девять-десять месяцев. Загранка. Сварщиком пойдешь?

Вот он, долгожданный джек-пот. В тот момент, когда Ванька уже отчаялся, смирился, сдался, судьба наконец повернулась к нему лицом.

– Так. Не дави меня! Прическу помнешь!

Его пятидесятишестилетняя тетка явно не была похожа на своих ровесниц – пенсией и пирожками здесь и не пахло. Она по-прежнему занималась делами Упрторга. Но, уже мудро отступив с главных позиций в тень, в замы, продолжая серым кардиналом рулить всей своей торговой империей.

– Я матери поклялась тебе помочь, – грустно сказала Ксения, – она заслужила. Не подведи. Если скажут доучиться – молча доучиваешься. Понял?

Ванька понял. Но он и так освоил и аргонную сварку, и по нержавеющейке.

Диплом «вышки» и пятый разряд вместе с протекцией обеспечили ему место сварщика на «Востоке». Это было единственное судно такого типа, построенное в Ленинграде, – самая большая рыбообрабатывающая база из когда-либо построенных в мире. На материнской огромной плавучей платформе, предназначенной для посадки боевых вертолетов, находилось четырнадцать рыбодобывающих судов (РДС) и пара вертолетов для поиска рыбных косяков.

Но до официального подъема флага еще полгода прибывший в Ленинград одесский десант станет дооборудовать спущенное на воду судно. Ванька будет стараться изо всех сил. Он услышит про заветное не просто рыбо-, но и крабодобывающий промысел, а это значит

Япония, Сингапур... И этот шанс он уже не упустит. Выход в первый рейс затянется – акт о приемке «Востока» со множеством замечаний одесских моряков будет подписан 31 декабря 1971 года. Ну, потом еще два месяца принимали и выстраивали по бортам четырнадцать тех самых рыбодобывающих судов...

В первом рейсе станет понятно, что юркие катера, которые из разведчиков перекалфицировали в рыболовецкие, были такие маневренные и легкие, что, захватив сетью рыбу, буквально становились на дыбы – вес улова перевешивал вес судна. Проблема усугублялась тем, что из трала невозможно было сбросить часть рыбы. И добыча просто топила катер. Сети резали, чтобы выжить. Потери были огромные: и не просто рыбы, а самого трала, который уходил на дно.

Но Ваньку проблемы рыболовов не особо волновали – у него на верхней палубе была персональная мастерская с оборудованной кузней и шикарным мангалом с фритюрницей. А консервы на «Востоке» делались на оливковом масле.

Кроме того, из пятисот членов экипажа сто шестьдесят были женщины. Одесситки еще в Ленинграде произвели фурор и на местных, и на экипаж. Это были и крепкие бабы, работающие в консервном цеху, и лаборантки, и бухгалтерия, и даже парикмахерши и преподаватели вечерней школы для младшего плавсостава.

Ваньке хватало всего: и женского внимания, и кулинарных экспериментов с морепродуктами – свежие осьминоги, крабы, креветки в оливковом масле обеспечивали любую компанию и любые напитки к ним. И работы было предостаточно – заводы перерабатывали улов в режиме нон-стоп. Два миллиона банок в сутки рыбных консервов, двести пятьдесят тысяч банок крабов, не считая рыбной муки и пресервов. Но Ване, конечно, мало было просто валютной ставки сварщика.

Фартовые

– Ой, я щас схохну! – объявила Полина, выходя в палисадник, и рухнула на лавку в ожидании зрителей.

– От чего схохнешь? – высунулась в окно баба Таня. – От давления или от смеха? Тебя окачивать или накачивать?

– Та спускайтесь, шо я буду орать, как малохольная!

Баба Таня из тринадцатой сползла на первый этаж.

– А шо с пустыми руками? – искренне удивилась Полина. – Не июнь! Я тут пока расскажу, все достояние отморожу!

– Нашла себе девочку на побегушках! – возмутилась Таня. – Я по этой лестнице скользкой сама ходить боюсь, не то что бутылку нести! Давай уже рассказывай, интриганка.

– Вы помните, у Аськи Ижикевич был племянник? Он еще с сыном своим приходил, Гришей, таким прибацанным на все мозги. Так вот этот Гриша, Грифон, обнес вчера булочную на Энгельса. Ой, я не могу! – Полина снова зашлась совершенно неприличным хохотом.

На ее залиvistое ржание подтянулись Люся-морячка и Нила.

– И шо украл? Бублики или пять батонов? – уточняла Таня.

Полина пригубила, чтобы успокоиться, лечебной Люськиной настойки на апельсиновых корках и продолжила детективную историю:

– На Энгельса такой магазинчик в полуподвале – хлебный, а со двора – приямок с доской, там лотки с хлебом прям в магаз сгружают, и продавщица ловит. Так вот, Грифон с корешами нажрались портяхи, дунули и решили, шо пора делать взрослые, серьезные дела, и надо выставить хлебный, – Полина снова хрюкнула от смеха. – Эти мишигинеры полезли в четыре утра, выбили ту фанерку, заехали заместо лотков в магазин и обнаружили сейф. Но не смогли открыть и решили взять таки его с собой. Еле подняли на поверхность, сами выползли и, шоб не надорваться, на детских саночках отвезли до Гриши у подвал на Жуковского.

– И шо? Шо там было? – заволновались соседки.

– Ой, шо там было, я не знаю. Но дальше в полшестого утра принимать хлеб пришла продавщица, думает, шо так сквозит? Потом заметила, что сейфа нет, и вызвала милицию. А там... там, ой, не могу... Там все затоптано и ржавчина от сейфа и... Не, вы не представляете! И следы от санок вместе с ногами на свежем снегу. Милиционэры по ним дошли до четвертого номера и Гришкиного подвала. Там нашли сейф, помятый, но закрытый.

– А где эти адиёты были?

– А они устали колупать сейф и пошли спать. Они же рано встали на дело и, бидоси, притомились. Менты там в подвале до полудня

ждали – так Грифон с долотом пришел.

– И шо?

– Сильно удивился, кто же их сдал? Как же их вычислили? Ой, не могу... Агройсен грабители! – Полина снова зашлась.

– Та у него вместо мозгов полматраса трухи. Он же вечно вгашенный приходил! – резюмировала Люська. – Когда, кстати, в последний раз?

– Так вот три дня назад. Почти накануне.

– Ему где-то пятнадцать, так шо есть шанс, шо отпустят.

– Зачем? Он же это, как у Дарвина! Типичный...

– Шо, обезьяна?

– Не, естественный отбор...

1972

Большой гешефт

В первом рейсе Ваня Беззуб судорожно искал и таки нашел себе хорошую возможность для дополнительного заработка. Всегда и везде, на всех производствах, в любых процессах в обязательном порядке возникает дефицит какой-нибудь очень важной детали, расходника, инструмента, мелочи, которая абсолютно не интересна высоколобым ученым, придумавшим огромные плавбазы и рассчитавшими сложные процессы и маршруты.

А еще во все времена всегда и везде была, есть и будет острая нужда в хорошем инструменте, без которого невозможно работать простым исполнителям.

На плавбазе «Восток» этой мелочью оказался шкерочный нож.

Вернувшись в Одессу, поцеловав мать и наспех перекусив за праздничным столом, Ваня сразу рванул в гости к обожаемой тетке, прикупив по пути ее любимый торт. Официально, конечно, поблагодарить за содействие в трудоустройстве, а на самом деле ему нужно было с кем-то обсудить свой план по обогащению легальным путем. Ну или почти легальным.

А с кем, кроме Ксении, он мог говорить на такую тему?

В шикарном, окончательно обжитом и благоустроенном доме на Чубаевке Ксения на летней веранде, как всегда, работала с документами и, прихлебывая чай, вполуха слушала, что там говорил племянник. Иван, бесконечно спотыкаясь, мыча и потея, через пень-колоду, очень путанно рассказал о своей задумке.

Когда Ксения поняла, в чем, собственно, состоит идея, то звонко, совсем по-девичьи, расхохоталась...

Ванька совершенно обескураженно и потерянно смотрел то на остывший чай, к которому так и не притронулся, то на хохочущую тетку, и задавался вопросами: «Что не так? Что тут смешного?»

Отсмеявшись, Ксения отложила в сторону все документы, с которыми работала, заварила обоим новую порцию чая и подробно рассказала семейную историческую легенду о своем первом заработке – как смогла поддержать в голодный тридцатый семью и обеспечила сама себе хороший вход и старт в дальнейшую жизнь, вернее – бизнес, ставший ее жизнью.

Ванька, не раз слышавший эту историю урывками от всех теток, впервые узнал детали и подробности, о которых даже не подозревал.

– Ого, тетя Ксень... ну ты даешь... – протянул он восхищенно.

– Теперь понял, что меня так рассмешило? Если понял, рассказывай еще раз. Я слушаю.

Ванька долго говорил, стараясь не упустить ни одной детали.

Ксения часто останавливала его, просила повторить, улыбалась каким-то своим мыслям и воспоминаниям. Но в один момент вдруг выдернула из папки чистый лист писчей желтоватой бумаги и провела вертикальную линию, поделив его на две идеально ровные части. Сверху своим округлым почерком вывела в двух колонках: ДЕБЕТ/КРЕДИТ.

– Поехали! – скомандовала она Ваньке.

– Куда? – растерянно протянул он, чуток струхнувший от такой резкой перемены родственницы.

– С крыши на чердак! – парировала Ксения. – Считаем. Сводим, так сказать, дебет с кредитом. – И, видя совершенно потерянное лицо племянника, добавила:

– Расходы и прибыль считаем, горе ты мое. Ты хоть примерно прикидывал, сколько стоит одна заготовка, сколько материала на ручку, какие могут быть варианты, какая стоимость реализации?

– Э-э-э-э... м-м-м-м... нет еще... когда... я... мы ж сегодня только пришли, и я сразу к тебе, только рубаху сменил дома... – протянул совершенно опешивший Ванька.

– Ну, так дела не делаются... – огорчилась тетка и тут же скомандовала:

– Значит, так. Жду тебя со всеми нужными цифрами через три дня. В субботу, в 15–00, устроим семейное чаепитие. Аньку и Женьку мне привези, раскошешься на такси по такому случаю, можешь за Лидкой заехать, если их величество соблаговолит, конечно... Так... ага... В пятницу в 17–00 позвонишь, вот номер, это секретарша моего Сани, она скажет, будет мадам Ланге с визитом или нет. – Вручив Ваньке бумажку с цифрами, добавила:

– Все, Вань, мне пора работать. – Она придвинула к себе стопку папок и грессбухов, углубилась в работу, давая понять, что аудиенция завершена.

Очутившись на жаркой улице, растерянно сжимая в кулаке листочек с цифрами, Ванька побрел в совершенно противоположную от своего дома сторону, долго бродил по каким-то переулкам и тупичкам и только под вечер, выйдя наконец к морю, смог чуть успокоиться, привести свои мысли в порядок и составить план действий.

Два следующих дня он провел в бесконечных встречах и переговорах. Был предельно собран и трезв, чем несказанно удивил всех своих партнеров на переговорах, к которым, по негласному закону берегового братства, без бутылки не приходил, но сам отказывался пить категорически. Это вызывало естественное непонимание бывших собутыльников, быстро переходящее в очень вялый протест, затихающий после бронебойного аргумента: «Тебе же больше достанется».

После третьей встречи Ванька стал чудовищно осторожен, каким-то седьмым чувством уловив излишнюю дотошность и внимание к самым незначительным деталям со стороны корешей. И поменял тактику – начертил на листочках несколько прямоугольников, указал желаемый размер и дал двум своим знакомым, скупко прокомментировав:

– Есть заказ, нужны заготовки из ножевой стали, люди готовы хорошо заплатить за хороший металл, можно крутнуть хороший гешефт.

На вопрос: сколько заготовок и какая цена? – очень по-одесски ответил: – Цена зависит от качества металла и количества заготовок, – и добавил: – Начнем с пятидесяти штук.

К концу второго дня Иван имел на руках два очень хороших предложения от двух поставщиков металлических заготовок. Можно было двигать к тетке с визитом.

От чаепития на даче Ксении никто из сестер не отказался, правда, чопорная Лида пыталась рассказать, каких трудов ей стоило выкроить время для незапланированной встречи с родственниками, но под разными предлогами все младшенькие растворились в саду, и Лидка осталась на веранде одна в общества пирога и графина.

– Ни приличий, ни умения поддержать светскую беседу, – проворчала она, наливая себе густой, тягучей вишневой наливки. –

Если б не твои алкогольные шедевры – вообще бы не приехала! – крикнула она в сад.

Зато Ваньке от Ксении перепало «с горкой». И внимания, и вопросов очень простых и ужасно неудобных. Вместо ожидаемой похвалы рапорт о победе над заготовками не вызвал никакой реакции, кроме сухого ответа:

– Хорошо, с заготовками понятно. А ручки из чего будешь делать? Сколько вариантов планируешь?

– Теть Ксень, ты ж послушай, одна партия заготовок – из немецких касок, это ж белая крупновская сталь, это ж не ножи, а фантастика... А вторая – рессоры с румынских железнодорожных тележек – это теперь такой дефицит, что о нем уже легенды рассказывают все, кто хоть что-то шарит в ножах. А еще они заточку держат неделю, а то и две, только оселком правь и кроши ту рыбу, как на лапшу! А еще...

– Вань, не надо лишней информации, ну нашел хорошее железо, или как там – белую крупновскую сталь, – молодец! Что там с ценой закупки и сколько тебе обойдется сделать из нее достойный клинок – это твои проблемы и твои затраты.

– Да там работы день-два – и мы в дамках!

– Не отвлекайся. Итак, идем дальше. Ручка – материал, варианты исполнения?

– Ну, я это еще не считал... – отмахнулся возбужденный Ванька. – Да ручка – это фигня, любой вариант из оргстекла или текстолита, на крайняк – пластик какой-нибудь подберу...

– Мальчик мой, а ты хоть раз больше трех бычков за раз чистил? – подняла бровь Ксения. – Сколько, говоришь, там норма в день на одну работницу? Триста-четырееста килограмм? А когда авралите, так и на два можно умножить?

– Ну, по-разному бывает, день на день не приходится, – протянул Беззуб.

Ксения досадливо поморщилась и уставилась прямо в переносицу собеседнику:

– Ты слушай и мотай на ус, – отрезала она. – Ручка ножа не менее, а может, и более важна, чем заточка.

Ванька совершенно упустил этот этап из виду.

– Не, ну а чо, ну ручки – придумаю что-нибудь... – начал было он снова. – Сильно надо будет – могут и кусок шланга сверху надеть и

изолентой обмотать, бабы там местные, не из графьев! И так сойдет.

– Ваня... Ты адиёт?! – Ксения Ивановна пошла красными пятнами. – Какой поц учил тебя так паскудно относиться к покупателям твоего же товара? Я с кем сейчас разговариваю, с продавщицей из сельпо? Это что за гадость?! На кого я трачу свое время?!

– Да я это... я ж так, к слову... как вариант, – перепугался Ванька.

– Молчи и слушай! Ручка ножа – это именно то, что будет отличать твой товар от остальных ножей. Она должна сидеть как влитая в руке, и не в твоей, а в женской, значит, нужен будет образец или несколько, и дашь девкам, кто на разделке, опробовать. Потом будешь долго и нудно расспрашивать, что так, что не так, и заглядывать в глаза и подгонять. А когда все сделаешь, и они похвалятся перед товарками – вот тогда, не раньше, запомни, Беззуб, – именно тогда придет твое время. Первые ножи оставь в подарок своим помощницам. Несколько ножей подари бригадирам или старшим смены – или как там они у вас называются, не важно. Идеальный случай, если какая-нибудь из баб-старожилок промысловиков тебя похвалит и сменит свои ножи на твои. Мне в свое время это очень помогло. Как только местные деды-рыболовы хорошее слово про мои крючки сказали – сразу исчезла проблема реализации и начался перманентный дефицит товара, хотя на меня работал Котька со своей компашкой, а через него половина ремонтно-механического цеха, причем не только на рабочем месте, но и по домам... Так-то вот, племянничек, когда тебя люди хвалят – это тебе не «Летайте самолетами “Аэрофлота”!»», это из рук в руки тебя передают, – задумчиво протянула Ксения, думая о чем-то своем. Она сморгнула и продолжила как ни в чем не бывало:

– И вот еще что. По первому времени у твоих баб на судне может быть туго с деньгами – так продавай в долг, под расписку, ну или еще как, тебе виднее, помни, что нож у тебя в сундуке – мертвый капитал, убыток, нож у покупателя – твоя прибыль, пусть и с отсрочкой полученная. Придет конец путины – все рассчитаются, а кто не рассчитается – заберешь товар, почистишь и перепродашь. Без прибыли не останешься в любом случае.

– Теть Ксень, а может, я еще и ножны к ним буду делать? Есть у меня знакомые по кожевенному делу...

– Да делай что хочешь, мне какое дело до твоих гешефтов? Ты задал вопрос – я ответила. Главное – помни: делись с нужными людьми. Кому больше, кому меньше. Не переплачивай, но и не жмись – если правильная денежка попадает к правильному человеку, такое всегда возвращается.

– Теть Ксень, а ты же говорила, что на свои ножи простую пробку на рукоятки использовала – может, и мне такое делать?

– Мои должны были не тонуть, если из рук выпустишь, а еще далеко не уплывать, ну, для этого специальный короткий поводок к локтю был привязан, и ножны были. На ногу или на руку, но ближе к плечу, чтоб плыть не мешал... Все, племянничек, вали в сад, урок окончен. Дальше – сам, не школьник, тридцать семь уже, чего я здорового мужика, как котенка, должна в миску со сметаной тыкать?

– Теть Ксень, только не сердись, можно, я еще раз к тебе приду? Ну, через неделю... Я все-все нужные цифры принесу. Ну пожалуйста, не с кем мне об этом поговорить, кроме тебя, – добавил Ванька жалостливо.

– Ладно, ровно через неделю, в это же время. Один. У тебя будет час на все про все.

В следующую субботу Ванька положил на стол лист бумаги с двумя графами «дебет-кредит» и колонками цифр.

– Вот, посмотри, – гордо заявил младший Беззуб.

– Ого, – Ксения посмотрела на племянника поверх очков. – Сам не сдержался или кто-то помог?

– Помогли, конечно, сначала, потом уже сам.

– Ага, понятно, налицо явный дефицит оборотных средств, как думаешь покрывать? – С легким удивлением от того, что племянник ее понимает, спросила Ксения.

– Нужен заем, – серьезно ответил Ванька, глядя прямо в глаза Ксюхе. – Тысяча рублей, срок – десять месяцев, если можно, то без процентов. Если нет, я готов обсудить разумную ставку по кредиту.

– Ишь ты! Процентная ставка! – хихикнула Ксения. В ее памяти всплыл давний разговор с Котькой в обед у ремонтных мастерских, когда ей тоже нужен был аванс. Намного меньше, по нынешним временам, но не менее важный, и горечь Котькиного отказа сегодня была так же остра, как тем далеким летом, когда ей было

четырнадцать. Конечно, она поможет Ванечке – тысяча для любимого племянника для нее вообще не деньги.

Он молча смотрел прямо в глаза тетке и ждал.

– Ну или долю с прибыли, – не выдержал тягостного молчания и выложил последний козырь.

– Ладно, какой же процент по кредиту ты намерен мне предложить? – серьезным голосом спросила Ксения.

– Десять.

– Ежемесячно или годовых? Как выплачивать собираешься? По финальному результату или помесечно? – продолжала она сыпать вопросами.

– Ну это... Я не думал, если честно, как скажешь, так и буду платить, мне все равно никто, кроме тебя, таких денег не даст, а авансы я уже все выбрал...

– Ну вот и не умничай в следующий раз, дорогой... То, что тебе все это кто-то написал, а ты зазубрил – похвально, но не надо выпендриваться передо мной, по возрасту уже совсем никак. Взрослый же дядька, честное слово! Деньги я тебе дам. Пиши расписку. Отдашь, когда вернешься с рейса.

Оставшийся до выхода в море месяц прошел в хлопотах и закупках. Помимо беготни между поставщиками, испытаний пробных образцов, подбора материалов для ручек и всяких расходных материалов, надо было и в мастерской на судне многое успеть. Учеба, отработка нештатных ситуаций, изучение матчасти и прочая судовая рутина хоть и не касалась Ваньки непосредственно, но и у вольнонаемного персонала забот перед первым походом было хоть отбавляй.

Человек за бортом

Пока некоторые готовились к рейсу, другим эти рейсы надоели хуже горькой редьки.

Ближе к лету Толик Верба затоскует. Вот уже открывается новый яхтенный сезон – как всегда, к девятому мая. Марширующие курсанты. Гонки на ялах и перетягивание каната у первокурсников...

Они будут взрывать казенными ботинками теплый от первой майской жары новенький асфальт на плацу с размалеванной розой

ветров. А потом выйдет первая гонка – вдоль берега между буями и вешками. Однодневка – размяться после спячки. Все лодки уже готовы и сбрасываются на воду, а он здесь, на судне...

– Мне нужен отпуск. Я уже писал заявление.

– Летом? Ты в своем уме? Ты еще распределение свое не отработал. В отпуск в октябре пойдешь.

– Не пойду.

– Тогда без отпуска.

– Вы не понимаете – мне нужно в Одессу. – Толик, как в уличных драках со слободскими, стоял в бойцовой стойке, сжав кулаки.

– Ты на меня волком не смотри – видал я таких борзых, – отмахнулся капитан. – Вон жена под боком – чего тебя несет? Приболел?

– Приболел, – утвердительно кивнул головой Верба. – Срочно надо домой.

– А, ну это только через медкомиссию, это им решать – кто больной, кто здоровый, и где вас хитросделанных лечить...

До утра Тося изучит справочник судового врача. Перед медкомиссией он залпом выпьет в кафешке восемь чашечек кофе. Дать двойные половинки продавщица откажется:

– Ишь чего удумал!

– Сто сорок пять на девяносто, – объявит медсестра врачу и испуганно посмотрит на Толика: – Пульс сто сорок.

– И голову очень давит вот тут, – он потер затылок, – после травмы. Последнюю неделю постоянно.

– Ясно. – Врач с ироничной улыбкой смотрел на этого чубатого молодого электромеханика с пижонской шкиперской бородкой. – Что, Хемингуэй, в отпуск хочется?

– И это тоже. Голова каждую вахту раскалывается. Даже тошнит.

– Верю, – кивнул доктор. – А будешь столько кофе хлебать, еще и сердце выскочит. Уколи ему пару кубиков магнезии, чтобы не облевался, – обернулся к медсестре. – И пусть идет.

– Собираться? – расплылся в улыбке Толик.

– На вахту собираться. Тут таких больных по пять за день каждую весну. Так что, батенька, в очередь. В пищевой цепочке. Ваш отпуск – не раньше ноября.

– И что? – шепнул Тося медсестре, опуская в карман халата червонец. – Нет таких диагнозов, чтобы списали срочно, но без криминала?

– Дурка, – хихикнет медсестра. – Только если кукушечка, – она постучала ему пальцем по лбу, – сломается. Но тут, скорее всего, загранка закроется навсегда.

– А дурка в чем?

– В поведении неадекватном. Это тебе не кофе перепить, тут актерское мастерство надо и знание материала.

– Или голая правда, – Толик вдруг подскочил.

– Эй, погоди, я давление измеряю еще раз!

– Не надо – я просто окунусь.

Врач хмыкнул: этих показушников у края борта он повидал чуть меньше мнимых гипертоников.

Но за хлопнувшей дверью сначала раздался зычный мат вахтенного матроса, а потом всплеск воды и крик: «Человек за бортом!»

Толик Верба помнил завет учителя: нет недостижимых целей. Он в чем стоял – в кителе, суконных брюках и ботинках, – так и шагнул за борт. Льда уже не было – плюс пять. Пока шел к борту, просчитал, что в худшем случае – воспаление легких, но из госпиталя точно можно будет уехать на восстановление в Одессу.

«Нервный срыв», – напишет врач и сплюнет: – Вот упертая гнида!

На ножах

Первый выход плавбазы тоже стал праздником для города, правда, не таким грандиозным, как с китобойной флотилией, а для экипажа он завершился прямо после выхода в открытое море. Прозвучала команда сменить парадные кителя на рабочую робу, и начались обычные морские будни. До прихода в место лова времени было достаточно, и экипаж повеселился вволю, глядя, как вольнонаемный персонал многократно отрабатывал бесконечные тревоги и учения. Но это быстро сошло на нет, вахты, подвахты и нескончаемая уборка нескончаемого количества помещений огромного судна быстро призвало к порядку всех зубоскалов в экипаже.

Ваньку все эти перипетии волновали мало – быстро сдав зачеты по матчасти, он заперся в своей мастерской и выходил оттуда только в

столовую или спать. Всё остальное время он работал как одержимый. Ему наконец-то снова стало интересно. Обработка заготовок принесла несколько сюрпризов – не все оказалось таким простым, как мечталось. А кое за что принесло и дополнительные расходы. Пришлось брать в долю кузнеца – закалка лезвия оказалась делом непростым. На удачу, кузнец был знатоком и несказанно удивил Ивана, пояснив, что сам процесс делится иной раз на три этапа, и даже больше... В результате многократных проб и испытаний готовые клинки закаливались в масле и... в моче. Последнее нужно было делать только с вытяжкой, вонь была очень едкой.

К началу путины Ванька успел изготовить полтора десятка шкерочных ножей и стал ждать своего часа. Почти сотня женщин-разделочниц только на плавбазе плюс команды на сейнерах-траулерах (тетя Ксения была бы довольна) – емкость рынка шкерочных ножей казалась просто огромной для возможностей его маленькой мастерской.

Нет, дефицита не было, всем дамам на разделке сразу были выданы ножи отечественного образца – с пластиковыми ручками, широким лезвием и оселок мусат для правки лезвия во время работы. Бывалые разделочницы, конечно, имели свои ножи, но сколько их там, бывалых? И первые несколько дней, как только пошла рыба, принес вполне ожидаемый результат – стертые до кровавых мозолей руки и нескончаемый поток пациенток к медику. Бригадиры-мастера рвали и металы. Рыба прибывала, скапливалась в бункерах необработанная, приходила в негодность и уже несколько раз сбрасывалась за борт из-за порчи. Оставшиеся в строю разделочницы работали по несколько смен.

Вот тогда Иван и устроил бесплатную раздачу чудо-ножей. Сказать, что бригадиры-мастера были удивлены таким сочувствием со стороны сварщика из рефкоманды, – ничего не сказать. Но ножи были на редкость хороши и удобны. Спрос моментально зашкалил, а через месяц случилась другая напасть – запас приличных ножевых заготовок от одесских мастеровых быстро сошел на нет и пришлось снова брать в долю местного кузнеца... Тот обещал золотые горы, но качество металла его заготовок оставляло желать лучшего. Но что поделать, если без кузнеца и его оборудования не обойтись. Теперь заказы приходилось брать «из материалов заказчика» – в ход шли

подшипники, клапана, даже грузовые стропы: заготовки нужно было многократно ковать, тут без молота, горна и наковален делать было нечего.

И если с материалом заготовок как-то решалось, то оптимальную конструкцию шкерочного ножа Иван подбирал весь рейс. От простого, которыми руководство снабдило работниц, отказались все, потому что руки после смены с таким ножом отекали, болели и ныли так, что работницы вынужденно подвешивали их на веревках, чтоб хоть как-то заснуть.

Иван постепенно перешел к японскому типу – руки меньше нагружались, и для желающих на конце лезвия был очень острый крючок для выпаривания рыбьего брюха – незаменимая вещь для обработки рыбин с икрой и печени трески.

Только денег пока особых не было, все в долг, расчет – по завершении путины, но теткин рассказы о том, как она начинала свой гешефт с крючками-ножами и что получилось, оправдывал себя на сто один процент.

Дело в том, что в тралах, помимо основного косяка промысловой рыбы – сельди, трески, кильки, салаки, – попадалось много чего. Акулы, крабы, палтус – чего только не было в тех огромных сетчатых кошелках, и экипаж быстро стал обрастать всякими личными и групповыми мини-коптильнями, автоклавами, грилями. Ванька даже перестал ходить в столовую, вернее ходил, но в неурочный час, и только за хлебом, солью, пряностями и луком с морковкой. Да и зачем, когда в мастерской – и коптильня, и автоклав, и плита с набором необходимой посуды... У кухонного люда хорошие ножи тоже всегда в большом почете. Ну а редкие заходы в порт, конечно, радовали обилием фруктов и овощей, но главное – свежим экзотическим мясом. С холодильниками у рефрижераторной команды никогда не было проблем, и потому из мастерской в коридор часто просачивались такие ароматы, что количество докладных, жалоб и доносов увеличилось в разы. Чтобы хоть как-то замять назревающий скандал, капитану, старпому и замполиту пришлось срочно подарить наборы ножей из дамасской стали, на который Иван имел особые виды. Иллюзия, что теперь все его любят и ему все можно, стоила приличных денег.

Ванька уроки усваивал быстро и отлично, до дрожи помнил фиаско в первых рейсах. Потому в свою первую путину на «Востоке» принял

решение ничего запрещенного не провозить, чтоб не спалиться при таможенном досмотре. Потом сам себе заменил строгий запрет на нестрогий, но максимально дистанцировался от товара: распахал разную мелочевку куда смог придумать, главное тут было – чтобы, если обнаружат, с ним никак не связали контрабанду.

Больше всех при досмотре пострадала машинная команда – то ли бригада таможенников попалась опытная, то ли стукачи сработали на отлично, но дед и его люди были злые как черти.

У Ивана из семи «захоронок» нашли четыре, и это было обидно, прятал он на совесть, ну или так ему казалось. Теоретически – кто-то мог увидеть момент закладки, но не четыре же раза подряд! Постепенно стало приходить понимание, что в его проколах виноваты не только стукачи – есть опытные люди и у таможенников, – поэтому нужно искать какие-то другие нычки. Ну а сейчас – срочно домой нести презенты тетке, родственникам и быстро заказывать новые заготовки. Ваня в рейсе набил руку на приготовлении и консервации таких деликатесов и всяких козырных и вкусных вещей, которых его родственники и представить не могли – даже выдавшая виды Ксения. Тут и крабы в собственном соку, и печень трески в оливковом масле с пряностями, сельдь всех видов и вкусов и, конечно, икра в ястыках, разная и много. Для обожаемой тети он приготовил особый набор – среди известных деликатесов был копченый марлин, вяленая пиранья и купленная по случаю суперэкзотика – мясо игуаны, кенгуру и обезьяны. Рисковал Ванечка знатно – тетя с ее крутым нравом спокойно могла запустить ему в голову такой подарок. Но он все девять месяцев чем-то из ряда вон выходящим мечтал не маму поразить, а тетушку-знатока. Всем остальным – просто консервы собственного изготовления и копченая рыба. Такая разница в подарках была не просто коммерческим интересом: Ванька Беззуб, воспитанный Фирой и Ксюхой, всю жизнь хотел, чтобы и дальше, как на Сахалине, его мамой была Ксения, а не Аня.

А потом, раздав гостинцы, нужно хорошенечко гульнуть, компенсируя затянувшийся «сухой закон» на плавбазе. С бухлом там было очень строго. После списания с «волчьим билетом» сразу по окончании первого рейса нескольких любителей спиртного из экипажа и вольнонаемных весь плавсостав понял, что капитан не намерен

шутить и послабления не будет никому. Поэтому на берегу все ушли в заслуженный загул разной степени тяжести.

Совет старейшин

Толик вернется в Одессу вместе с японским чайным сервизом «Катюша» и парой банок крабов.

– Бестолковые. Все в тебя, – резюмирует Лидия Ивановна Беззуб, выслушав скупой Женин отчет о новостях в семье. – И не кури в комнате. Я потом кашляю...

Женя затынулась беломором:

– Ничего, ваше величество, проветрите.

– Вот и Людка небеременная. А двадцать два уже.

– А она как я – в неволе не размножается, – улыбнулась Ксения. – А я так и не решилась ей про Хоэ написать...

– И чего боялась? Что не поедет?

– Что могилы не осталось, – сухо ответит Ксения и махнет рюмку. – Засиделась я с вами. Меня Илюша ждет. Обещал мясо с живого огня.

– Ну, – Женька снова затынулась, – у богатых свои причуды.

– Завидуй молча. Ты, между прочим, была бы умнее, со своим стоматологом тоже могла бы дачу замутить.

– А потом до конца жизни его слушать? – засмеялась мадам Косько. – Нет. Хватит с меня семьи. Я лучше в санаторий съезжу, а приспичит шашлыка поесть – в ресторан пойду.

– Ты иди ешь скорее, пока работаешь, а то выпрут на пенсию – не разгуляешься, – отозвалась Лида.

– Да типун тебе на язык, – отмахнулась Ксения. – Это у меня пенсия в этом году.

– Да кто тебе с твоими мозгами даст уйти! Хотя на кой тебе то управление? С таким домом и с таким мужем! Сиди дома, жизни радуйся. Там, гляди, и Сашка внуком обрадует, – утешила Женя.

– Вот велика радость от внуков, – хмыкнула Лида. – Помню, когда Людка родилась, ты, Женя, прямо нарадоваться не могла!

– Господи, какие же вы едкие, аж глаза режет, – хихикнула Ксения. – Уже вон в каких годах, а все равно скубетесь, как пятнадцатилетние. Обожаю вас, сестры.

– Слышь, ровесница революции, – отозвалась Женя. – Ты бы меньше говорила, а наливала быстрее. Елейная нашлась...

1973

Не попадайся

Второй рейс Вани Беззуба на плавбазе «Восток» прошел гораздо легче для экипажа, но не для него. Как выяснилось в течение первых недель, его бизнес оказался уязвим из-за того, что Ванька сделал и продал слишком хорошие ножи. Они не тупились и не ломались, разделочницы нахвалиться не могли, но новые покупать не спешили – есть же хороший инструмент, зачем еще один? К тому же состав разделочниц сильно не менялся от рейса к рейсу – после отпуска все вернулись на рабочие места со своим инвентарем, и жалкая кучка заказов для новичков, по сравнению с огромным количеством закупленных заготовок, были крошечной каплей в огромном море затрат.

Ванечка пытался всеми силами заработать – изменил конструктив, форму клинка, стал изготавливать ручки по индивидуальному заказу... Выпросил у кузнеца мешок глины и стал делать слепки с ладоней заказчика для отливки ручек для ножа. Постепенно его ножи достигли вершин совершенства. Клинки делались по размеру ладони, с анатомической ручкой, со страховочной петлей на темляке, чтоб не выскальзывал, с крючком и без крючка. Помимо шкерочных, Беззуб стал делать филейные и разделочные ножи, ножи со смещенным центром тяжести, с утяжеленной рукояткой – чтобы падали только ручкой вниз, с клеймами под хозяина...

Все это отнимало кучу времени, увеличивало расходы на производство многократно, а доход все уменьшался и уменьшался. Иван стал раздражительным сверх меры, почти забросил личное производство рыбных деликатесов. Постепенно пришло понимание, что нужно начинать искать иные способы заработка.

Самым простым была, конечно, контрабанда. Но что везти? Как? Куда прятать? Сколько платить таможеннику и платить ли вообще? Вопросов было больше, чем ответов.

Правильное решение подсказала сама жизнь.

Во втором рейсе стали все чаще выходить из строя охладители. Сказывалась постоянная вибрация и работа с максимальной нагрузкой.

Ремонтная бригада завалила мастерскую сварщика дырявыми трубопроводами огромных диаметров. Но работа не волк – Иван всегда жил по этому правилу. Потому, заваривая множество мелких отверстий – свищей на сленге ремонтников, – сидел и автоматически прикидывал, чего и сколько можно было бы спрятать в такой трубе... Постепенно мысли выстроились в конкретном направлении, он вспомнил, что никакой таможенник даже не подходил к таким трубам, сваленным в кучу вдоль борта на импровизированном стеллаже, только окидывал их беглым взглядом... С этого момента Ваня уже думал, что конкретно спрячет в такую трубу. По сравнению с прошлыми нычками, места там было так много, что он даже растерялся...

Он повеселел, на радостях сгонял в столовую, напомнил о себе в разделочном цехе, в рефрижераторных и ближайшую неделю перед заходом в Сингапур всеми правдами и неправдами пытался понять, какой же товар ему закупить, сколько, где и по какой цене.

Он снова смертельно боялся прогадать, потому закупил всего и самого разного. Штуку ткани с люрексом, кожаные изделия: дамские сумочки, перчатки, несколько десятков джинсовых изделий, шерсть, хотел еще что-то, да вдруг закончилась валюта...

Совершенно обескураженный, Ванька добрался до судна и с ужасом понял, что его тайник не заполнен даже на треть, а если хорошо все уплотнить, то и на четверть объема не наберется...

«Какие деньжища пропадают!!!» – мысленно убивался он. Сунулся было к артельщику – одолжить денег для закупки, тот только ослабился противно:

– Ну ты чо, вчерашний? Все деньги еще на подходе к Сингапуру у меня капитан и старпом забрали... Я продовольствие и воду под расписку беру или в обмен на наши консервы и морозняк, причем по таким мизерным ценам, что вспоминать противно... А! – махнул он рукой.

– Эх, кабы знать... – огорченно протянул Иван.

– Так, голубь ты мой сизокрылый, сдастся мне, что завелась у тебя гарна нычка, а товару в ней обмаль, ага? – вдруг вцепился в него, как клещ, артельщик.

– Да о чем ты, какой товар? Хочу шубу матери прикупить, а деньги все растрывькал, – стал отбиваться Иван, изрядно струхнувший от

прозорливых догадок крученого дядьки.

– Ну, дело твое, а могли бы вместе чего-нибудь правильное и выгодное обоим придумать, – продолжил артельщик.

– Да сказал же: шубу матери обещал, денег не хватает.

– Та скажи честно, спалился с чужой бабой, теперь грехи замаливаешь, – заржал артельщик. – Мать бы не впутывал, донжуан!

– Да пошел ты! – Иван счел за благо ретироваться от без меры любопытного и догадливого сослуживца.

И чего поперся? Ясно ведь было, что помощью артельщика, штатного комитетского стукача, ему не воспользоваться – Ванька просто кожей чувствовал опасность, исходящую от это скользкого человечка.

Немного денег к следующему заходу плавбазы в порт Ивану все же удалось раздобыть – пришлось продать все бутылки с виски, ромом и джином, полученные в счет оплаты за ножи от офицерского состава с разных посудин. У него в каюте этих бутылок разного размера скопилось довольно приличное количество – он рассчитывал удивить родню широтой размаха, накрыв шикарный стол по приходе, но мечту пока пришлось отложить в дальний ящик. Но много на спиртном не выручишь – во-первых, «сухой закон» и все боятся стукачей, а во-вторых, у экипажа фактически не было денег, так что брал сколько предлагали, а не сколько хотелось ему. И даже думать себе запретил, сколько та или иная бутылка стоит в Одессе.

Следующий заход в Сингапур наполнил пустоты и нычки самыми дешевыми дубленками и товарами из припортовых лавчонок с надписью на русском «Все по доллару и ниже».

Вечером того же дня, чтобы закрыть торцы с обеих сторон, Ваня прикрутил к длиннющей трубе два поворота на 180 градусов, которые на местном сленге называли «загибонами». Получилось эффективно и без лишних затрат. Из-за мелких сеток внутри этих загибонов закладка просто физически не могла выпасть из «захоронки», и просто рассмотреть ее, не демонтировав «загибон» (а это 16 гаек с каждой стороны), было очень сложно.

Для верности Ваня залил каждую гайку краской и сложил трубопровод на полку с пометкой «В ремонт».

Теперь оставалось дожидаться возвращения в Одессу. Была, правда, иная опасность – ремонтники без него часто тащили трубы со

стеллажей, но вероятность этого была очень мала – обычно они брали что-то с полки «Новые» или с полки «Отремонтированные». Хотя вероятность ошибки нельзя было исключить. Потому Иван, хоть и накидал сверху на свою «захоронку» как можно больше старых грязных железяк, каждый день в течение трех месяцев до завершения рейса проверял, все ли на месте.

Относительно спокойно завершив переход до Одессы, всю ночь перед заходом в порт Иван не спал. Он все репетировал для таможенников и пограничников безразличный взгляд, чуть замедленную речь – дескать, устал рабочий человек, об отдыхе мечтает...

Досмотр прошел на удивление спокойно, никто никого не щемил, не снимались листы декора и обшивки со стен в каютах и служебных помещениях, не поднимались огромные листы напольных плит в машинном и никто не тыкал длинными щупами и зондами в трюмы и танки с ГСМ. Такое впечатление, что кровожадные инстинкты таможни были удовлетворены в прошлый заход.

«Захоронку» Вани никто не искал, даже в кладовку никто не заглянул. Посмотрели чемоданы, рундук, постучали по стенам каюты и ушли.

Обессиленный Ванька сел на койку и наконец выдохнул. Осталось самое хлопотное – вынуть товар, упаковать и утром вынести на берег.

Глубокой ночью, когда все, кто мог, сошел на берег и только грузчики перекрикивались, поднимая из трюмов контейнеры с продукцией и загружая их в вагоны, Иван тихо прошел к себе в кладовку и приступил к заключительной части операции.

Вот за этим занятием и застукал его стармех команды рефрижераторщиков, он же Дед. И деваться было некуда: Ваня как раз потихоньку вытягивал из трубы самый главный трофей – рулон ткани с люрексом.

– Ну вот, теперь понятно, почему труба с пометкой серой краской лежит на полке «Ремонт», – прогудел Дед насмешливо, и Ванька моментально понял, на чем он прокололся: по их договору, механики места повреждений отмечали красной краской. Он же после устранения проблемы места сварки помечал серой краской, но никогда не занимался обратной сборкой, по давней морской традиции считая,

что крутить гайки – не царское дело, и уж тем более никто не заливал гайки краской со всех сторон.

– А в чем дело? Что вам надо? – пошел в атаку Беззуб. Терять ему уже было нечего. – Как все, так и я, и вообще!

– Не ори, пломбы простудишь, – веско прогудел Дед. – Мне до твоего товару дела нет – твои барыши. А вот задумка годная, давно обмозговываю что-то подобное, поговорим в следующем рейсе.

И добавил, уходя: – Ткань рулоном не носи, больно приметная форма. Размотай и сложи в чемодан, не светись.

– А что такое, имею право, меня таможня проверяла, – с вызовом снова начал Иван.

– Угу, а вот товарищи общественники так не думают, – слышалось из коридора. – Делай, что сказано, будешь пьян, сыт и нос в табаке, как мой батя говорил...

Пережитый испуг чуть не сыграл с Иваном злую шутку – выброс адреналина так и подстегивал сделать все вопреки советам Деда, но опыт прошлых лет быстро загасил гормональную вспышку.

Выход в город был отложен на полтора часа – оказалось, что это в рулоне люрекс послушен и покладист, а вот в стопку в маленькой каюте его сложить ой как трудно, тем более одному. И в чемодан его так просто не утолчешь, и плотно связать нечем. В общем, не готов оказался Иван к таким испытаниям. Но любая работа всегда приходит к концу, и укрощенный люрекс был помещен в чемодан, еще и место для джинсы осталось. Так что еще всего два визита на борт – по два чемодана и один баул – понадобились Ивану в тот отпуск, чтобы перетащить свои сокровища в места обратного превращения товара в деньги.

Конструкторское бюро

Высшее Людкино образование накрылось медным тазом еще в семидесятом. Восстанавливать даже на заочном после прогула сессии первокурсницу никто не собирался. Нила утешала, что прогресс есть – ее саму из техникума выперли, а Людка его закончила, в институт поступила и даже месяц отучилась. Так что, глядишь, внуки точно при высшем будут...

Тем более Толику наконец-то снова открыли границу, и упертый электромеханик укатил в первую полноценную шестимесячную загранку. Можно вздохнуть свободно. Жизнь налаживается. К всеобщей радости, Людка после жизни на ледоколе вернулась конструктором в родное заводское бюро. Ее шуточки и розыгрыши стали после Дальнего Востока еще более дерзкими и анекдотичными.

Начальник конструкторского бюро завода строительно-отделочных машин Леонид Маркович Иванов с умным и усталым лицом тихо дремал за кульманом. А что еще делать после обеда? Его подчиненные, слава богу, всегда задерживались – кто в курилке, кто в очередях. Коричневая вязаная жилеточка от его Риммы чудесно грела плечи и поясницу. За последние годы Леонид Маркович в совершенстве постиг искусство дневного сна – не роняя головы, не раскрывая рта и даже не всхрапывая. Раскусила его только эта шкода Канавская.

Людка уговаривала Рому и Эдика:

– Он же спит.

– И что?

– Ну так он вас не увидит.

– А если мы приклеим, а он проснется?

– Так тем более не увидит.

– А почему мы идем вдвоем? Одному же проще, – возмутился Рома.

– Так вот ты и пойдешь, – огрызнулся ведущий конструктор Эдик.

– Сам иди!

Людка ткнула костлявым локтем Эдика:

– Ша, герои. Тянем спичку – у кого короткая, тот идет.

Спичек, кстати, было всего две. Выпало Роме. Когда перспективный молодой инженер в обеденный перерыв клеит своему шефу на стекла два кусочка черной бумаги на ПВА, это значит, что он опять повелся на уговоры Людки Канавской, то есть теперь Вербы.

– У тебя цыган в роду не было? Ты же замолаживаешь так, что никто не помнит, как согласился, – шепнул Эдик, душась от хохота, глядя, как Рома подкрадывается к спящему Марковичу.

Рома тем временем положил бумажки на стекла и на цыпочках рванул за свой кульман. Оттуда – красный и вспотевший от волнения – он погрозил кулаком.

Людка хлопнула в ладоши. Начальник дернулся и дико взвыл, размахивая руками. Через секунду, оправившись от ужаса, окончательно проснувшись и сорвав очки, он уже метался среди кульманов:

– Придурки! Выговор! Всем! Каждому! Канавская! Канавская! Я же знаю, что это ты! Ты уволена!

– Что?! – Людка, совершенно серьезная, зашла с выпученными глазами. – Что случилось? Вам приснилось что-то страшное?

– Я не сплю на работе!

– Я просто предположила.

– Это все ты!

– Я что? Я – вот! – Людка приподняла авоську с парой морковок и кочаном капусты. – Я в овощной бегала. Шо вы орете на комсомолку?

– Ой, все! Вы меня до цугундера доведете! У меня аж сердце зашло! Это все ты, Роман Петрович! На мое место метишь?

– Я – никогда! – пробасил смущенный Рома.

Чертежница Канавская вообще держала в форме и повышенной боевой готовности все конструкторское бюро. Вычерчивая новые узлы и детали и внося правки после испытания опытных образцов, Людка сочиняла новые шкоды. Феномен ее заключался даже не в том, что все соглашались в них участвовать, но что объекты ее шуточек, на удивление, никогда не обижались.

Рома спешил на свидание, нацепил свое пижонское пальто и ушанку, подхватил портфель, полез в карман за перчатками. Промахнулся. Раз, другой, – рука проскальзывала мимо накладного кармана клапана. «Ладно, потом достану перчатки, – подумал, – не Чукотка, главное успеть на остановку, а то потом жди полчаса следующего».

Что оба кармана качественно намертво защиты через верх, он обнаружит уже в трамвае, когда попытается достать три копейки за проезд.

– Канава... Зараза...

– Господи, что это? Яичная скорлупа? Она же тут в прошлый раз была! Фу, я не хочу туда больше ничего класть. Там же можно уколоться и ботулизм подцепить или оспу! Ой! и бутерброд старый...

– Танька, не ворчи. Может, Эдик бактериологическое оружие тестирует, ничего не выбрасывай! Положи под скорлупу, как в

прошлый раз. А бутерброд с чем, кстати?

– Да вроде с сыром, но надкусанный.

– Не, надкусанный, не хочу. Суй смело, поглубже. У него там двадцать тысяч лье под газеткой...

Эдик, он же Эдуард Самуилович, никогда не отличался особой чистоплотностью, несмотря на старания жены.

Тридцатилетний серьезный семейный тишайший Эдик регулярно на дне своего бескрайнего портфеля уносил с завода пробные чугунные заготовки и болванки. Дотащив лишние пять-семь килограмм к себе на Фонтан с Балковской, он, беззвучно матерясь, вез их утром обратно, потому что выкинуть стратегическую деталь в единственном экземпляре было нельзя.

Однажды, отмечая всем КБ канун Первомая и заодно день рождения чертежницы Тани, после пары рюмок Маркович, прищурившись, осмотрел Людку:

– Деточка, а как твоя фамилия по маме?

– Косько.

– А дальше?

– Что дальше?

– Дальше по маме?

– По матери то другое, по бабке – Беззуб.

– Да ты же нашенская.

– Леонид Маркович, я, конечно, не возражаю, если это поможет с прогрессивкой, но у меня там намешаны немцы, поляки, белорусы, казаки, а мама вообще украинка...

– Значит, ты – Людмила Йосифовна Канавская, а моя мама Раиса Йосифовна Полонская. И ты утверждаешь, что не еврейка, а махровая украинка? Хорошо, – Леонид Маркович поднял руки, как будто сдавался, – да ради бога. Всем так и рассказывай.

– А вы, Леонид Маркович? – Людка уже расплылась в иезуитской улыбке: – Случаем, не из семьи каховского раввина? Как там: «Прощай, уехала. Гражданка Иванова»?..

– Типун тебе на язык! – беззлобно бросил Леонид Маркович. – Иди уже, мишигинер, тебя уже ждут не дождутся.

На следующий день после праздничной демонстрации все засядут в кафе, которое негласно называлось «У бабы Ути». Там можно было съесть булочку и выпить кофе с молоком или чай. И там сильнее всего

пахло почти настоящим кофе. Конечно, с молоком – его черпали из громадного чана. Настоящий кофе без молока был только в баре гостиницы для интуристов.

– Эдик, открой портфель. Там документов нет?

– Нет. Что ты хочешь, Канавская?

Людка с невозмутимым видом опустила в портфель большой и уже почти пустой заварочный чайник.

– Закрывай.

– Ты что? С ума сошла? Нас же сейчас поймают! Вон уборщица на нас косится!

– Она косится потому, что ты половину рогалика на пол раскрошил. Не поймают. Смотри, народу сколько сегодня. Выходи, а я еще пять минут посижу.

– А чайник?

– А чайник помой и принеси в понедельник – сколько можно в обед чай в баночке запаривать? Да не нервничай. Ты вон детали военные в портфеле этом через день выносил, и никто не нашел, а тут какой-то жалкий заварочник...

Вожак стаи

Восьмое марта на Мельницкой началось таки празднично. После утренней мимозы от Вербы женщины организовали раннее застолье в гостиной, по совместительству комнате Люды и Толика. Как только на крахмаленной белой льняной скатерти выставили все пять салатов и холодец, выплыла Евгения Ивановна в парадном вельветовом халате с успевшим пропитаться за ночь наполеоном. Нила и Люда быстро нарезали мясо, сало, колбасу и присели праздновать. Пава Собаев устроился, как обычно, во главе стола на любимом стуле, поджав ногу под себя, и поднял бокал:

– Ну, бабы, за ваш день!

– Павочка, закусывай, вот, бери яичко фаршированное, – уговаривала Нила.

Пава по праздникам обычно перебирал свою ежедневную порцию и мог буйнить. На грани «белки» он громко всех обвинял и подозревал. Без рукоприкладства уже, но с долгой площадной руганью – ни унять, ни заткнуть, ни спать положить. Вот и сегодня – не успевший

протрезветь с вечера и добросивший на вчерашние дрожжи, Пава после третьей рюмки тяжело засопел, обводя мутным взглядом стол.

– Надоели, падлы, – он швырнул вилку на тарелку и пошаркал в свою комнату.

Когда он бахнул тяжелой дверью гостиной, Людка криво улыбнулась:

– Лучший подарок от бати! Целый день покоя! Ну, за нас, девочки!

К полудню Павочка проснулся и, покашливая, побрел к оставшемуся столу. Пока он спал, праздник успел закончиться – всю еду и, главное, выпивку уже убрали и даже стол сложили.

– Я не понял? Это что такое?

Людка сидела почти у входа, в «слепой зоне» у Собаева – у книжного шкафа – и читала.

Она обернулась.

– Вчерашнее жаркое! Ты чего?

– А где все вот это? Что, сожрали все сами?!

– В холодильнике посмотреть не пробовал, ваше величество?

– Нилка где?

– Ушла. Так что самому придется. До кухни дойдешь?

На полутемной кухне за обеденным столом сидел Тося и с наслаждением ел наполеон.

– У, расселся, падла, не дома, – пробурчал Собаев, протискиваясь к холодильнику.

Толик облизал чайную ложку, запил все тончайшие двенадцать коржей крепким чаем и еле слышно ответил:

– Тише веди себя, а то нарвешься.

– Шо ты мне там варнякаешь? – взвился дед.

Толик молча встал, опустил тарелку в мойку и открыл кран. – Опять воды нет! Хоть бы в праздник не отключали, – скажет. Возьмет свою кружку и, демонстративно обойдя Собаева, пойдет на выход.

– Я не понял! А ну стоять!

Пава, качнувшись, попытается схватить невысокого Толика за плечо. Не выпуская из рук чашки с горячим чаем и даже не поворачиваясь, Тося легонько стопой даже не ударит, а обозначит удар в голень. Пава пошатнется и шлепнется на табуретку.

– Сидеть, алкаш. Хоть в праздник людям покоя дай.

Пока Пава будет переваривать произошедшее, Толик почти дойдет по темному узкому коридору до своей комнаты.

Разъяренный Собаев выскочит следом с кухонным ножом в руке:

– Я сказал стоять! Я сейчас покажу тебе, кто в доме хозяин!

Толик нарочито трусливо шмыгнет в комнату и почему-то не сразу закроет дверь. Его псевдотесть, размахивая ножом, в три прыжка подскочит к входу. Что случится дальше, он поймет не сразу. Свет снова погаснет. Юный технарь с опытом уличных драк в разы больше, чем боевой стаж контуженного Собаева, все рассчитал и даже не бил пожилую нетрезвую родню. Он просто резко захлопнул тяжелую трехметровую дверь, сохранившуюся с момента переезда Ивана Беззуба, именно в тот момент, когда Пава сделал шаг в комнату. Лобовое столкновение с дубовой стеной по третьему закону Ньютона, умноженное на встречную массу Собаева, обеспечили такую силу удара, что Пава брякнулся плашмя на пол.

Толик, как рефери на ринге, шепотом досчитает до девяти и приоткроет дверь. Тесть чуть шевелился. Вербка слегка наклонится, подберет нож и шепнет ему в лицо:

– Добавить или достаточно?

Тот с готовностью заморгает и попытается кивнуть.

– Тогда ползи к себе, и чтоб до вечера я тебя не видел.

Через минуту Толик вернется обратно с наполеоном на блюдечке для Люды. Пава будет сидеть на полу под дверью, хлопая глазами и беззвучно матерясь.

Обходя тестя, Тося легонько наступит ему на руку. Тот пискнет и промолчит. Вопрос с хозяином в доме будет решен раз и навсегда.

Самолет

Сашка Ильинский, улыбаясь, заскочил на борт:

– Шо, опять?

Он уже летал на этой зверюге. ТУ-95, по классификации НАТО В – ВЕАР, «Медведь» был инженерным олимпом конструкторского бюро Андрея Туполева. Самый быстрый в мире стратегический бомбардировщик-ракетоносец межконтинентальной дальности, самый мощный мотор с КПД в 34 процента, который не то что в ближайшее десятилетие – до нового века не смогут улучшить.

ТУ-95 наводил шороху еще с пятидесятых, а после того, как такой же «Медведь» в шестьдесят первом сбросил на испытаниях самую мощную в мире термоядерную «Царь-бомбу», стал легендой.

Любимым развлечением экипажей ТУ-95 стала охота за авианосцами США. Сашка, умевший скорешеваться с кем угодно за полчаса, пару месяцев назад лично участвовал в таком показательном выступлении. Координаты авианосца передали с берега – «Медведь» неожиданно спикировал вниз и на уровне около ста метров с грохотом прошел над летной палубой, сымитировав бомбардировку. А пилот радостно высунул американцам руку в традиционном жесте с перехватом в районе локтевого сгиба.

Начальство на такое пижонство снисходительно закрывало глаза. Это было в прошлой месячной командировке на Кубу.

Сегодня у Сашки был важный день. Вчера закончились последние хлопоты, инструктаж, получение бумаг, проверка любимого чемодана, который он мог разобрать и собрать с закрытыми глазами – как автомат в армии. Новая должность, новые обязанности и большая, уже постоянная работа на Кубе. Он мысленно сочинял письмо маме – что теперь работает на курорте. Почти как Одесса, только немного жарче. И его испанский с английским пригодятся по полной программе. Он таки был любимчиком у судьбы, которая, как одесская еврейская мама, опекала и баловала – сытое вольное детство, лучший вуз страны, не армия, а курорт, легкая любовь и такой же легкий, без ссор, развод с Тамарой, снова свобода и работа, о которой мечтает любой гражданин СССР независимо от возраста. Он видит мир, но не три дня раз в три месяца, как моряки, а самые красивые и яркие его страны и города – Испания, Англия, США, Куба, и не портовые лавки, а самый цимес – курорты, музеи, красивые люди... Ксенина знаменитая легкость и радость от жизни, ее ум и умение шикарно устраиваться в любых условиях достались Саше вместе с черными глазами и выдающимся носом, про который барышни, краснея, хихикали: «Что на витрине – то и в магазине...» В свои двадцать шесть он увидел и узнал больше, чем вся его родня, вместе взятая.

Перелет был долгим. Из холодной Москвы на горячую во всех смыслах Кубу...

Советский Ту-95 «Медведь», летевший из СССР, вдруг изменил курс, вошел в воздушное пространство США и пролетел очень близко к авиабазе Лэнгли в Вирджинии. По данным ПВО США, это было видно с диспетчерской вышки. Нарушитель не отвечал. Первый обстрел был неудачным – огромная машина была на редкость маневренной...

В небо

Ксения кричала и била изо всех сил по стеклам веранды. Панков в ужасе пытался ее обнять, удержать, ухватить изрезанные стеклами руки, но она вырывалась и голосила так, что сбежались соседи. Через полчаса приедет скорая, вкатит ей успокоительного и снотворного. Обрабатывают порезы.

– Суицидница. Надо в больницу. Не уследите же, ну и вообще положено оформлять, – скажет Панкову фельдшер, выходя из спальни.

Тот сунет ему двадцатипятирублевку:

– Никакой больницы. Она и так натерпелась.

Фельдшер вздохнет:

– Да я понимаю, что мать сына потеряла. Смотрите, чтоб она завтра опять что-то с собой не сотворила. Может, все-таки в больницу?

– Под мою ответственность, – прорычит Панков. – Вы ее не знаете. Она справится.

Он закроет калитку, отвяжет собаку и вернется к кровати. Пригладит волосы спящей Ксении. Посмотрит на нее. Распухший нос картошкой. Складочки у губ. Все руки в бинтах. Она судорожно всхлипывала даже во сне. Панков еще никогда не чувствовал себя таким жалким и потерянным. Все его деньги, связи, возможности – ничто не могло помочь обожаемой Ксаночке.

Илья Степанович боялся отойти от кровати. Поэтому ближайшая соседка вечером поехала за Женькой. Та приедет на следующий день до работы. Рывкнет на собаку, чтоб не прыгала на чулки, процокает каблуками на веранду, молча зайдет вместе с Панковым.

Ксюха Беззуб уже не кричала, а сидела – серая, потухшая. На комодке стояла Сашкина фотография в резной рамке из черепахового панциря. Черная лента перечеркивала его щеку с ямочкой. Ксения смотрела на нее не отрываясь. Такой свою сестру Женька не видела

никогда. Как будто вся жизнь вытекла из нее, а опустевшее тело наполнили полностью слезы, все прибывая и переливаясь через край.

– Ксения, Ксения, послушай меня...

Ксюха не отвечала. Глаза пустые. Слезы текли по щекам, по шее, по атласным отворотам халата... Она их не вытирала, только иногда смаргивала, но не отряхивала.

– Самолет нарушил государственную границу США, был обстрелян американскими ПВО и был сбит... сбит... где-то на их территории. Вот... – Она наконец хрипло заговорила, трясущимися руками подняла мятую газету и ткнула пальцем в крошечную заметку: – Вот и в газете написали... Но я знаю... Саша... Он как папа... Это был папа. Папа – птица... Сашка его судьбу повторил... Все, как тогда...

Панков испуганно покосился на Женьку. Та молча кышнула на него рукой:

– Выйди! – И бесцеремонно добавила: – И дверь с той стороны закрой!

– Ксюха, что ты несешь? Какая птица? Какой папа? Папа умер полвека назад.

Ксения повернулась:

– Люди после смерти становятся птицами и прилетают в новых людей... Мне шаманка на Сахалине сказала... И что папа и мама станут птицами. Это папина душа была в Сашке... И опять самолет... И опять рано...

Женька скрипнула зубами:

– Что за бред? Не похож твой Сашка на нашего папу ни внешне, ни характером, ничем. Чушь не городи...

Ксения сморгнула, очередная волна слез полилась через край:

– Птица... Самолет... Теперь Сашенька на небо улетел... Как жить, Женька? Зачем?..

Женька только сопела и молчала. А потом пересела напротив Ксени, загородив портрет с кисейной черной косынкой на углу.

– Значит, так, – заговорила она. – Узнаю руку мастеров. Слушай сюда. Никакого папы, никакой птички. Это точно Петька номер два.

Ксения всхлипнула:

– Он тоже взорвался? Заживо взорвался?

– Если ты кому-то ляпнешь хоть слово, я тебя убью, – процедила Женька. – Петька, сука, жив.

– Как? – Ксения от удивления вдруг пришла в себя и сфокусировала взгляд на Жене. – Как жив?

– Приезжал в пятьдесят шестом, – хмыкнула она. – Посмотреть на нас. Тварь. Пятнадцать лет. Сука, почти пятнадцать лет я его оплакивала!.. А он в Германии. Разведчик хренов!..

Ксения резко наклонилась к Жене:

– Ты что думаешь... думаешь... Сашенька? Он...

Женька уже пришла в себя.

– А ты как думала? С такой карьерой? Он что учил-то? Английский? Ты думаешь, любого вот так в его годы на международные гульки пускают? Да он завербован был чекистами еще на первом курсе! Он же чистый иностранец по морде, про языки вообще молчу.

– А Петька... А похоронка?.. – Ксения все не могла прийти в себя.

– А что похоронка? – усмехнулась Женька. – Через два года пришла. А там же как: нету тела – нету дела... Взорвался он... а потом в другой стране с новыми документами и новой... – Женька сглотнула, – и новой семьей. Родину, сказал, защищает. Где там, говоришь, самолет сбили? Над Америкой? Мою историю не напоминает?

– Он бы... он бы... – мертвыми губами пыталась произнести Ксения.

– Ничего бы он не сделал, – жестко сказала Женька. – Вот тогда бы точно убили. А ты бы точно не скорбела так. Работа у них такая. Безжалостная. К родным.

– Так ты думаешь... – Ксения подняла запухшие глаза. – Ты думаешь, Сашенька на задании?

– Как там его называли в его блатном инязе? Испанец? – Женька, хмыкнув, обернулась на портрет. – Я бы на твоём месте траур этот мешанский убрала. Вот поверь. Жаль, мне никто не шепнул тогда, в сорок четвертом. Я бы хоть дышать смогла. Так что давай, собирайся в кучу. Тебе его долго домой ждать. Готовься. Десантировался твой Сашка, теперь минимум лет десять будет отрабатывать. Так что сделайте одолжение, Ксения Ивановна, подвязывайте с истериками и членовредительством, а то куда он вернется? К кому?..

Панков даже не представлял, какой чудотворный терапевтический эффект окажет утренний визит мадам Косько. Его убитая, потухшая жена вдруг улыбнулась и попросила у него прощения, что так напугала.

Проходя мимо комода, она снимет черную кисею и, поймав удивленный взгляд Панкова, отрежет: – Нету тела – нету дела. Сашенька вернется. Он на задании. Он точно успел десантироваться...

1974

Третий рейс

На третий рейс заготовки для ножей Ваня Беззуб отказался закупать, чем несказанно огорчил своих поставщиков, накопивших к его приезду приличные запасы железок. Не помогли ни уговоры, не демпинг – у Ваньки была железобетонная отмазка:

– Замел меня помпа, доложил старпому, вызвали на ковер, пообещали: еще хоть раз – и доложат капитану, а там разговор один – на берег, с «волчьим билетом». А я уже один раз залетал. Пятнадцать лет на берегу. Второго раза не будет, не допущу. Авансы, само собой, остаются у вас, в счет компенсации.

Причина была уважительная, и от него, конечно, отстали. А сам Ваня тем временем дегустировал всю продукцию одесского винпрома – подвалы, бары, рюмочные и рестораны Одессы. Он дальновидно сдал все сразу перекупщикам, не привлекая, против одесских обычаев, к реализации родственников и знакомых. И сорвал приличный куш. Да и кого брать в продавцы на розницу? Маму Аню? – смешно даже подумать. Тетю Ксению? – да даже можно и не заикаться. Тетю Лиду? – да она даже говорит с ним через губу на редких семейных посиделках. Процедит два-три слова за вечер и все...

Так что оптовики, и только они. Да, меньше барыш, ну так и хлопот нет. Товар отдал, деньги получил – свободен.

К началу третьего рейса Иван внезапно остался без копейки в кармане. На две банки спирта опухшему от ежедневных возлияний Ванечке пришлось одалживать у матери. Спирт был залит в трехлитровые стеклянные банки из-под березового сока, с которых были бережно сняты заводские крышки и вылито в раковину содержимое. После заполнения самым дешевым гидролизным спиртом аутентичные заводские крышки были водружены на место с помощью закаточной машинки для домашней консервации. Вот и все сборы. Такси до порта тоже оплатила ему мать-пенсионерка, потому что в городском транспорте в таком состоянии он не смог бы добраться до причала.

Только благодаря тому, что выход плавбазы был задержан на целый час из-за неисправности буксира, многим членам экипажа удалось попасть на борт. Их состояние было куда более плачевным, чем у

Ивана, который все-таки смог собраться с силами и, почти чеканя шаг, хоть это было и нелегко, пройти по трапу мимо вахтенного офицера. Конечно, потный дядька с красным лицом, с чемоданом в одной руке и авоськой с двумя трехлитровыми банками сока, марширующий по трапу вверх, это было зрелище специфическое, но вахтенный офицер – состояние души, а не звание или должность, поэтому никто даже не улыбнулся.

Обещанная Дедом беседа состоялась в ночь перед первым в этом рейсе заходом в Сингапур – основным пунктом пополнения продуктами, водой и топливом. Дед пришел с чертежами холодильной установки и рассказал свой план. Рефрижераторные машины охлаждаются забортной водой, из-за этого трубы быстро зарастают, и их периодически приходится чистить, для чего холодильная машина останавливается, и если вдруг какая-то задержка, то все, что в холодильном трюме, потечет. В результате снижается товарная ценность, плавбаза теряет деньги, и капитан штрафует рефрижераторщиков нещадно. Дед пойдет в полдень к капитану на совещание – там получит нагоняй за двухдневный простой на ремонте и потекший второй трюм, откуда прямо сейчас собираются вышвыривать разморожившуюся треску за борт.

– Убытки большие, разговор будет матерный, после того, как все оторутся и охрипнут, я предложу сделать несколько дублирующих комплектов труб охладителей и врезать их в существующие системы дублерами. Пообещаю, что в результате весь рейс ни одной остановки для прочистки труб охладителей не будет. Только в случае аварии. Тебя вызовут, поставят задачу, спросят, как быстро ты справишься. Ты попросишь помощи и намекнешь на премию. С тобой начнут торговаться, иначе нельзя. Я пообещаю тебе помощников, а ты откажешься от премии в обмен на отказ штрафовать рефрижераторщиков за этот простой. Дескать, одно дело делаем, ты ж в конце концов к моей команде приписан, хоть и сбоку припеку...

– А если откажется? Он такой – чуть что не по нем, сразу голова с плеч, – выразил опасение Иван.

– Капитан не сможет не согласиться, потому что на совещании будут и старпом, и помпа, как и куда ему потом убытки списывать? Эти оба два ему еще и политическую близорукость пришьют при случае.

Все получилось так, как рассчитал Дед: Ивана вызвали, задали пару вопросов, пообещали премию и пожелали как можно быстрее воплотить передовую инициативу коллектива в жизнь.

Вопреки обещаниям, Дед дал только одного человека в помощь – своего многолетнего зама, смуглого огромного дядьку, очень умелого, работающего на всех станках с закрытыми глазами. Кстати, сварочным аппаратом он владел намного лучше Ивана...

На вопросительный удивленный взгляд Вани Дед еле слышно ответил:

– Это Куша, от фамилии Кушнир. Больше никому не доверяю. Нельзя сюда чужих запускать. А Куша троих в работе стоит.

К сожалению, за обещанные две недели до захода в Сингапур, как ни старались будущие контрабандисты, но вдвоем такой объем работ осилить не смогли. Дед, наверное, потому, что доверял своему заму, как самому себе, ни разу не выразил своего удовольствия, хотя минимум дважды в сутки приходил и внимательно смотрел на процесс и результаты.

Закупка товара прошла мимо Ивана и Куши, они работали, прерываясь только на еду и сон. То, что плавбаза снова в море, Иван понял по звуку работы машин и вибрации корпуса.

– Ого... Вот это мы пролетели мимо ништяков, – посетовал утром Иван в мастерской. На что Куша только безразлично цыкнул и продолжил работу. Еще через неделю все трубопроводы были подготовлены, и рефкоманда по ночам, чтоб никто не знал, останавливая на пару часов работу холодильников, смонтировала за неделю всю дублирующую систему охлаждения. Ваня не мог не оценить масштаб будущих гешефтов. Теперь только Дед решал, какая труба будет под давлением, а какая сухая и может быть использована для дела. А если Дед не на вахте, то неизменный Куша был вместо него. Просто и элегантно.

Ванька, отоспавшись, поймал Деда и сбивчиво начал говорить, что, вот, дескать, были в Сингапуре, а он, работая с утра до ночи, даже на берег сойти не успел, товаром не запасся... Что ж ему теперь в Одессу привезти...

Дед ответит безразлично:

– Не проблема, через два дня один из наших двенадцати «рыбаков» на мелкий ремонт в Сингапур пойдет – генератор новый пришел для

него из Союза. С ними мой механик будет. Давай деньги, я скажу, он купит все, что нужно.

– Ну, у меня пока денег нет, – протянул Иван, – но я обязательно найду, продам что-нибудь, займу у кого-нибудь, – затараторил он, увидя, как поползли вверх брови Деда...

– Так ты ж нормально должен был поднять с прошлого рейса, товар же у тебя был хороший, ликвидный, куда ж ты деньги-то дел?.. Хотя ладно, твое дело. А что на продажу есть?

– Ну, спирт... Ножи, может, кому продам... В долг возьму... – неуверенно мямлил Ванька.

– Так, понятно... Сиди тихо, кредитора не ищи, так и быть, я и на твою долю закуплю чуток товара, – вздохнув, сказал Дед.

– А под какой процент кредит и на какой срок? – Пытаясь сохранить лицо и вспомнив теткинны уроки, спросил Ванька вдогонку.

– Чего??? – резко обернулся в дверях Дед.

– Ну... На каких условиях вы меня кредитуете? – уже не так уверенно продекламировал Ванька где-то ранее услышанную фразу.

– На своих!!! – рявкнул Дед и хлопнул дверью мастерской.

Ванька понимал, что он теперь для Деда типа как запасное колесо в машине – в городе не нужно, а в дальней дороге без него никак. Не всё и не всегда могли сделать Дед и его верный Куша, и для подстраховки в нештатной ситуации им без сварщика не обойтись. Третий участник все равно был нужен для быстрого демонтажа-монтажа трубы и загрузки-выгрузки товара. В общем, если б вдруг гайки на холодильнике начал крутить лично Дед, это вызвало бы такой шквал вопросов, что лучше бы и не начинать.

Обычно в Сингапур плавбаза заходила дважды за рейс, и Дед в полной мере использовал такой график. В первый заход одесский «коммерсант» выискивал нужный товар, торговался, но ничего не покупал, а вот во второй – выкупал ну или не выкупал ранее присмотренное. Все зависело от изворотливости и сообразительности продавца. Дед приходил на закупки не только со своими деньгами, он собирал деньги со всей своей рефкоманды, боготворившей его и безраздельно доверяющей его коммерческому чутью. В лавке этот хитрец не единожды и как бы невзначай демонстрировал продавцу солидную пачку купюр. Такого покупателя, конечно, хорошо

запоминали, и практически не бывало, чтобы ему не удалось забрать товар за ту цену, что он предлагал. Тем более, что брал он всегда много.

Беззуб что-то начал понимать, когда вместе со своими рулонами люрекса стал паковать совершенно невесомые мотки мохеровой пряжи. Потом, уже в Одессе, наведя справки о товаре, был поражен талантом Деда делать деньги из воздуха.

Ну вот моток японского мохера весит 100 г, в мотке 400 погонных метров тонкой легкой нитки. Одного мотка мохера, в зависимости от таланта и фантазии вязальщицы, вполне хватало на очень теплый свитер подростку или на жилетку для сублильной одесситки. Сколько этот модный мохер стоил на периферии, можно только догадываться.

А в трубу вместе с двумя рулонами люрекса вошло совершенно невообразимое количество невесомых моточков пряжи, послушно сдавливаемых под действием импровизированного деревянного поршня, которым на манер картофельной толкушки молчаливый Куша их трамбовал.

Таможенный досмотр в этот раз прошел без участия Вани. Все было просто и буднично. Дед с утра поставил всю свою команду на демонтаж и промывку труб охладителя, а с таможенником засел надолго в своей каюте. Кто с кем и о чем там говорил, никто не знает. Только вышли они оба веселые и довольные. Таможенник для проформы походил по всем помещениям рефкоманды, потом громко пожелал всем успехов, потом, подумав, здоровья – и отбыл восвояси.

Как только таможенники и пограничники покинули плавбазу, Дед удалил всех своих в каюты и, задраив вход в рефрижераторную, втроем буквально за пару часов они извлекли товар из тайников.

Дед лично навел на каждого из своей команды в каютах и раздал причитающуюся долю товара. А Куша молча помог Ване размотать и упаковать люрекс в два чемодана. И кивнул на прощание.

Приметы

– Людка! Руки все грязные! – ойкнула Ася и подмигнула: – Там точно пацан!

– Это почему же? – удивилась Люда.

– А ты как на руки смотрела? Вот опять – ладонями к себе повернула, а если бы выставила ладошками вниз, пальцами растопыренными кверху, как кольца рассматривать, значит девочка. Верняк! Меня саму так с Сережкой проверяли!

– Мадам Ижикевич, я с вас удивляюсь, вы же коммунистка, – вздохнула Люда.

На самом деле она тоже ждала мальчика. А кого же еще? Все приметы сходились. И теперь шло главное побоище, а точнее полугодовая осада. Тося, начитавшись «Слова о полку Игореве» (и на кой мама притащила с завода это добытое за дурные деньги подарочное издание?), требовал исконно старославянского имени – Ярополка, Ратибора или Святослава.

– Костя, – процедила Люда, – там Константин.

– Это почему же?

– А потому... Потому что – моряк! Костя-моряк. Ты же хочешь династию? Будешь его в гонки брать.

Это был удар ниже пояса. Дальше все ждали Котика.

– Какой Котик? – поперхнулась Женя – Ты что, не помнишь этого мишигинера? А... Ты не помнишь. Они даже на праздники не приезжают. Мой брат – Котя. Бабник и подкаблучник. Окрутила его эта новгородская шикса – и все, даже на день рождения десять лет не ходит, гад. А еще брат называется. Я его с его шоблой тут приютила, кормила. А оно вот такое неблагодарное. Дурацкое имя.

– Ба, это не тебе решать.

– А если девка? – прищурилась Женя.

– Какая девка? Там Константин Анатольевич!

– Хм, я тоже так думала. И мать твоя думала, что сына носит. А ты в эту клятую немецкую порода пошла, как и Нилка.

– Да ну тебя! – отмахнется Люда. – Какая девка?

На Первое мая Нила прикатит с демонстрации шикарную синюю немецкую коляску.

– Мам, откуда такие деньги? – удивится Люда.

– Это моей внучке!

– Она же рублей сто стоит!

– Сто двадцать. Не важно! Я буду бабкой!

– Мам, ты сумасшедшая! Опять в долги влезла? – чуть не плакала Людочка.

– Та сколько там той жизни? – улыбалась Нила. – Ты смотри, какой аппарат! Это ж правительственная «Чайка» для нашего будущего директора. Только конверт, извини, розовый. Девочки с работы отдали на выпуску. Но ты не переживай – я его синькой покрашу.

Уже сиреневый конверт не долго ждал своего часа в синей коляске.

Через неделю у Людки начались схватки. Толик сбегает на угол в телефон-автомат и вызовет скорую.

– О, с ветерком! – лежа, пыталась юморить Людка между схватками, вцепившись в холодные борта каталки. Тося, как в такси – за три рубля, – будет сидеть рядом в скорой.

– Иди уже, – шикнет на него нянечка в приемном. – Она до утра точно не разродится.

Толик упрямо уместится в предбаннике роддома и только в семь тридцать рванет в «вышку» – «сбросить номерок», чтобы аспиранту не засчитали прогул, мол, вовремя до восьми утра не явился на рабочее место. Расписавшись в журнале и оповестив всех на кафедре, что «началось», он помчится обратно.

– Хорошая девка. Поздравляю. А ты – прибацанная, – торжественно огласил лучший гинеколог Молдаванки Йосиф Семенович Зильберман. – Ты же могла вести себя прилично и тужиться, куда надо, ну а теперь придется зашиваться!

Люда, измотанная схватками и счастливая, что самое страшное позади, уже не чувствовала боли. Ей на живот положили в пеленке дочку.

– Моя родная девочка, – Людочка приподняла ее голову, выставив подбородок, чтобы увидеть. На нее, пытаясь приоткрыть запухшие щелочки вместо глаз, насупившись и презрительно поджав губы, смотрела ее проклятая свекровь. Крючковатый нос доходил почти до верхней губы.

– А чего это ты ревешь? – удивленно спросил Йося, подхватив ребенка и передав его медсестре.

– Я так ждала, так молилась, так ждала...

– И?

– И родила бабу Феню!

– Кого? – прыснул Йося.

– Свою свекровь! С таким же шнобелем!

– Так, мишигинер, – Йосиф Семенович потер свой выдающийся семитский нос, – шнобель у меня, и у тебя тоже нивроку, а у дитя – кукольный носик. Дите настрадалось. Ты шо думаешь, когда ты вылезла с того места, сразу была красавицей? Ты куда тужилась, шая, два часа? В голову? Ты шо, мозг выдавила? Отличный ребенок!

– Я ее люблю... Но она же копия...

В приемном Тосю будет ждать сияющая теща.

– Поздравляю! Ура!!! – Нилка крепко стиснет своего вечно серьезного зятя: – Поздравляю, папочка! У тебя доченька!

– Какая доченька?

– Красивая! Большая! Три шестьсот! Так! Я домой. Нашу маму же кормить надо... – Нилка по-детски хихикнула: – И конверт отстирать обратно в розовый.

– А как же... это... Котик? Как ее назовем?

– Та придумаете!

Толик не придумывал. Он праздновал. В их курсантском выпуске он стал вторым отцом. Портвейн тек рекой, чтоб было молоко и чтоб все были румяными и здоровыми! Пили за декабристку Людочку и дочку-Котика. Ближе к ночи отмечающие, обломав всю сирень в палисаднике на Мечникова, пошли к роддому поздравлять.

Второй роддом на Комсомольской стоял прямо перед трамвайными рельсами.

Роженицы в палате делились впечатлениями:

– Да что ж это такое!

Надрываясь, трезвонил трамвай, перекрикивая его, пьяная толпа скандировала:

– Э-э-э-ва! Э-э-ва-а!!!

Оля скривилась:

– Ну реально достали! Перепились все там.

И встала закрыть форточку.

– Э-э-ваа-а-а!

Людка, кряхтя, заползла в палату:

– Как будто не в туалет, а на Эверест сходила...

– Шо, блин, за Эва такая глухая. Уже час орут, дебилы, – простонала Оля.

– Эва?! Вот же ж придурки! – Людка доковыляла до окна и рванула ручку.

На рельсах стоял ее пьяный Толик с уставшим кустом сирени и надрывался хором с Боичем и остальными корешами по «вышке» и яхт-клубу. Сзади отчаянно трезвонил трамвай.

– О! Вот она!! Поздравляем! Люблю! Выходи! – закричал он.

– Уходите! Уйдите с рельсов! – ржала Людка.

Морское братство послушалось и сделало два шага к окнам.

– А давай мы его к тебе подсадим? – предложил Калинин.

– А давай вы его домой унесете?

– Не сейчас! – Толик мягким неверным шагом двинулся к приемному отделению.

Через десять минут, ворча и пыхтя, поднялась круглая санитарка. Судя по ее довольному лицу, пьяные моряки сумели-таки задобрить этого цербера:

– Вот, держи, твои горлопаны передали. А цветы нельзя. Не могу. Аллергия у детей будет. А вы чего сидите? – уставилась она на остальных.

– А что делать-то? – удивилась Оля.

– Шо делать – сиськи мните! А то раздует до утра – не расцедитесь. А вам скоро кормить принесут!

Людка, хохоча, рассматривала новогоднюю открытку. В ней Тосиным каллиграфическим почерком с вычурными завитками было написано поздравление с рождением дочки. Судя по содержанию, писали его после посещения минимум третьего винного подвала, и только моторная память в руках сохранилась. «Вот вам полные саночки цветов» – заканчивалось послание, а на открытке в санях Деда Мороза дорисовали ромашки.

– Покажи дочку! – Тося таки дождется и увидит в окне второго этажа бледную Людку в байковом халате и со смешным коконом-гусеницей – своей дочкой.

– А почему Эва? – спросит ее удивленная соседка. – Ты ж Люда?

– «Эва» – так туристы в походе кричат в горах или в лесу. Вот они меня туристическим кличем и вызывали...

Утром примчалась Нила с огромным счастливым письмом, теплым золотистым бульоном, тефтелечками, хлебом и наказом все съесть. Люда читала и передавала обратно записки.

– Мамочка, пусть Толик возьмет справку в поликлинике. И мы не знаем, какое имя...

Люда смотрела и стыдилась вчерашней слабости – все было, как говорил Йося: отечность после родов за ночь сошла, и курносый младенец теперь ни капли не был похож на ее клятую родственницу.

Следующей под окна прибудет с открыткой, уже посвященной 9 мая, та самая Феня. При параде. С фирменными сдобными пирожками. До появления смс-сообщений, смайлов и эмодзи оставалось чуть меньше полувека.

«Может, раз родилась у мае – назовем девочку Маечкой?» – вместо поздравлений было накарябано в открытке.

Людка вернет открытку свекрови обратно, просто приписав в конце: «Лучше сразу Трусиками».

Пришел ее звездный час отыгаться за все обиды.

– «Виктория» – победа, – предложил новоиспеченный страдающий похмельем папа на семейном совете.

– Какая Виктория? – отозвалась Женя. – Виктория девятого, а она восьмого – тогда Капа.

– Какая Капа, мам? – возмутилась Нилка.

– «Капитуляция» – ну если уж решили к датам привязываться. Германия как раз восьмого капитулировала, – парировала Женя.

– Юлька, – улыбнулась Нила. – Такое хорошее имя. Легкое.

Это имя второй год было самым популярным, а все потому что недавно на всех афишах было написано «Юлька». Так назывался фильм про веселую девочку, которая любила танцевать и модничать и поступила вместо института в ПТУ, где и нашла свое призвание. Главную героиню сыграла Ирина Варлей, сестра той самой «Кавказской пленницы».

Имя Людочке понравилось, а Толику было все равно. Он всю жизнь будет называть дочку, как решил еще во время беременности, – Котиком.

Пустота

Слова пузырились летним дождем на лужах, давая иллюзию тепла, но ментально лопаюсь. Это как гроза в октябре: еще с летними булками, но ты понимаешь, что тепло обманчиво, а зима уже стоит за

спиной и тяжело дышит в затылок, едва сдерживаясь, чтобы не шагнуть сейчас же.

Вот и сейчас Ванька по пьяни, сидя у металлической койки в Еврейской больнице, пытался, пузыряться и хорохоряться, что-то сказать, объяснить маме, сам не веря в эти сопливые утешения.

Он плохо соображал. После трехнедельного жесткого запоя он не помнил, как добрался домой на Чубаевку и рухнул спать. Через сутки проснулся от жуткой головной боли и такого же раскалывающего стука в дверь. Он хлебнул задохшейся тухлой воды из чайника и открыл. На пороге стояла соседка, которая первым делом стала бить Ваньку своими старушечьими кулачками. Тот, спотыкаясь, отступил, пытаясь отбить ее удары.

– Да ты что, баба Валя, рехнулась?! Больно же!

– Сука ты! Шоб ты сдох! Мать в могилу свел! – орала соседка. Минут через десять Ванька начал что-то соображать из ее потока слез и брани. Оказалось, что маму неделю назад забрала скорая. Что до этого Анька все это время искала его по больницам и моргам, а потом слегла. Уже неделю соседка возит ей еду и не знает, как найти ее сына. Что Анька при смерти и может, уже померла, пока он – пьяное рыло – заливают глаза невесть где...

Ванька от липкого страха стал стремительно трезветь и, терзаясь виной и непреходящей оглушительной головной болью, переодевшись, но так и не помывшись, воняя грязью, потом, мочой и трехнедельным перегаром, рванул в больницу, борясь с искушением немедленно похмелиться.

Иногда всепоглощающая любовь может окончательно испортить. Аньке это удалось. Ванька, сидя на краю проваливающейся больничной панцирной кровати, мысленно ужасаясь собственному цинизму, уже считал, сколько может стоить их дом на Чубаевке. Это было сильнее его.

А Анькино дыхание становилось все реже и тише. Она по-детски всхлипнула, одинокая слеза поползла уже не по лицу, по оскалу, посмертельной маске. Она могла умереть минимум трижды – туберкулез в шестнадцать, авария, несовместимая с жизнью, тиф в сорок первом... Но эта банальная затянувшаяся простуда оказалась последней. В этот раз она сама не рвалась на волю, в жизнь. Третья из семьи Беззуб устала. Не выгорела, как Женька, не заплесневела от

обид, как Лидка, а просто выветрилась вином на столе, так и не перебродив в уксус. Эта старая болячка, промокшие ноги и вечные сквозняки из всех щелей вместе с постоянным страхом за Ванечку ее таки доконали. Или она так решила – чтобы наконец доконали. После выхода на пенсию у нее не осталось ничего, кроме чубаевских котов – своих и чужих. Ее в прошлом году даже из Дома пионеров тихонько выдавили, чтобы отдать ее половинку ставки по благу молодой «морячке», хотя у той ни высшего художественного, ни любви к рисованию и к детям не было. А ведь Анька в эти свои вторники и четверги оживала. Перед выходом она ломала цветущие ветки и срезала тюльпаны в саду, а позже обрывала свои медовые абрикосы, которые сначала все рисовали, а потом дружно ели. Однажды она узнала, что на Молдаванке случилась авария и воды не будет сутки. Чтобы не отменять занятие, Аня приперла два полных ведра с Фонтана, провезя их в паре трамваев и расплескав половину на ноги попутчикам.

– Анна Ивановна, да вы что в самом деле – такие тяжести! Да еще в такую жару, с вашим-то здоровьем и в вашем возрасте! – сокрушалась уборщица.

Но как ей объяснить, что только здесь Анька молодеда и отрывалась по полной. Была нужной и полезной, видела, как загораются глаза у смешных первоклашек, как, вывалив языки от усердия, вырисовывают мелочи пара девчонок-подростков.

Группы были смешанными, небольшими. А потом всё... – добровольно-принудительное увольнение, по собственному желанию и состоянию здоровья. Она бы и бесплатно работала! Анька пыталась это втолковать директору – не получилось. Ванечка так и не обзавелся семьей, а между рейсами вечно пропадал с друзьями, пропивая все заработки. Вот тогда Анька Беззуб, видимо, и решила, что хватит. Делать тут больше нечего. Сына дождалась – живой, а это главное.

Ванька подпишет бумаги. Выслушает скупое официальное соболезнование врача и поедет в пустой, выстывший, провонявшийся котами и одиночеством дом.

Дурацкие рисунки, дурацкие агитки. Эти вечные Анькины концентрические круги, линии да квадраты. Промышленные, революционные. Ни тепла, ни любви, один надрыв и призыв. Ваня

отшвырнул в сторону альбом – даже на стену такое не повесишь. Беспокойные, дерганые, без уюта все ее рисунки. Рвань какая-то царапающая. Даже его портрета ни одного нет. Из людей она рисовала только своего Осипа, но когда он ушел, все портреты сожгла.

Ванька вздохнет и откроет мамин шкаф – скрипучие дверцы, пахнувшие нафталином полки и минимум вещей. Как будто она была готова рвануть невесть куда каждый день и о комфорте, как всегда, не думала. Только на плечиках тот самый плащ, который Ванька полжизни назад привез из второго рейса. Надеванный лишь раз, парадный, с полными карманами лаванды, как будто кто-то из насекомых мог сожрать эту синтетику.

Ванька злился до слез. За умершую маму, за эту бестолковую бестолочь, за миллион упущенных ею возможностей. На такой должности – и в нищете, с такими талантами и – без денег!.. И это он еще не знал про Дейча и золото! Дом без чувства дома, как будто тут жил командировочный мужик, а не молдаванская хозяйка. Вон все тетki во всем разнообразии со своим серебром-мельхиором, вышитыми монограммами на простынях и с кружевными салфетками, закрутками и пирогами. Насколько Анька презирала все символы мещанского уюта, настолько ее тридцатишестилетний сынок, выросший у бабушки на Молдаванке, по ним тосковал.

Вечером он завалится в любимый «Гамбринус». Помянуть и отметить. Теперь у него, помимо козырной работы, был собственный дом, и только полгода до вступления в наследство отделяли Ваньку от больших, по его представлению – огромных денег. Его денег.

Через сутки он, помытый и надушенный, придет к Ксене.

– Теть Ксенечка, мама умерла...

– Что, как? Когда? – Ксюха разрыдается. – Анечка, а-а... моя девочка, моя любимая... Когда?! Почему?

– Позавчера, – прошепчет, пряча глаза Ваня.

– Почему ты сразу не пришел?! Почему не сказал, что она в больнице?! Я бы врачей... Ты что, не знаешь мои возможности?! В какой она?..

– Там было поздно, – почти не соврал Ваня. – Она в морге, в Еврейской. Я не мог вчера. Честно, не мог, очень больно, – он всхлипнет и по-детски уткнется Ксене в плечо. Та погладит его по голове, как в детстве, а потом потянет носом и отстранится:

- Беззуб, ты что, опять бухал?
- Вчера. После больницы, после того, как мама...
- Боже... ужас, ужас какой...

Ксения вцепилась фарфоровыми зубами в батистовый платочек.

- Анечка... Когда похороны?
- Завтра...

– Во сколько? Какая помощь нужна?

– Я не знаю еще... Теть Ксения... – Ванька смотрел в пол. – Теть Ксения, можешь денег на похороны одолжить?

– В смысле?! – похолодеет она. – Ты ж месяц как из рейса. И не пустой же пришел, я точно знаю, ты ж на две «Волги» привез! Ты куда все дел?! – Ксения со своим аналитическим умом уже сложила все уравнения. – Ты что, все пропил?..

– Я отдам! Честно! – затряс головой Ваня.

– Не отдашь. – Ксения Ивановна изменилась в лице и поднялась. – Я сама похороны устрою. – Такой ее Ваня видел пару раз в детстве. Последний – когда его выкупали из милиции.

– Теть Ксения, я завязал, я больше ни капли! Никогда!

– Пошел вон из моего дома! Я оплачиваю похороны. Можешь не беспокоиться. И чтобы ноги твоей в моем доме и в моей жизни больше не было! Никогда!

Этого потрясения Ваньке хватит на второй жестокий запой. На похоронах мамы он не появится и так и не узнает, что хоронили ее в том самом парадном болоньевом плаще от любимого сына, который она так берегла...

Иван Иванович Беззуб, 1936 года рождения, очнется в людном холодном и неуютном месте – в вытрезвителе. Это изначально медицинское, а потом милицейское учреждение появилось впервые в Киеве в 1902 году, потом вытрезвители, куда фельдшер и кучер свозили заснувших под заборами в сугробах пьяниц, отменили, а в тридцатые годы вернули, одновременно передав ведомственное учреждение из подчинения наркомату здравоохранения под крыло НКВД. Забирали туда в основном буйных, а по правде, в первую очередь, не просто бузотеров, а тех, кто был хорошо выпимши, но явно с деньгами. После сеанса холодного душа и сна протрезвевшие

граждане обнаруживали, что их денежки куда-то исчезли. Доказать что-то было невозможно, а вот получить с ноги по печени – легко.

Ванька, хлопая глазами, присел на жесткой койке и вдруг дико завыл, задрал лицо к люминесцентным лампам. Он выл и выл так жутко и страшно, что все остальные товарищи по несчастью сжались и затихли. Влетел санитар и вставил Ваньке по уху:

– Че? Белочку споймал? Че орешь?!

Ванька смотрел сквозь санитаря невидящим взглядом. Всё. Не будет больше никаких рейсов, дубленок, люрекса, мохера и красивой жизни, не будет осьминожек в оливковом фритюре и веселой учетчицы на коленях. Его загранка теперь уже окончательно и бесповоротно накрылась медным тазом – из вырезвителя по месту работы немедленно отправлялась справка о том, что их сотрудник позорит социалистическое общество своим пьянством. И если на заводе можно было обойтись выговором или просто недельным позором фотографией и заметкой в местной стенгазете, то с таким вожделенным местом, как плавбаза «Восток», все было однозначно: вылетал со сладкого места, как пробка из бутылки...

1975

«Крестовый поход»

– Колы вы будете крестить ребенка? – с порога заявила Феня, подхватывая на руки радостно пританцовывающую в кроватке внучку.

– Мам, какие крестины? Мне же в загранку, – отозвался Толик.

А вечером Нила, намывая посуду в тазике, повернулась к Людке:

– Не думала, что скажу это, но Феня права. Давай Юльку покрестим? Девять месяцев уже. Хочешь, я схожу там узнаю, что надо? Говорят, так ребенок болеть не будет.

– Да она и так не болеет, – удивится Людка.

– Ну пусть под защитой будет. От всего – от сглаза, от болячек. Давай?

В воскресенье Нила придет домой грустная.

– Людка... Им нужен паспорт отца ребенка. Они без паспорта не крестят.

– А зачем им паспорт? Там же будут крестные родители?

– Там мне этот батюшка долго объяснял. Какой-то закон приняли. Они не имеют права...

Люда протянула Юльке кусок горбушки и замялась:

– Мам, наверное, не получится. Ты же знаешь, у Толика – брат проблемный, а еще церковь... Его так точно в рейс не пустят.

– Так это ж в церкви только будет.

– А ты думаешь, они гэбэшникам не докладывают, кто у них крестился?

– Та дайте им мой паспорт. Азохэн вэй, большое дело, – вдруг отозвался Пава.

Ошарашенные Нилка и Люда повернулись и уставились на Собаева, который, как всегда, восседал на своем стуле в полосатой пижаме, поджав к груди одну ногу. Пава был, на редкость, в отличном настроении.

– Да пошли эти падлы чекистские!..

– Павочка, тише!

– Пошли они на...! – повторил он. – Дайте попам мой паспорт. Какая разница? Куда меня с Радиалки выпрут?

– Ты серьезно? – переспросила Людка.

– А шо я, скотина тебе? Крест не помешает. Сам не верил, пока под бомбежку не попал. Давай, Нилунс, отнеси им. Нехай малую покрестят.

И если первая часть была таким чудесным способом решена, предстояла не менее сложная вторая – найти крестных родителей, чьи паспорта тоже надо было предъявить в церкви.

Лет десять назад Никита Хрущев публично пообещал к концу семилетки «показать последнего попа по телевизору». Началась эпоха «научного атеизма» – тысячи книг, статей и брошюр с разоблачениями культов и сект, десятки кинофильмов и просто проходные роли священников, всегда пьяниц, вымогателей и развратников. Страшные истории про одурманенных матерей-«баптисток», которые ломали детям пальцы за то, что те трогали цветы возле икон. Собrania с порицанием заблудших товарищей. Носить крестик было недопустимо и всячески высмеивалось. Все, кто официально придерживался любой религии, считался неполноценным членом общества, чуть ли не психически больным. Брежнев ослабил гонения только внешне. У священников всех религий по-прежнему не было прав юридического лица, а здания храмов общины арендовали у государства. Партия имела право вмешиваться во внутреннюю жизнь церкви. Курировали все действующие храмы обычно представители госбезопасности с полным контролем и учетом всех церковных книг и поступающих средств.

Поэтому данные отца и матери, которые решили окрестить ребенка, вместе с паспортными данными крестных родителей немедленно передавались по месту работы всех участников. У строителей коммунизма не должно было быть никакой религии.

Быть крестным неожиданно согласился ужасный асоциальный элемент – Людкин кореш Моня, который числился на заводе на полставки художником-оформителем, чтобы не попасть под статью за тунеядство. Тот, кто уклонялся от общественно-полезного труда и жил на нетрудовые доходы, считался тунеядцем. Даже если ты, к примеру, шил на дому, а не работал официально в ателье, ну или продавал овощи со своего огорода, – это была статья.

За паразитический образ жизни по решению суда таких выселяли в специально отведенные местности на срок от двух до пяти лет с

конфискацией имущества, нажитого нетрудовым путем, и обязательным привлечением к труду по месту поселения.

Моня мало того, что был без пяти минут тунеядцем, так еще и фарцовщиком, промышляющим у памятника Неизвестному матросу. Стоял Моня неплохо – он занимался в основном валютой. Людка рисовала за него все плакаты по технике безопасности и праздничные стенгазеты, а он отдавал ей часть своей зарплаты за услуги.

– Может, нам начать рисовать портреты вождей? Поднимем денег, – предложил как-то Моня, когда они вместе с Канавской, не сговариваясь, появились на работе – она, будучи в декрете, на полставки подрисовывала наглядную агитацию и брала на дом чертежи в КБ.

– Тогда тебя точно посадят за хулиганство и вандализм, – парировала Людка: – Я ж могу только карикатуры рисовать и людей в противогазах.

– Слушай, а у тебя ни у кого дома икон старых ненужных нет? Может, бабкиных? – спросил в тот день Моня, пришедший расписаться в зарплатной ведомости и выдать Люде ее долю.

– А ты что, с церковью как-то связан? – обрадовалась Людка.

Моня смущенно хмыкнул:

– Ну, в некотором роде. Помогаю любителям.

– Нам надо малую покрестить, а кругом все комсомольцы и коммунисты... – вздохнула Людка.

– И карьеристы, – добавил Моня. – А давай я буду крестным?

– А ты не боишься?

– Чего? На меня уже такое досье в органах лежит, что запись в церковной книге точно роли не сыграет, если решат прижать.

– А это, Моня... – Людка покосилась на его ремень, – ты, вообще... ну, не этот?

– Не обрез? К сожалению, нет. Хотя хотелось бы. Говорят, очень практично и гигиенично. Меня папина бабушка покрестила, к маминому ужасу, так что, Канавская, я как ты, – и вашим, и нашим.

– А я тут при чем? – фыркнула Люда.

– Ой, мне не рассказывай, да у тебя ж вся скорбь еврейского народа в глазах, – ржал Моня. – А шо, я, например, по папе – русский, а остальное по маме, ну и у тебя, как у меня, очень удобно.

– Да хоть узбечка, если тебе так нравится.

С крестной матерью оказалось еще сложнее. Во дворе, по словам Нилы, половина – наши люди, а вторую не допросишься.

– Никакой бабы Тани! – хором объявили все женщины восьмой квартиры, перебирая соседок.

– Шоб такая приשמаленная родней стала? Оно мне надо? – возмущалась Женя.

– У нее иконы дома, – отозвалась Людка.

– И что теперь? Всех с иконами в кумовья звать? У нас тоже в шкафу одна лежит.

– Вон Полинку позовите или Нюську ее.

– Да ты что! Нюська же учитель в школе. Ее же выпрут сразу, – простонала Люда.

Нила перебирала вслух:

– Ася – коммунацкая жена, Мила с Идой – точно не православные, у Люськи – муж водоплавающий, у Дуси – зять райкомовский.

– Ты знаешь, – Нила прищурилась, – может, еще раз подумаешь за бабу Таню? Или... Мам, а может, ты покрестишь?

Женя поперхнулась чаем:

– Да ты что?

– Так ты уже на пенсии давно. Шо тебе терять?

– А ты что, не знаешь? Ближайшим родственникам нельзя ж!

– Да? Я не знала, – вздохнула Люда.

Спасение пришло снова откуда не ждали. Нилина закадычная заводская подруга Лорка, уже изрядно помятая, но все равно эффектная местная Брижит Бардо, разливая в обеденный перерыв всем по стопке в медпункте, вдруг предложила:

– Ой, ну раз такая проблема, давай я буду. Про меня такое тут плетут, что одной сплетней больше, одной меньше.

– Кто? Лора – крестная мать?! – Совершенно обескураженно уточнит Люда. – Да на ней клейма негде ставить!

– А ты свечку держала? – возмутилась Нила. – Красивая баба, вот и брешут. Не подходит – найди другую, морально устойчивую.

Искать не стали. Нила с Павой отнесли свои паспорта. Все понимающий батюшка, грустно посмотрев на возрастных родителей, вздохнул и записал их в книгу.

– Будем надеяться, проверять метрику и кто когда рожал, не станут, – не отрываясь от записи, сказал он.

Крестные не боялись ничего. В Троицкой церкви на Карла Маркса шло таинство крещения. Людка гуляла по окрестным кварталам с пустой коляской, стуча зубами от холода.

– Тоже мне придумали – мать родную не пускать!

– Ну, во-первых, там мой паспорт, а ты точно моложе сорока выглядишь, – успокоила ее Нила, – а во-вторых, мы с Павой тоже ждем отдельно и не заходим, хотя ужас как интересно.

Батюшка покосился на крестных – юный отец был в умопомрачительных очень облегающих бедра расклешенных джинсах и красной водолазке, а у матери постоянно сползал платок, водруженный на высоченную «бабетту» с растрепанными пшеничными прядями, из-под короткой юбочки не по погоде, возрасту и событию кокетливо выглядывали коленки.

– Господи помилуй, – батюшка перекрестился и повернулся к крестным родителям: – Это ничего. К Господу тоже первыми разбойник и блудница пришли.

– Чего он сказал? – шепнула Лорка.

– Я не разобрал, – хихикнул Мونها.

На крест скидывались все: и крестные родители, и биологические, и записанные в церковной книге. Лорка договорилась со знакомым ювелиром: чтоб золотой, чтобы память на всю жизнь.

После церемонии в Троицкой церкви Мونها уже дома достанет свой персональный подарок.

– Ничего себе! Это же!.. Это же!.. Она же лаковая! – охнет от восхищения Людка. – Правда, немного великовата – ей же еще года нет...

– Ну, большая – не маленькая, – оправдывался Мونها. – Какую достал. С детскими шмотками вообще напряг.

– Ничего, на зрест, – засмеялась Нила, когда Юльку обрядили в красную блестящую югославскую куртку с рукавами до пола. – Повезло ребенку с крестными!

Крупно повезло

Феня Сергеевна Верба не зря после выхода на пенсию второй год продолжала работать на родной «трикотажке», и дело было не в дополнительной «копеечке», которая никогда лишней не бывает.

Сыновья давно выросли, личной жизни у нее после смерти Якова не было, да и не хотела она больше никаких мужиков – одни побои да убытки, а про постельные радости эти шлендры цеховские все врут. Не было у Фени там с Яковом никаких радостей – одно унижение, хорошо хоть не долго и не часто.

Она все так же жила в той комнатке в молдаванской коммуне в квартале от сына с невесткой и всей ее родней. Но теперь в походах на Мельницкую появился смысл и радость – внучка Юлечка, которую Феня вдруг нежно полюбила: еще ни один человек в мире Фене так не радовался. Упитанная, вся в классических перевязочках на руках и ногах, со щеками, которые видны со спины, Юля с рыжеватыми Фениными бровями и вихром на макушке, с таким же квадратным, как у ее сына, подбородком верещала от восторга, услышав хлопанье двери, и пританцовывала от нетерпения, уцепившись за перила своей кровати. Новоиспеченная бабушка заглядывала в гости к нелюбимой невестке теперь минимум трижды в неделю. А потом шла домой.

Ее убогая коммуна была какой-то вечно временной. Неуютная, хоть и чисто вымыта. Спартанская. Из всех украшений – засохший пучок вербы в вазочке на шкафу да гипсовая цветная пастушка, которую в цеху подарили на сорок пять, мол, ягодка опять, как со смехом объявила мастер. Она помнила крахмальным богатым уют немецкого дома, в котором служила и нянькой, и домработницей. Но здесь, в коммуне, попробуй укрась – враз догадаются, что деньги завелись, и точно украдут, все перевероят, залезут во все вещи, и концов не найдешь. Есть где жить – и слава богу. Конечно, хотелось свое, отдельное, чтобы хозяйка, а не так, что каждая тварь в тарелку смотрит, кости переживает и по ночам за стенкой буянит или того хуже. Феня всю жизнь терпела – голод, унижения, побои, отсутствие быта, дефицит всего и постоянную нищету. Она умела выживать. И не представляла, что сможет когда-то жить иначе. Несмотря на все коммунистические запреты и собрания, у себя в комнатке она утром и вечером тихонько крестилась и бормотала «Отче наш» сначала на пустой угол у занавески, потом на раскрашенную фотографию иконы Николая Угодника, которую Сережка притащил ей в подарок после первой отсидки.

И добрый Никола Угодник таки пожалел Феню. Самая красивая швея в их цеху, Галя, была копией Людмилы Чурсиной. Власть

нагулявшись и перебрав пару десятков перспективных претендентов, понятно, моряков, Галинка два года назад таки вышла замуж – ясно, что за моряка. Он, правда, оказался поддельным – не моряк вовсе, а морской инженер из водного института. И отправили его достраивать Ильичевский порт.

– Уже десять лет, как строят! И тут мой Коля им понадобился! – жаловалась Галя.

Порт достроили еще в шестьдесят первом, и поселок для моряков и работников порта в прошлом году даже получил статус города. Теперь Коле как молодому специалисту дали квартиру в этой глуши.

– Да какой это город! – негодовала Галя в новом платье. – Там тыщ десять населения – село селом. Все рожи знакомые. Тоска смертная! Ни тебе театра, ни кино! Я сказала: я туда не поеду, так и знай! Крутись как хочешь, меняйся, разъезжайся, но чтоб мы жили в Одессе, хоть в коммуне, хотя кто ж туда поедет, в тот Ильичевск!

– А сколько метров? – почти шепотом спросила Феня.

– Да обычная хрущевка! Тридцать пять, что ли, еще и первый этаж – каждая собака будет в окно заглядывать. – Галя вдруг посмотрела на Феню: – Агафья Сергеевна, а давай махнемся не глядя? Ты ж где-то недалеко живешь?

– Ну, у меня комната двадцать метров на Степовой. Трое соседей. Не знаю... как там твой Коля.

– Да ладно! И шо, тетя Феня, а давайте? Поедете до моря жить?

– Даже не знаю, – протянула Феня, боясь поверить в свое счастье и случайно не переиграть с раздумьями. – Но... я ж пенсионерка, устала уже. А тебе точно не наездиться. Хотя с таким мужем можно и не работать...

– Ну да, не работать и от тоски помереть! Тетя Фенечка, так что, можно комнату завтра глянуть?

– Ой, как-то быстро все... – Феня боялась, что голос задрожит или по блеску в глазах, как в кино, ее раскусят. Она ликовала и боялась сглазить удачу.

А Галя так боялась приморской глуши, что в три дня вынесла мозг своему инженеру. Обмен состоялся.

Феня Сергеевна зашла похвастаться на Мельницкую:

– Вот, сыночек, уезжаю. Далек очень, правда, зато своя. Отдельная. Со всеми удобствами. И даже палисадник свой есть.

Феня усадила на колени внучку и погладила ее по макушке:

– Будешь до бабы приезжать?

– Ба-ба-ба! – лепетала Юля.

– Ой, – всхлипнула Феня, – ой, это ж мы теперь редко видеться будем. Оттуда пока выберешься. Автобус раз в час. Электричка тоже редко...

Теперь скрыть ликование пыталась Люда, но улыбка предательски все время расплзалась по ее лицу.

Тося поможет матери с переездом. Ей действительно повезло – и улица центральная, и дом не у дороги, первый этаж, но все, как мама любит, – вон помчалась копать сразу и цветы высаживать.

Феня приколет фотографию иконы в почетное место над новым черно-белым телевизором, поцелует край:

– Спасибо, Николай, спасибо, век твою доброту не забуду.

Примерно тот же текст, глядя в потолок, повторила Люда, намывая посуду после ужина.

Женя, вытирая тарелки, которые подавала ей Людка, резюмировала:

– Да уж, нежданно-негаданно. Вот это подфартило. Чтоб такую свекровь и так далеко отодвинуть. Действительно Господь управил.

Наконец-то! Только на пенсии Феня смогла почувствовать всю полноту жизни. Никто не мешает – она покрасит стены и полы, заново перебелит для удовольствия все потолки. Ванна! Своя ванна! Вот это роскошь! Можно и скатерть на стол в зале (он же спальня) постелить – все равно Феня будет есть на кухоньке, и пастушку красиво поставить, и тюль на окна повесить. Из обрезков и лоскутьев, вынесенных с трикотажки за годы работы, она навяжет половичков-дорожек, как в далеком материнском доме. На подоконнике уже цвели буйным цветом все собранные у коллег отростки и листочки – от фиалок до рождественника и кактусов. Крестьянская сущность моментально пробилась, как только Феня обрела свое долгожданное место.

Только с палисадником ей не повезло – деревья давали такую густую тень за домом, что ничего путного в такой темени не росло, да и в самой квартире царил вечный полумрак, а свет она включала, только когда совсем ничего не видела, – из экономии.

Тратить можно было только на что-то важное и кардинальное – помимо телевизора, она через сваху Нилу купила цветастый синтетический ковер.

– Куда на пол?! Ты что, с ума сошел? – замахнулась она полотенцем на Толика, который привез долгожданный сверток. – На стену прибей. Всю жизнь мечтала...

Не поминайте лихом

Седьмое ноября в этом году было на редкость холодным – градусов пять от силы. Поэтому вся демонстрация в Одессе прошла на удивление очень бодро и быстро. Нила вернулась домой до полудня и поставила чайник.

– Мам, сейчас же стол! Мы уже почти все накрыли! – крикнула из комнаты Люда.

– Та дай согреться! Там дубарь такой! Я околела уже.

– Так выключи чайник! Давай я тебе рюмку для сугреву налью, – повернулась к дочери Женя с полотенцем на плече: она домывала в ледяной воде кастрюли после готовки. – Вон у меня тоже уже пальцы буквой зю.

– А мне нальете? – раздался голос из коридора. Нила выглянула – там стоял Ваня Беззуб. Лицо от систематической синьки – как подушка.

Нила заулыбалась:

– Ух ты! Ваня! Вот так сюрприз! Разувайся, проходи!

Женя не спешила выходить к гостю. Она вытрет руки белоснежным вафельным полотенцем. Потушит беломорину о край умывальника и медленно выпьет свою приготовленную рюмку: – Анечка, земля тебе пухом.

За столом чувствовалась общее напряжение. Ваню последний год никто не видел, да и не искал. На поминках Аньки Ксюха в сердцах все расскажет про недостойного алкаша.

Судя по виду – наглаженный, как на парад, но старый и заношенный костюм с лоснящимися рукавами, застиранная нейлоновая рубашка, – Ванька, который смущенно улыбался, продолжал квасить.

– Ну... – подождав, пока гость, жадно припавший к тарелке, не наестся, спросит Женя: – Как жизнь? Где ты сейчас?

Ваня расплывется в беззубой улыбке:

– Вот, тетя Женя, теперь полностью фамилии соответствую. – Он подмигнет Люде: – Ну что я, то там, то сям, больше с рыбаками в артелях береговых. Шо я еще умею? А вы как?

– Потихонечку, – проворчит баба Женя.

– А как... как там тетя Лида? – Он запнется. – И... Ксения?

– Лида, как Ленин, – живее всех живых. Ксения тоже нивроку. А ты с чем пожаловал?

– Ну так... – засмущается Ваня, – праздник же... провести...

Нила постарается сгладить мамину грубость. Она подойдет и обнимет за плечи Ваньку:

– Младший братик, ты не болтай, кушай! Потом наговоримся! Давай еще котлеточку? А супчик хочешь? У меня там такой бульончик есть! Как Фирочка готовила. Помнишь? Или тебе есть кому варить? – подмигнет она.

– Та кому я сдался? Хотя... теперь, может, все и наладится, – Ванька сиял. Он так долго держал главную новость, так долго решался прийти и наконец собрался с духом:

– Тетя Женя! Ты не сердись. Я вот решил новую жизнь начать. Вот прям сразу с чистого листа! Мне ж сорокет исполнится. Я уезжаю.

– Куда? – спросила Людка.

– Да тут недалеко. В Одесскую область. Рядом. Ну почти. Краснознаменский район. Трактора ремонтировать буду. Я ж, это, дом наш продаю на Чубаевке! Вот покупателей нашел! После праздников сделка. Ну там долги раздам, а на сдачу – я первый парень на деревне буду, и сразу дом и огород, и хозяйство, и, думаю, хозяйку ласковую себе там найду. Я ж жених завидный приеду!

Ваня встанет и залпом выпьет рюмку, потом сразу по-хозяйски нальет себе из штофа следующую.

– Ты это, жених, – насупилась Женя, – хоть не пробухай все до отъезда. А то по дороге или в селе пришлого и за меньшее прибьют и прикопают.

– Та не пугайте! Я ж попрощаться пришел. По-семейному!

Он расцелует Нилу и Люду. Издалека осторожно то ли кивнет, то ли поклонится Жене:

– Ну, не поминайте лихом! Даст Бог, еще свидимся.

Когда он уйдет. Женя останется сидеть за столом. Еще более каменная и суровая, чем обычно, она аккуратно платочком промокнет слезу в самом уголке почти сухих глаз:

– Пропадет дурак... ой пропадет... Боюсь, что даже до села не доедет...

1976

«Хинди-руси»

Провозглашенная Хрущевым в 1965 году дружба между советским народом и Индией продолжала крепнуть. Под девизом «Индусы и русские – братья», или «Хинди-руси – бхай-бхай», которую безграмотные молдаванские мужчины немедленно переименовали на более понятное «пхай-пхай», эта дружба помимо передовиц газет и дружеских визитов подкреплялась экономически. В Одессе ее материальными доказательствами, кроме смуглых студентов медин, был легендарный растворимый «инстант-кофе» в жестяных банках, которые хранились на почетном месте годами и как валюта для коррумпирования бюрократов и врачей котировались выше, чем армянский коньяк. Разумеется, был чудесный индийский коттон – от махровых полотенец и простыней до футболок, и даже индийские джинсы, которые были чуть дешевле и доступнее, чем легендарные «левайсы» или «монтана». Но не напитки, не одежда и даже не запуск в космос индийского спутника «Арьябхата» с помощью советской ракеты-носителя «Союз» скрепляли фундамент международных отношений, а сила искусства. Индийский кинематограф побил в СССР все рекорды проката, покорив шестую часть суши вместе с двором на Мельницкой главным кинохитом «Зита и Гита». И хоть до нас этот экзотический мюзикл, отснятый еще в 1972 году, шел долгих четыре года, оно того стоило.

Клуб Иванова был заполнен до краев даже на утренних и дневных сеансах. После похода парами приходили семьи, потом женские компании, чтобы еще раз пережить вместе с героинями все сюжетные коллизии.

Феноменальный успех отчасти можно было объяснить тем, что обе разлученные в детстве близняшки – богатая скромница и выращенная цыганами оторва – уживались как равноправные личности практически в каждой молдаванской даме от пятнадцати до восьмидесяти.

Ася Ижикевич, которая третий раз за неделю волновалась, как будто впервые, и доводила себя до гипертонического криза,

сопереживая индийским страстям, принимала активное участие в происходящем на экране:

– Та врежь ты уже этой суке! Шо ты как потерпевшая! Здоровая же девка! Вон кровь с молоком, сиськи, как каравай! На ней пахать же можно, а она сдачи не дает! – причитала она.

– Мадам Ижикевич, та помолчите, дайте послушать! Вы мне это каждый вечер и так пересказываете, – стонала Полина Голомбиевская.

– Слушайте, – громко шептала Ида Львовна, – а как она ходит босая, и пятки не репаные и не черные? Вот я только по квартире два раза пробегусь, и такие трещины и натоптыши! Потом к педикюрше срочно все срезать, а эта так гоцает по камням и хоть бы хны!

Во дворе все дети, как только мадамы, развесив стирку, отправлялись «делать базар», пытались, как героиня фильма, обмотаться на четырнадцать оборотов в сари из мокрых простыней. Мешали прищепки и затрецины от бдительных хозяек.

Евгения Ивановна Косько держала марку и в массовом кинобезумии не участвовала. Наслушавшись во дворе и дома о вершине современного киноискусства, она таки пойдет сама, подгадав время, когда на сеансе не будет никого из дворовых.

– Хм-м, – глядя в стену, произнесет она вечером. – Посмотрела я эту вашу индийскую оперетту. А это одна играла или реально близняшки?

– Ба, одна. Я в газете читала, – отозвалась Люда.

– Феерические спецэффекты... Как они это сделали? – задумчиво процедила Женя.

– Мам, ты видела, какие там платья? А какие они красивые! – вступила Нила.

– Какие там платья? Тряпкой обмотались! Вон Людка из портьер себе в детстве такое мотала. Но как они их... ее... чтоб сразу две в кадре?

– Та далось тебе, как они это сделали! Скажи, тебе фильм хоть понравился? – не отставала Нила.

Женя молчала и, пожевав губами, подбирая слова, заговорщицки выдала:

– Я вот что думаю... Его надо Лидке показать. Ее точно удар хватит. На втором танце.

Никого не будет

Люда в сентябре сразу не поняла – ну припухла грудь – на месячные, наверное, ну что-то долго нет. Так купались в августе, вода холодная, может, опять «первый этаж» застудила. В октябре она забеспокоилась и пошла провериться.

– Тося! – прижмется она к мужу вечером. – А кто у нас будет? Как ты думаешь?

– В смысле? – шепнул Толик. Напротив их дивана в кроватке сопела двухлетняя Юлька.

– В прямом. У нас будет ребеночек.

Толик приподнялся на локте:

– Как это?

– Как и в прошлый раз. Тем же путем! Ты что, не рад?

Толик резко сел. И взмахнул руками:

– Косточка... ты уверена?

– Ну да. Я сегодня у врача была. Восемь-десять недель. Как думаешь, кто у нас будет? Мальчик или девочка?

Толик тяжело молчал и выдавил:

– Никого у нас не будет.

– Но...

– Я сказал. Я принимаю решения. Никого у нас не будет. Пока.

– Как? И что мне делать?

– Аборт делать. Как все.

– Почему аборт? Я что, нагуляла? Вербка, ты чего?

– Это ты чего? Ты что, не понимаешь? Как маленькая! У меня зарплата аспиранта девяносто рублей. Рейсов нет. Подрабатываю по ночам у Нилы на заводе в цеху – еще тридцать. Как мы четверых прокормим, ты подумала?

– Каких четверых?!

– Нас двое и двое детей. Четыре. Сто двадцать на четыре. Тридцать рублей на человека в месяц. Ты сможешь прожить? За квартиру заплатить? Одежду купить? Нам никто не поможет. Они сами еле концы с концами сводят.

– Я не хочу аборт, – Людка заплакала. – А если я пойду работать?

– И уйдешь в декрет через полгода? Куда работать? А Юлю в сад? А за сад сколько платить?

– Разве так можно? – Люда отвернулась, набила в рот угол подушки и зарыдала.

Толик беспомощно гладил ее по плечу:

– Не плачь. Мы не потянем. Или ты хочешь родить, а потом в интернат сдать? Того, кто слабее или кто жрет больше? А? Я обещаю: у нас будут еще дети. Дай на ноги встать. Узнай там у врача, сколько денег. Я одолжу.

Люда молчала. Она оставит Юлю с бабой Женей и снова сгоняет в женскую консультацию на Болгарскую. Пряча глаза, шепотом, заливаясь краской, спросит главного гинеколога Молдаванки Йосифа Семеновича, Йосю, про аборт. Тот удивится:

– Ты ж позавчера так радовалась. Что уже стряслось? Подумай, Верба, ты ж первым забеременеть сколько не могла. И родили отличную девку. А тут второй. И разница хорошая будет – в три года.

Людка тихо плакала и отрицательно качала головой:

– Не могу... мы не можем.

– Понятно... – вздохнет Йося и назначит время.

Накануне Людка попросит у Нилы:

– Купи мне тоже выпить. Я все равно не усну, трясет.

Она вытянет руки – тремор был, как у Павы с похмелья.

– А еще не пила, – грустно пошутит Людка, выпьет залпом, один за другим, два стакана портвейна и пойдет по стеночке спать.

Утром ее мутило то ли от страха, то ли с похмелья. Она в пол-уха слушала врача, стоя с простынкой в руках на обжигающе холодной плитке в абортарии при роддоме.

– Ты точно решила? Еще не поздно уйти. Ладно... На раннем сроке анестезия не положена. Но я так не выскабливаю. Уколем, будет легче.

После вчерашнего алко-обезболивания укол не подействовал. Людка прокусила губу, вросла ногами и пальцами в гинекологическое кресло. Больнее было слышать все эти шкрябающие звуки и звяканье металла. Она задрала голову и заливалась слезами, стараясь не думать, что горячее шмякается с кровью в лоток.

– Полежи хоть пару часов. Это не рекомендация. Это обязательно, – велел Йося. Она сползла с кресла, шатаясь, зашла в общую палату и завалилась на бок на клеенчатую койку.

– Что, в первый раз? – окликнула ее соседка у окна. – Да не реви ты так! Выживешь. Я первый раз тоже плакала. А сейчас раз в год – как

на работу. Вот еще минут десять полежу и как раз успею после обеденного перерыва на завод, а то мастер все мозги проест.

Аборты в СССР запретили в 1934-м, а легализовали в 1955-м. К 1964-му официальная статистика абортот достигла пика – более семи миллионов в год. Анестезии на раннем сроке не полагалось. Больничных тоже. Справку об отсутствии на работе по причине аборта брать боялись. Несмотря на легальность процедуры, на собраниях за это осуждали и публично позорили. Поэтому уже через пару часов, истекая кровью, женщины выходили на работу. К 1977-му число абортот снизилось и стабилизировалось до пяти миллионов в год. Людка не знала статистики. Она хотела умереть. Здесь и сейчас – на клеенчатой койке, от боли, стыда и горя.

Через час, не выдержав щебета соседки и двух вновь прибывших, она, содрогаясь от больничной будничной унижительной беспомощности, засунет в трусы кусок старого махрового полотенца, которое ей приготовила Нилочка, натянет колготы и юбку и поедет домой.

Через месяц, перед Новым годом радостный Толик объявит, что уходит в рейс на полгода по специальности, электромехаником. Отличный маршрут с заходом в Сингапур.

– Ну что ты реवेशь, глупая? – спросит он. – Я же не на войну. Вернусь весной. Денег заработаю.

Отчего Люда так гордо рыдает, он так и не понял.

1977

Землетрясение

– Шо вы там гоцаете как скаженные?! – вылетела во двор баба Шура, то ли приемная дочь, то ли поздняя любовь покойного Макара-камнетеса. – У меня штукатурка в кровать прямо на морду кусками падает! Ой!

Следом за ней выкатились перепуганные жители двора на Мельницкой – кто в чем и с чем.

Нюся Голомбиевская как была – в своем шикарном халате поверх ночной сорочки, с книгой в одной руке и кошкой Нюшей в другой. Нюша, выпучив глаза, страшно подвывала в одной тональности с бабой Шурой.

Баба Таня с девичьей легкостью спорхнула по дребезжащей и гуляющей ходором лестнице с бумажной сельской иконой в жестяном окладе и паспортом в кулечке.

– Ты шо, спишь в своей косынке? – с удивлением покосилась на нее Шура.

Баба Таня мелко крестилась и смотрела на свои окна и пару трещин, которые на глазах ползли к первому этажу.

Люду землетрясение застало за шитьем. Она качала ногами пластину на своей рабочей «Чайке», возле ног в торбах с лоскутами возилась Юлька.

– Ой-да-да! Ой-да-да, – раскачивалась она в такт с домчавшимися из Румынии колебаниями.

Люда закончила строчку и недоуменно оглянулась – на шкафах со скрипом распахнулись дверцы. Люстра раскачивалась.

Людка схватила в охапку Юлю и заорала:

– Мама! Землетрясение! На выход все! Срочно! Женя!

Первый этаж уже полным составом был во дворе.

Мадам Берштейн бросила во дворе мужа и, пригнувшись, как в пламя, рванула назад в квартиру и выволокла старинное кресло и бутылку армянского коньяка.

– Есть женщины в русских селениях. Это шо, самое ценное, шо у тебя есть? – заржала Ася Ижикевич.

– Это вы все стойте, а я буду смотреть на катаклизм в комфорте, и увидим, как вы тут будете к утру замерзать!

Тетя Ида, чья квартира располагалась на втором этаже точно в центре галереи, между двумя лестницами, металась, как Буриданов осел: куда же ближе бежать? – и страшно грохотала. У нее из-за пазухи торчала импортная красная жестяная коробка.

Полина снизу, прищурившись, заорала:

– Ида, чем вы гремите, там шо, челюсть Додика или ваш золотой фонендоскоп?

А Люда с Юлей на руках уже толкала Иду на выход на чугунную лестницу:

– Давайте – она на балке стоит, а та подвесная, сейчас завалится!

– Мама! Мама! Вы где? – кричала Нила.

Она уговаривала Павлика спастись. А Пава Собаев только полчаса, как допил свою вечернюю порцию портвейна, и сладко заснул.

– Да отвяжись ты, Нилка, корова, хватит диван шатать! Какое землетрясение? Отвали, дай поспать!

Нила выбежит одна, за ней спокойно спустится Евгения Ивановна Косько – в вязанке, туфлях, с сумкой, в которой лежала вся папка с семейными документами, пару пачек беломора, батон хлеба, нож, спички и банка тушенки.

4 марта 1977 года в Одессе произошло землетрясение силой в семь баллов. В центре обвалились балконы и пошли глубокие трещины. В тот день в эпицентре, в Бухаресте, погибли 15 тысяч человек.

Но двор об этом еще не знал. Все сбились в кучу.

– Вроде затихло? – спросила Люся-морячка в шлепанцах, бигуди и дубленке поверх комбинации. – Шо смотришь? Она новая, ненадеванная. Я ее что, под руинами оставлю?

– Да типун тебе на язык! – отозвалась Аня Берштейн.

– Вон последний раз в сороковом у нас трясло, и шо? До сих пор живем, – вспомнила Женя Косько.

– Я слышал по телевизору, что обычно бывает вторая волна, – встрял Феликс с первого этажа.

– Всё! Я ночью здесь! Мое при мне: мужик, кресло и коньяк. Я домой не вернусь, – заявила Анька Берштейн. – Могу только мадам

Косько позвать – у нее закуска есть.

Хныкали замерзшие перепуганные дети, встревоженно гудели взрослые. Баба Таня все смотрела на трещины:

– Ой, а дом не завалится?

– Не завалится, – авторитетно заверила Людка. – А вот если вторая волна будет большей силы, то во дворе никто не выживет.

– Это почему? – Стало тихо, только продолжала выть Нюськаина кошка.

– Потому что если галерея сложится, то второй этаж накроет точно середину двора с одной стороны и с другой. Надо идти на улицу на расстояние больше высоты дома.

Все вывалили толпой через дорогу в сквер, где уже толпились соседи из соседних домов и все лавки были заняты.

– Какие все умные! Надо же, – проворчала Женя.

Через час первые замерзшие дезертировали домой, к полуночи, допив коньяк мадам Берштейн, вернулись главные паникеры.

Утром свежий Пава Собаев поинтересовался у невыспавшейся перепуганной Нилы:

– Ну и на фига вы вчера устроили такой геволт?

Людка полночи ворчала на отсутствующего мужа:

– Вечно, Верб, тебя нет дома. То яхт-клуб, то рейс. Я хоть когда-нибудь буду не сама все решать?

1978

Без опоры

Ксения разольет всем и, промокнув глаза батистовым платком, прошепчет в чешскую люстру:

– Царствие небесное, земля пухом.

Лидка махнет рюмку, поморщится, занюхает колечком червоного золота на дряблом старческом пальце и задумчиво скажет:

– Люто завидую твоему Панкову – идеальная смерть.

– Лида, ты – дура? – покосится на нее Женя.

– Сама дура! И ты, Ксения, только подумай, как свезло мужику: вкусно поел, сладко попил, собрался на охоту, лег спать – и не проснулся! Ну обзавидоваться!

Ксения вздохнула и взяла хрустальный графин густого темно-вишневого цвета с прозрачными насечками граней, налила по следующей.

– Согласна. Ни боли, ни мучений. Я в пять проснулась, толкнула его – мол, пора, вставай. Он во сне сказал: ай! И умер. – Она помолчала, подняла вторую рюмку к губам.

– И бросил меня. Да, Панков? А я одна осталась Сашку ждать... Я бы тоже так хотела. Отличная смерть, а как здесь остальным, тебе уже все равно.

Женя покосилась на сестер:

– Что значит бросил? Не начинай уже. Красиво жил – красиво ушел, тебя не обременял ни заботами, ни тревогами. Спасибо скажи.

Ксения снова плакала, но не так, как за сыном. Просто сидела и текла своим тихим горем:

– Эгоистка я – плохо мне без него. Рухнула моя каменная стена.

– Да ладно, – вмешалась Лидка. – Вон какой дом отстроил, тебе оставил, есть где старость встречать, еще и обеспечил, не то что мой! – Она с горечью добавила: – Всю жизнь на него положила, а толку-то!

Женя с Ксенией переглянулись и по-девчоночьи хихикнули:

– Вот ты, Лидка, конечно, скажешь, как в лужу...

– Ты эти свои спекулянтские прибаутки брось! – надулась Лидка. – Можно подумать, я неправду сказала.

– Так мы оба работали на этот дом.

– Так и я работала – не отдыхала! – возмутилась Лида.

– Ты?!! Ты?! У тебя же ни дня стажа! Пришла на все готовое в профессорскую семью! – возмутилась Ксения. – Не, я сильно уважаю такой талант, без шуток, но кем ты там работала? Мужниной женой?

– Не считая оккупации, – мрачно поддакнула Женя. – Но, тс-с, это было давно и неправда. А так да: мечтала к дворянам внедриться – вот и получилось.

– Что там этот горе-дворянин умеет? Папашины книжки бубнить? От репрессий я его спасла, в войну я его кормила, на работу со строкой «Был на оккупированной территории» я его обратно устроила! Не было б моих связей – где б он был! И капитал свой прожрал бы еще в двадцатых!

– Ишь, разошлась, – хмыкнула Женя, – агроисен труженица. Ну что? Помянем тех, кого нет с нами, и будем думать о живых?

Ксения покосилась на фотографию Саши:

– Да, будем думать, будем жить...

Вам не стыдно?

Тося снова вернулся из рейса, как и планировал, в середине мая. Точно к открытию сезона в яхт-клубе. Все складывалось идеально, особенно, если следующий рейс в сентябре. Правда, диссертация из-за этого пишется уже третий год, но это ничего. Зато он и практические данные в рейсе собрал, и семья более-менее обеспечена.

– Верба, – позвал Тосю начальник кафедры, – тебя там в «Белый дом» вызывают. Завтра на десять. У тебя как раз пар нет.

– Какой белый дом?

– Ой, ну что ты как вчерашний! В контору. Ты там что, опять в рейсе напуржил?

– Да ничего я не делал. Я что, протокола не знаю?

Толика пригласили на беседу в КГБ. Обычное дело для моряков заграничавания. Неужели помполит, сука, нашел, к чему придраться?

Толик перебирал в голове весь последний рейс и особенно выходы в порт. Он с интерната железно усвоил – с системой можно бороться и побеждать только по правилам системы, а для этого ее надо знать в совершенстве. И он знал. Не пил, не болтал лишнего, заработал

репутацию тихого, но не противного молчуна. Задушевных бесед с ним не вели, от членов тройки (а выходить в зарубежные порты можно было только втроем, и один всегда стукач) не отрывался. Подарки покупал строго в указанном лимите. Запрещенного не возил, в политинформациях и общественных мероприятиях участвовал ровно настолько, чтобы не цеплялись, но излишней активности не проявлял. Нет, никаких косяков у него нет. Это точно можно расслабиться. Значит, Вербу будут вербовать.

Тося хмыкнул – смешно получается. Это уже пробовал делать помполит, но Толик легко прикидывался дурачком, обещал, если чего, сигнализировать, но он в машине ничего подозрительного не замечал, а с товарищей берет пример. Тема известная – предложат хорошие рейсы, чуть больше, чем дозволено, провозить, ну и стучать потихоньку на коллег. Он в такие игры не играл и уже приготовил пару вариантов вежливого отказа. Но предмет разговора даже его выбил из колеи. К такому Верба был не готов.

Вежливый старший лейтенант похвалил его за моральный облик и высокие спортивные достижения. Толик улыбнулся – сейчас начнется. И началось.

– Но как же у такого безупречного советского моряка такое пятно на репутации?

– Какое пятно? – опешил Верба.

– Не догадываетесь? А члены семьи?

Толик перебирал – ну, мама-то почти безграмотная, полжизни на трикотажной фабрике ударницей, на пенсии. Людка в норме... Неужели из-за тещи и ее мамы, Евгении Ивановны? Вытащили, что они были на оккупированных территориях? Так после войны вон уже тридцать лет прошло.

– Вы о ком?

– О вашем брате. Воре-рецидивисте. Он в СИЗО с новыми обвинениями, и это приличный срок – не меньше пяти лет, а то и все семь, как злостному рецидивисту. За серию краж.

– Я думаю, вы знаете, что я его последние лет пять не видел. Он когда откину... вышел на свободу, я в рейсе был. А после рейса мы не виделись. Теперь понятно почему.

– Ну вы же понимаете, что это очень портит вашу репутацию?

– Не понимаю, – Верба начинал терять свой хваленый самоконтроль. – Вы что-то хотите предложить?

– Да. Есть варианты. Во-первых, вот, – старлей положил перед ним чистый лист и ручку.

Толик выпрямился на стуле.

– Это что?

– Для начала вы напишите отказ от брата.

– Что?! Что напишу?

– Официально отречетесь от такого брата. Думаю, все понятно. Тем более, что, с ваших слов, вы последние пять лет и не общались.

– Я не буду, – Верба скрестил руки на груди.

– Вы не понимаете? Желающих занять ваше место электромеханика – десятки. А что решит этот отказ? Это просто рабочая формальность. Вон ваша мать от вас тоже отказалась, но вы же поддерживаете родственные отношения.

Толик побагровел и наклонил голову вперед для атаки.

– Она не отказалась. Она меня от голодной смерти спасла. И от улицы. А от родного брата я отказываться не собираюсь.

– Тогда про загранку можете забыть. Навсегда.

– Навсегда?

– Да.

– Точно?

– Абсолютно. – Лейтенант с интересом наблюдал за этим мелким кудлатым коренастым мореманом. Он видел, как ради денег ломаются даже самые чистые. Пусть не с первого раза.

– Ну, раз навсегда, тогда терять нечего. Пошел ты, сука, на... – Толик разразился таким босяцко-моряцким трехэтажным матом с деталями, что, где, куда и с кем ждет гэбисткую тварь, что лейтенант аж поперхнулся.

Толик вышел из кабинета и с наслаждением шваркнул дверью под вопль: – Волчий билет до конца жизни!

– Вот и отлично. Значит, диссертацию в этом году закончу, – буркнул он.

«Дисер»

Работа младшего научного сотрудника Вербы над оптимизацией

опреснительных судовых установок пошла быстро. Накопленных материалов хватало. Стажа научной работы на кафедре тоже – ему уже было тридцать, давно пора защищаться. Рейсы отменились – поэтому каждый вечер он приносил домой новые листы. После ужина их раскладывали на кухонном столе. Толик писал, Люда чертила. Несмотря на все навыки и обучение Вербы в интернате у «бога черчения», Люда одной левой выстраивала такие спирали и повороты, что ее технически грамотный муж прозревал:

– Как ты это делаешь одной линейкой?

– Как Суриков – на глаз. Тебя на кафедре отвлекают – то пары, то зачеты, а у нас в КБ как стал к кульману, так и фигачишь. Ты что там за сегодня написал?

Толик начал читать.

– Не, лучше не читай, а то я засыпать начинаю.

Так часто и долго Люда со своим мужем еще никогда не общалась. В результате этих еженощных посиделок – и даже в дни соревнований, но хоть час – обязательно – Толик в рекордные сроки закончил диссертацию, в которой больше половины чертежей были сделаны Людой.

– Оказалось, что если муж не в рейсе – так даже лучше. И видимся, и общаемся, и помощь моя пригодилась. А так – что тот рейс? Ну привезет тряпок, а как их потом продавать? Кому? Не, сейчас лучше, – хвасталась Люда своей морской подруге Лоре. – Я, как ты, не умею.

– И что? Когда защита?

– Первого декабря. Волнуемся оба страшно. Он кандидатский минимум – ну, экзамены после аспирантуры – сдал. Ладно по специальности, английский на отлично, а диалектический и исторический материализм?! С его-то характером! Но все вызубрил. Хотя все равно четверку поставили. И после всего еще и очередь выстоял – ученый совет больше двух кандидатских защит за одно заседание не рассматривает...

– И шо вам этот геморрой даст? – поинтересовалась Лора. – Не, ну жена кандидата наук – звучит эффектно, а в чем гешефт?

– Ну привет. А карьера? Со степенью кандидата можно «доцента» получить, это больше ставка, больше часов, потом можно докторскую защитить, и зарплата больше, и пенсия потом. И если еще патент какой получится зарегистрировать, то тоже деньги.

История научных степеней началась в январе 1925 года, когда Совнарком утвердил Положение о научных работниках высших учебных заведений, а также Инструкцию о порядке их подготовки при высших учебных заведениях. Тогда впервые появился термин «аспирант» – лицо, подготавливаемое к научно-педагогической деятельности. Через девять лет Совнарком СССР примет постановление № 79 «Об ученых степенях и званиях», которым устанавливались: ученые степени кандидата наук и доктора наук; ученые звания ассистента, доцента, профессора – для вузов; ученые звания младшего научного сотрудника, старшего научного сотрудника, действительного члена – для научно-исследовательских учреждений.

Этим же постановлением была введена система присуждения ученых степеней по итогам публичной защиты кандидатских и докторских диссертаций, требования к соискателям и порядок присуждения ученых степеней. В частности: публичная защита диссертации на ученую степень должна была производиться в Академии наук Союза ССР, Коммунистической академии, академиях наук союзных республик.

Но Толику «повезло» – пока он ходил в гонки и рейсы, в декабре 1975 года Совет Министров СССР установил новый порядок присуждения научных степеней. С одной стороны, получение ученой степени кандидата упростилось – теперь его присуждали решением специализированного совета высшего учебного заведения на основании публичной защиты кандидатской диссертации. С другой – появилось огромное количество нюансов: и публикации научных работ не менее чем за четыре месяца до защиты, и, как минимум, два оппонента, один из которых кандидат, другой – доктор наук по выбранной специальности, которые письменно и устно будут пытаться «завалить» соискателя, и ученый совет от 11 до 25 человек, решающий судьбу твоей диссертации тайным голосованием, среди которых кроме профильных специалистов обязательно должны находиться представители партийной и профсоюзной организаций. Диссертация должна была помимо научной ценности «отвечать задачам углубления борьбы за развитие и чистоту марксистско-ленинской теории» и содержать «аргументированную критику буржуазной идеологии». Если работу не примут, то пересдача с доработкой не раньше чем через год, а если примут, то Всесоюзный аттестационный комитет может

выборочно рассмотреть не только прошение, но и твою кандидатскую, и отклонить присвоение научной степени. Учитывая «нежные» отношения Вербы и представителей органов госбезопасности, результат даже безупречной защиты был непредсказуемым.

При этом, ожидая решение комиссии, кандидат на всякий случай должен быть готов к триумфу и накрыть ученым мужам достойную «полян» – это Приказом не регламентировалось, но соблюдалось безукоризненно. Бутерброды с красной икрой, выхваченной на последние деньги, купленный ворованный с бывшего Шустовского завода коньяк в трехлитровой бутылке и другие деликатесы роскошной научной жизни вроде шпрот с лимончиком и крошечных налистников с мясом, которые по спецзаказу накрутила Женя, лежали в сумках у Люды. Она, как настоящая жена декабриста, осталась волноваться за дверь.

У Вербы получится. Они завалятся домой за полночь. Благоухающие адреналином, шпротами и коньяком и невероятно счастливые. С той ночи у Люды в домашнем репертуаре появится любимый куплет из бардовской песенки обожаемого всем Союзом и разрешенного «Ножика» – Михаила Ножкина, которую она распевала каждый раз ремонтируя, убирая или готовя:

У нас в семье есть референт, три кандидата и доцент,
а я четыре класса кончил еле-еле.

Они пожрали – пошли спать, а мне посуду убирать —
Образованные просто одолели.

1979

Аидише Женя

Юлька прокралась в комнату бабы Жени. Тут сразу за тяжелой деревянной дверью начиналось ее царство. Баб Женина комната была особенной. И сначала тебя встречал запах. Первые минуты ты задыхался. Тут пахло беломором так, что казалось, дым клубился в столбах солнечного света, разрезающих ее узкую длинную комнату на четыре части, даже когда Жени и ее папирос там не было. Курево смешивалось с режущим ментоловым ароматом мази с экзотическим названием «Бом-бенге». Баба Женя по ночам натирала ею свои тощие ноги со смешными луковицами коленей. Слева стоял огромный дубовый шкаф, как торжественно объявляла Женя, «Иринмихалны», ее мамы. Все три его створки запирались на ключик и заглядывать было нельзя.

Маленький столик, накрытый вязаной салфеточкой, на нем – дежурная книжка с оторванной от пачки беломора картонкой вместо закладки и волшебный принц из бисквитного фарфора, с золотыми каплями на плечах и туфельках. Про бисквит сказала Женя, и Юля однажды попробовала принца на зуб – он был твердый и холодный, никакого торгового вкуса. Обманула... Принц сидел в обнимку с собачкой на пеньке, сзади вместо спины торчал обломок. Раньше, по словам Жени, там как ваза на один цветок был ствол дерева. Женин папочка его подарил маме, когда Женя была маленькой. Как старая баб Женя могла быть маленькой, Юля даже представить не могла, зато как бисквитный принц однажды оживает – легко. Потом он, конечно, влюбляется в Юлю, и они играют с собакой у фарфорового пня. А потом он дарит ей свои туфельки с золотыми каплями.

Мама считала Юлю идеальным ребенком: где оставил – там нашел. Вон, может час втыкать на разбитую статуэтку. Прабабушка так не думала.

Но кроме принца Нетрогайруками у Жени были и другие сокровища.

У окна в кадке росла сутулая финиковая пальма, упирившаяся плечами в потолок и тянувшая свои растопыренные пальцы-листья к

Жениной кровати. А точнее – к кушетке.

Кушетка была похожа на пасхальный кулич. Такая же округлая и мягкая, и на ней безумно хотелось прыгать. Но такого безобразия Женя не позволяла. Кушетка всегда была идеально застелена – на одеяле жесткое покрывало, на покрывале – волшебная ажурная вязанная квадратами сетка из тончайших ниток, все белоснежное и накрахмаленное до состояния корки.

У Жени все было вымытое до скрипа и накрахмаленное до царапок. Точно как она сама. Такая же красивая, наглаженная, жесткая и колючая.

Женя никогда не ругалась, не орала и не плакала. Она даже голос повышала слегка. И этого слегка было достаточно, чтобы описаться от ужаса. Женя была как свод правил, как ее шкаф, где всё по полочкам, но ничего нельзя трогать. Она даже радовалась одними уголками губ, в особенных случаях к полуулыбке еще и приподнимала тонкую правую бровь. Юля репетировала перед зеркалом, но поднять ее, как Женя, можно было только пальцем – сама не держалась.

Юля осмотрела комнату, приподняла пальцем бровь, хмыкнула, затянулась невидимым беломором и поправила плюшевую подушку-«думочку» на кровати. На лимонном плюше были красные розы в линялом черно-синем, как зэковские татуировки, контуре и зеленые листья. Юлька тоже такую хотела, но Женя не давала, а мама сказала, что если эту подушку хорошо вытрусить, то можно накрутить еще три пачки беломора.

– И что мы тут забыли? – За спиной как всегда беззвучно материализовалась Евгения Ивановна Косько, насмешливо разглядывая правнучку.

Юля взвизгнула от ужаса – она только собралась залезть на кровать и наконец подпрыгнуть.

Женя не дожидалась ответа:

– На выход!

– А что там у тебя за книжка непонятная?

Женя метнула глаз на стол.

– Любопытной Варваре на базаре нос оторвали.

– А что за буквы странные?

– Потому что для взрослых! Марш на кухню. Суп стынет.

– А с чем?

– С гвоздями и дустом, – так же невозмутимо парировала Евгения Ивановна. – Бегом.

– У-у-у, клецки, – прошептала Юля.

– Пока не доешь, из-за стола не выйдешь, – отрезала Женя.

Она не сомневалась, что ее слова было достаточно. И не важно, сколько нужно просидеть за тарелкой – пять минут или полтора часа. Важен результат и правильное питание. А то совсем избаловались: бульон с клецками – фу, куриную ногу со шкуркой мы, видите ли, не едим... Не голодали... А книжку она зря оставила. Надо под подушку убрать.

Зачем она всю войну, вопреки ее железному здравому смыслу, хранила мамины книжки на идиш, Женя не знала. У них ничего не выбрасывали. Вообще ничего, а тем более книги. Только библиотеку погибшего Нестора распродали потихоньку в голодные годы, а эти – мамины... Их было всего две. Судя по иллюстрациям, детские. После прихода патруля в сорок первом она спрятала их на дно старого баула с лекарствами под засиженную мухами картонку. Она иногда рассматривала страницы и удивлялась, почему мать никогда ничего не говорила. Главное выяснила еще тогда, в сорок первом, у Нюси, а потом, после войны, у Ривки, Гедалиной жены, которая вернулась из эвакуации, уточнила детали и подробности.

Ривка ей расскажет про все, о чем она догадалась после переезда Иры-Фиры: про Жениного дядю, нескладного Йосю Берковича, увлеченного идеями сионизма и благоразумно рванувшего в Америку, про эти книжки на идиш, которые Ира спрятала, но выкинуть подарок брата, последнюю связь с ее семьей и корнями, не смогла...

Как и все во дворе, независимо от национальности, Женя ругалась и радовалась на идиш. Так говорили мама, Рива, Софа Полонская, Нюська-полячка, немка Елена Фердинандовна и даже православный коммунист Макар-камнетес. Только после войны Евгения Ивановна стала максимально фильтровать речь да и вообще помалкивать.

Старая Рива тогда, в пятидесятых, была ее отдушиной, окошком, зеркалом в прошлую жизнь, в детство, в мамину семейную тайну. И конечно, с удовольствием она рассказала все, что знала от своих родителей. И Женя со своим клятым упрямством решила стать той,

которую так ненавидели и при царе, и немцы, и советская власть, — еврейкой. Никто и не догадался. Ее причуды списали на возраст и паскудный характер, тем более выяснять у мадам Косько, почему она в чулках в тридцатиградусную жару или всегда в газовой косыночке, никому бы и в голову не пришло. Да и возраст. Кому она была нужна? А Женин вердикт всегда вымачивать мясо в воде перед готовкой приняли на веру, потому что, по ее словам, так полезнее. Тогда на робкое Нилино: — Мам, мы ж так раньше не делали? — Женя отрезала:

— А где ты мясо во время войны видела?

На том вопрос и закрыли. И Нила, и следом Люда, не задумываясь, вымачивали мясо, потому что так принято. Писать и читать на идиш Женя так и не научилась, но все, что рассказала Рива, соблюдала неукоснительно, а книжки периодически разглядывала, пытаюсь по картинкам понять их содержание.

Скандал разгорелся внезапно и парадоксально. В гости перед Жениным днем рождения внезапно прикатила Лидка. В свои семьдесят девять — при уме, памяти и с таким же гонором. С шиком. На такси. В шубе и с подарком — кроликом.

— Вот. К праздничному столу. Деликатес. Еще утром бегал. Точнее, прыгал.

— Допрыгался, — мрачно ответила Женя.

— Тебе с твоими ужасными папиросами давно пора переходить на диетическое питание — вон кожа желтая и сморщенная вся.

— Мне семьдесят два, и мне до сраки, какая у меня кожа.

Лидка поморщилась:

— Ты можешь не выражаться? Я вообще на полчаса. Накануне решила зайти, а то ты обижаешься, что я не хожу, а завтра будет полный дом народу. Все вопят, курят. У меня потом голова разболится. А так будет чем семью побаловать.

— Премного благодарна. Царский подарок. Выпьешь или тебя такси ждет?

— А что, кроме чая, ничего нет?

После окончания официального визита Женя взяла кролика за меховые лапы и понесла к дверям.

— Мы что, кролика готовить не будем? — удивилась Людка.

— Нет, не будем, — спокойно ответила Женя.

— Это почему?

– Это нельзя есть.

– В смысле? Он же диетический! И ребенок никогда не пробовал.

В коридор вышла Юля в спущенных колготах и маечке.

Женя спрятала руку с кролем за спину и наклонилась:

– Ты хочешь съесть маленького зайчика-побегайчика?

– Нет!

– А мама хочет.

– Нет! Нет! – Юлька заревела. Зайчик почти каждый день пробежал мимо Ниловой работы и передавал бабушке для нее то шоколадку, то вкусное яблочко, то платочек, а иногда даже книжки. А во двор приходиться боялся, чтобы не поймали. Как же можно его сожрать?

– Вот, – спокойно выпрямилась Женя и повернулась к Людке: – И вообще непонятно, где и когда он умер, раз Лидка решила поделиться.

Это был достойный аргумент.

Женя вышла и постучала к Голомбиевским:

– Нюськ-а-а!

– Евгения Ивановна... ну сто раз говорила: Анна. Нюся – это бабушка была.

– Нюська, держи, подарок. Свежий, не бойся. За мое здоровье.

Людка вечером расскажет матери про такую странную избирательность в еде. Нила попробует выяснить у Жени, но нарвется:

– Мой заяц – мне подарили. Что хочу, то и делаю.

Объяснять, что кролика вместе со свиньей и верблюдом кашрут запрещает к употреблению, она, конечно, не удосужилась. А Ривка, когда рассказывала «нашенькой девочке» про еду, и не знала, почему нельзя: «грязный», вот и все. На самом деле кролик «провинился» тем, что соответствовал всего одному из двух обязательных критериев – травоядный, но не парнокопытный.

Прицельное попадание

Прошлым летом Толик Верба был дома больше суток только в начале августа, с третьего по восьмое – большой перерыв между кубками. Людка потом посчитает: все ее «залеты» приходились именно на эту неделю. Неудачное время: забеременел в одном году – родил в другом. Зимой вся одежда уже тесная, ходишь в маминой вязанке и пальто нараспашку. В этот раз ей удалось. Она уговорила Толика оставить ребенка. На это ушло три дня, наверное, ведро слез и страшная история про женщину из сборочного цеха, которая от второго аборта умерла от заражения крови через неделю и оставила мужу маленькую дочку на воспитание. Вот точно такого возраста, как Юлечка.

– Будет пять лет разницы. Я все-все вещи Юлины сохранила и кроватку. И первый год можно только грудью кормить. Не надо на смеси тратиться. И у тебя уже зарплата – двести. Я не могу, я не переживу еще один аборт. Должно быть хотя бы двое детей. Вот мы, когда умрем, кто им тогда поможет? А так будут друг друга поддерживать.

Так далеко Верба точно не загадывал. Он все три дня ходил в раздумьях и расчетах – и согласился.

Люда уже дохаживала. И опять ПДР (предполагаемая дата родов), которую ей в три секунды высчитал гинеколог Йосиф Семенович, – май, первая половина.

– Теперь там точно мальчик, – то ли спросил, то ли убеждал Толик.

– Будем надеяться, – улыбнулась Людка. – Коляска синяя уже есть.

Май был месяцем безумных расходов. У Юльки – первая круглая дата, пять лет, у Толика начинается новый гоночный сезон, а значит отпуск, потом отпуск за свой счет и никаких подработок, и со дня на день вторые роды... Но и Людка, и Толик совершили абсолютно детский поступок, грохнув почти все сбережения на подарок. Официально старшей дочери, чтобы не грустила, а вообще, конечно, и себе – настоящий проигрыватель.

Первых пластинок было две, а точнее – одна небольшая сказка «Принцесса и свинопас» и роскошный двуплитник «Алиса в Стране чудес» с песнями Высоцкого. Несмотря на то что вышла она в

семьдесят шестом году и каждый год допечатывались новые тиражи, достать ее было практически невозможно. Шутка ли, тот самый почти запрещенный всенародно любимый Володенька Высоцкий – и на пластинке. Да еще и на детской! Юля слабо понимала смысл, а Толя и Люда по новой переслушивали уже третий раз.

– Я хочу про принцесу-у-у!

– Потом! Послушай, какой голос! – Люда обняла дочку.

– Каррамба, коррида и черррт поберри! – подпевал Толик сиплону дядьке с пластинки.

– А вы говорили, что слово «черт» говорить нельзя!

– Тише!

Эта пластинка вышла буквально чудом. Работали над ней долгих три года: Высоцкий был требователен к себе и другим: еще бы – его первое «официальное издание». Полноценный музыкальный спектакль. Запись постоянно прерывалась из-за его гастролей и поиска вдохновения. А когда готовый продукт представили на худсовет, первая в мире женщина-оперный режиссер и «мама» детских театров Наталья Сац обвинила Всесоюзную студию грамзаписи в том, что она «развращает детей чудовищными песнями Высоцкого». Ответственного редактора «Мелодии» уволили, директор студии слег с инфарктом, а Высоцкий поймал почти у самолета Беллу Ахмадулину, которая черкнула пару строк в «Литературную газету». В новогоднем выпуске она из Парижа поздравила советских людей с выходом альбома «Алиса в Стране чудес». Этой пары строчек и авторитета «Литературки» было достаточно, чтобы пластинка все-таки появилась на полках. А дальше только успевали выдавать новые миллионные тиражи.

Люда и Толик слушали с детским восторгом – да тут половина песен с очень недетским смыслом и очень политическим контекстом.

Радовались технической новинке недолго. Через десять дней вечером в доме началась суета. Люда бодрым голосом вдруг покажет Юльке, как включать и выключать проигрыватель, который нельзя было раньше трогать.

– Ну, если что... – сказала она. Что «если что» – не объяснила. Нила уже пританцовывала в дверях с двумя полными лоскутными сумками-плащевками.

– Давай уже! Проживет пару дней без этой балалайки!

– Каких это пару дней? – насторожилась Юля.

– Я уеду на пару дней, скоро вернусь. С Боженькой! – Людка чмокнула дочку и вылетела. Схватки были в самом разгаре.

На следующий день была грандиозная стирка посреди кухни.

– Шоб вы всрались и воды не было! – причитала Нила, второй раз отстирывая дважды крашенный синькой в фиолетовый тон розовый атласный конверт на выписку. – Не могли подождать неделю с покраской?

Вместо Алексея Анатольевича Людка, промучавшись сутки, опять родила безымянную девочку. Феня Сергеевна версию Майки больше не лоббировала, а семья снова была в растерянности – как называть ребенка женского пола, они не думали.

Нила, как всегда, подбадривала дочку:

– Хорошая корова только телочек родит.

Но имени уже третий день не было. Людка отрезала:

– Я не знаю! Вот принесу домой, посмотрим все, и решим!

* * *

Когда тебе пять и ты долгожданный первенец – обожание любой семьи, а тем более молдаванской, зашкаливает. С горшка ты уже осознаешь свое место где-то между дедушкой Лениным и Аллой Пугачевой и достойно несешь это бремя исключительности. Делишь каракули, пуки, сорванные одуванчики и танцевальные выступления на расстеленном Нилином цветастом платке между всеми желающими повосторгаться. Одесский культ детей был в каждом дворе, несмотря на подзатыльники, веник и воспитательный ремень в школьном возрасте. Матери, бабушки и примкнувшие соседки с рождения воспевали будущую гениальность отпрыска и первые лет пять восторгались каждым шагом. Созвучно с японцами местные родительницы буквально поклонялись малышам и исполняли все их прихоти, закармливая, балуя и восхищаясь. К школе эти восторги постепенно ослабевали и переходили исключительно на уровень «внешнеполитический». Во дворе и при других взрослых ты оставался гением и надеждой семьи, а дома выхватывал по полной. Но Юлина золотая эпоха пока была в разгаре, и она как настоящий юный манипулятор отлично пользовалась общим обожанием.

Все, кроме Жени, регулярно подвергались пытке чтением. Центр Вселенной и двенадцатой квартиры на Мельницкой всем, кто опрометчиво присел дольше чем на три минуты, совала в руки книжку и приказывала: «Читать!» Как минимум до последней страницы. Одна Евгения Ивановна, превратившаяся вдруг в бабу Женю, на провокацию не велась:

– Пять страниц! Вот покажи руку – раз, два, три, четыре, пять. И все.

Торг с баб Женей был неуместен. Деда Паву по умолчанию не трогали. И вот посреди этой нежно-розовой детской тирании внезапно появилась младшая сестра.

Сначала Юля не осознала последствий и обрадовалась: наконец-то будет с кем играть, потому что во дворе все или сильно старше, или совсем мелочь. Нила, выговаривая очередную передачу в роддом, эту тему развивала и поддерживала:

– У тебя теперь сестричка. Это лучше, чем братик. Будете секретами делиться, будете играть, будешь ей косички заплетать.

– И отдашь свои игрушки, – брякнул еще не сильно пьяный, но уже веселый дед Пава.

– Это почему еще?

– Потому что она младше.

Никакой логики Юля не увидела, а Нила, бросив укоризненный взгляд на мужа, защебетала:

– Ты ее будешь учить всему – ей твои старые игрушки ненужные, а тебе новые, взрослые, купят.

– Когда же я увижу сестричку? Я уже хочу с ней играть! – канючила Юлька, и Нила взяла ее с собой.

Все кусты возле Второго роддома на Комсомольской в середине мая превратились на неделю в волшебное зернисто-белое кипение.

– Смотри, как красиво! Как манная каша на молоке! Нила, это что за растение?

Нила шла враскачку, тяжело дыша и перекладывая сумку из руки в руку, и болтала со своей заводской подружкой и Юлькиной крестной Лоркой Сениловой.

– Счастье такое! Людка так хотела! Ты же знаешь, она Толика еле уговорила, а теперь у нас еще одна красивая девка. – Она обернулась к

Юле: – Ты ж мой юный художник! Как называется? Так и называется: кашки.

– Ты говорила, что кашка – это! – Юля выдернула из-под дерева пастушью сумку.

– Это тоже кашки, только маленькие. В кого это дите со своими кустами?

Сестру, а точнее сверток, похожий на гигантскую байковую гусеницу, мама показала в окно второго этажа – ничего не видно. А еще через день была выписка.

И Юльку наконец пустили обнять маму.

Первое, что увидела Людка у дочери, – золотуху, диатезную корку и сукровицу, которая сочилась из-под уха.

– Что случилось с ушком? Чем мазали?

– Я никому не говорила. А они и не спросили, – пробурчала Юлька.

Ей вообще мало внимания уделяли в последние дни – и она специально отковыривала болючие корочки и мечтала сильно заболеть всем назло, чтобы мама пришла и отругала этих предателей.

Сестра была смешная – с торчащим чубчиком и скрюченными пальчиками. Как с такой играть, пока было непонятно. А дома началось самое страшное. Сначала про Юлю все забыли окончательно, восторгаясь и сюсюкая над спеленутой сестрой, которая пускала слюни. Юлю за пузыри из слюней пару раз отругали и точно никто так не восхищался. Дальше больше: все вчерашние фанаты – баб Женя, Нилочка, баба Феня и даже мама стали шикать: – Сестричка спит, не ходи, не пой, не шуми...

Когда все уселись на кухне за праздничным столом, Юлька подкралась к кровати. Новая бесполезная, абсолютно неиграбельная сестра спала, пожевывая губами и морща нос. «Вот и зачем я ее так просила?» – размышляла Юля.

– Мам, я посмотрела. Там скучно. Она не умеет играть. Я передумала. Я не хочу сестру.

Людка расхохоталась:

– Ну, в магазин ее обратно не примут. Это теперь на всю жизнь. Она подрастет и тебе будет с ней очень хорошо. Обещаю.

– Когда? Завтра?

– Нет, позже.

– Летом?

– Через пару лет.

– Что?! Когда?!

Ее обманули. Какая-то сестра отобрала все внимание родных и ничегошеньки взамен. Лежит она, спит. Шуметь нельзя.

Юлька подкралась к кровати – безымянная сестра спит.

Она топнула – спит. Пискнула – спит.

А на кухне шло вялое обсуждение имен. Люда настаивала на Анастасии. Красиво и много ласковых.

– Мне не нравится, – отрезал Толик.

– Почему?

– Не нравится, и все.

– А какое тебе нравится? Только давай без этих Ярославен и Лучезарий.

– Олеся.

– А полное какое получается?

– Так и будет Олеся, – сиял Тося.

– Это по Куприну, что ли? Так фильм с Чурсиной лет восемь назад вышел. Уже не модно.

– При чем тут мода? Мне имя нравится!

– И что это будет? Алеся Анатольевна? Бред какой-то! Вообще не звучит! – взорвалась Людка.

– Еленой назовите, – внезапно подала голос Женя.

– Почему?

– Потому что Елена Фердинандовна моя свекровь. Твоя прабабка лежит без имени. Земля пухом. Может, если бы не она, нас бы всех не было. Она мне жизнь спасла во время войны. А без меня эта, – Женя посмотрела на Нилу, – точно бы сдохла от голода.

– О, баб Лёля! Какая сильная женщина была. Просто огонь! – подхватила Нила.

Обсуждение прервалось странным звуком:

– А что это гудит? – прислушалась Нила и приподнялась.

– Ах ты ж засранка!

Юлька стояла у кровати и, глядя в упор на спящего младенца, громко и протяжно орала:

– А-а-а-а-а-а-а!..

– Ты что творишь?!

– Я? – Юлька сердито засопела и набычилась: – Я... я... радуюсь!

– Не ругайте! – На горизонте появилась сияющая Людочка. – Младенцы первую неделю плохо слышат. Так что всё...

– А-а-а-а-а-а-а! – еще громче заголосила Юля.

– Сейчас я возьму ремень, – тихо отчеканила Женя. Юля моментально замолчала и юркнула в свое кресло плакать.

– Плачь, деточка, будут длинные ресницы, – отозвалась Нила. – Я мечтала всю жизнь, чтобы у меня сестра была, а у меня не было.

– Да? Я тоже мечтала, – отозвалась Людка.

– Даже не начинай! – Нила закатила глаза. – Даже не думай! Какая сестра? От Павочки? И что бы мы ели?

Ночью Людка будет обсуждать этот ор с Толиком, который предложит:

– Может, все-таки ремня дать пару раз?

– Нет, – шептала Люда, – ты же тоже доктора Спока читал: бить детей непедагогично. Она ревнует. Надо ласково.

– Напридумали: бить непедагогично, – фыркнул Тося. – Маме моей скажи.

– А давай мы девочку запишем Еленой Анатольевной, а сокращенно будем называть Лесей. Я в словаре у Нюськи смотрела, есть такая форма, – отчаянно врала Люда.

– Никогда не слышал. Ну ладно, давай.

1980

«Туалета нету»

Молдавский быт мало изменился с начала века. На черных воротах мелом красовалась гигантская надпись: «ТУАЛЕТА НЕТУ», которую намалевала баба Шура.

– Ходют по ночам всякие. Страшно до ветру выйти!

Дворовой туалет с единственной часто перегорающей лампочкой действительно и днем навевал первобытный ужас видом и запахом.

Но удобств в квартире действительно не было. Второй этаж продолжал использовать ночные горшки и ведра. В семье из семи человек с годовалой Лесей одного уже не хватало.

Отдельная песня – воскресные купанья. Взрослые периодически ходили в баню. Женя и Нила – раз в неделю в женскую, Тося и Пава – в мужскую, но в разное время и с разными компаниями. Детям грели выварку и две кастрюли воды. В оцинкованном корыте мылись по пищевой цепочке – сначала младшие, потом старшие. Мытье головы – отдельная процедура со сбором драгоценной почти чистой горячей мыльной воды. Взрослеть не хотелось – потому что полноценная ванна с шампунем «Кря-кря» превращалась в быстрое спартанское намыливание стоя в корыте с быстрым же обливанием из ковшика. Пока мама черпала новый и смешивала горячую и холодную воду – ты успевал замерзнуть.

На день рождения Люды Толик решил сделать невиданный подарок и повторить семейный подвиг Вани Беззуба. Он выгородит часть кухни под будущую ванную комнату. Добудет унитаз, с Нилиными связями на работе соберет все трубы. Человек, который рассчитывает оптимальный крой парусов с учетом ветрового режима побережья и отликает по собственному чертежу особой формы румпель на яхте, может сделать даже невозможное. Тем более, что воду с полуночи до шести утра отключают ежедневно.

Бабу Шуру, главного демона двора, Тося укротил одним заклинанием:

– За сутки у вас будет туалет, если достанете унитаз и бачок. Трубы с меня.

Бог сотворил мир за шесть дней. Чтобы сотворить чудо сразу для двух квартир, Тосе хватит месяца расчетов и подготовительных работ и шести часов. Ровно в полночь он пробьет пол своей квартиры и потолок бабы Шуры, спустится к ней, прорубит ее деревянные перекрытия и врежется в трубу городской канализации. К шести утра он замажет цементом щели в полу сначала у Шуры, а потом под ее влюбленным взглядом снизу – у себя в полу.

С первым пиканьем радиоточки в двенадцатой квартире начнет наполняться бачок. Через два дня появится ванна.

Дома на унитаз с коричневым кругом из прессованных опилок выстроится очередь. Дети будут сливать, дергая за цепочку бака, и медитировать на льющуюся воду. Потом начнутся экскурсии для соседей.

– Да, – скажет Нила, – теперь никакая холера нам не страшна.

– Можете смело жрать зеленые абрикосы и немытую черешню, – объявит Женя. – Понос больше не стихийное бедствие.

Ничего не было

В Лидкину коммуны позвонили. Три звонка.

– Мадам Ланге! Там до вас пришли! Открывать? – заорала у нее под дверь услужливая соседка Зина.

– Деревенщина! Училка по распределению, все лебезит, лезет без мыла в задницу! Точно на мою комнату глаз положила, – прошипела Лидия Ивановна Ланге и сладким голосом простонала:

– Да, голубушка, откройте, пожалуйста, я совсем без сил.

Лида быстро накинула на ночную сорочку парадный шелковый японский черный халат. Не китайскую подделку с машинной вышивкой, а дорогую старинную вещь. Она задвинула разобранную постель шелковой же ширмой с ручной росписью – псевдо-восточный европейский стиль шинуазри был ее любимым. Лидка присела за стол в ожидании посетителей, которых услужливая добросердечная Зина заставила разуться и вымыть руки перед входом.

На пороге стояла пара. Мужчина – типичный книжный червь в засаленном кургузом костюмчике и «библиотекарша», как моментально окрестила ее Лида, с пышными волосами и такими же пышными формами типичной «махровой» еврейки.

– Слушаю вас.

– Здравствуйте, – слегка поклонился мужчина, – я – Изяслав, а это Римма Марковна. Вы же Лидия Ивановна Ланге? Вдова Николая Николаевича? Правильно?

– Правильно. С чем пожаловали, товарищи? – подняла бровь Лида.

– Вы понимаете... – замялся Изя... – у нас очень деликатное дело. Семейное... Нас тут попросили родственники...

К разговору, неодобрительно покосившись на мямлю, активно подключилась Римма:

– Лидия Ивановна, я – Римма Резник. Живу в трех кварталах на Садовой. Преподаю на мехмате. Нам очень нужна ваша помощь. Вы же в оккупацию оставались в Одессе?

Лидка мгновенно сгруппировалась и окаменела. Один из ее главных страхов запрыгнул хищным зверем ей на плечи и обдал из пасти жарким дыханием, так что она моментально взмокла – за ней пришли. Старые покровители из органов, кто знал об агенте «Графиня», подошли, новые не разобрались, и теперь ей конец.

– Не вижу связи между мехматом, покойным мужем и оккупацией, – отрезала она. – Если у вас есть повестка или ордер, прошу предъявить.

– Что вы! Что вы! – пошла пятнами Римма. – Как вы могли подумать! Мы не оттуда. Вообще наоборот... Понимаете... мой дядя Боря, Борух, он меня полгода назад нашел. Он живет в Америке.

– А я здесь каким боком?

– Мои успели выехать, а его родители остались в Одессе. Их... их убили.

– Сочувствую. Давайте ближе к делу.

– Ему было шесть. И он был в лагере. Его тайно вынесли, спасли. Он сидел в телеге у биндюжника под тряпками, и женщина какая-то очень красивая давала деньги биндюжнику, много, и ругалась, что ребенка притащили под ресторан. Говорила, что так повесят и ее, и его, и ребенка. Борух написал: «Она сказала: “Я не хочу смотреть на него. Мне все равно, кого спасти. Вдруг вас поймут, и он меня потом опознает. Вывезите его из города”».

Лида сидела не дыша...

– И что? – выдавила она из себя.

– Он сказал, что биндюжник поцеловал ей руку со словами: «Как скажете, мадам Ланге». Сейчас дядя Борух ищет свою спасительницу. Изя мне помог. Мы искали в архивах, он сумел добыть информацию, что ваш супруг открыл ресторацию во время войны. Как она там называлась?.. И я сопоставила... Ресторан и Ланге... И его после войны не посадили... Значит... Значит, вы были с нашими, в подполье! Это были вы, да? – Она с полными слез глазами таращилась на Лидку. – Вы понимаете, что вы – праведница мира?

Лида поджала губы и тяжело вздохнула:

– Да. Я была в оккупации. Но посмотрите на меня – с такой внешностью я просидела в этой комнате всю войну, как мышь под веником. И нет, я не знаю вашего дядю.

Тут вмешался Изя и затараторил:

– Вы что, боитесь? Или считаете, что мало сделали?! Или что добро не должно называть себя? Лидия Ивановна! Если это правда, то вам полагается не только бесконечная благодарность от Римминой семьи, но и орден от государства Израиль.

Лида пождала губы:

– Мне восемьдесят. И я мало что помню. И я счастлива, что стала забывать тот ужас. Увы, повторяю, я никого не спасала и ни в чем не участвовала. Мой муж вел дела ресторана, я была против, но надо было выживать под немцами. Скорее всего, ребенок в таком испуге что-то напутал – время и память явно не лучшие друзья. Так что если это всё, то спасибо за визит. Мне пора принимать лекарства и заниматься своими делами. Зина, прошу! Закройте дверь за моими гостями! Я боюсь не дойти!

Когда хлопнет входная дверь на Конной, Лидка рванет к буфету, нальет рюмку водки и трясущимися руками опрокинет ее залпом.

– Как же, награда... Сейчас вытащат на всеобщий позор за сотрудничество с оккупантами. Гэбистские приемчики... Почти сорок лет прошло, никак не угомонятся... Орден от Боруха! – Она с горечью осмотрит свою ветшающую старушечью комнату, заставленную антиквариатом таким же скрипучим и пыльным, как она сама. – Лучше бы пожрать принесли!

«Роман» с «Трудом»

Каждый ноябрь в двенадцатой квартире на Мельницкой проходил великий вечерний ритуал, который назывался «Подписка». Участвовали в нем женщины и немножко Пава Собаев, вносящий со своим портвейном редакторские правки в список желаний.

Нилочка своим сопрано звонко объявляла издания, Евгения Ивановна записывала индексы, чтобы Людка потом вписала их в пачку унесенных с почты корешков. Она со своим каллиграфическим почерком чертежницы заполняла их, как рамки на ватманах.

Сначала выписывали газеты: «Труд» – потому что там есть смешные карикатуры на последней странице, «Вечернюю Одессу» – потому что Одесса, ну и «Известия» – как главный всесоюзный рупор. «Труд» и «Известия» любил читать Пава в ожидании Нилы с ужином и вечерней бутылкой, чтобы потом проводить среди бабского населения доходчивую политинформацию о внешних и внутренних врагах и прочих падлах. Потом начиналось самое интересное – журналы. Тут важно было успеть и хоть как-то удержаться в рамках семейного бюджета, за который Нила с ее детской легкостью ежегодно выходила.

– Толику сразу его «Катера и яхты». На год, – встряла Люда.

– «Здоровье» берем?

– Конечно, – отозвалась Женя и покосилась на Паву: – Здоровья нам всем не хватает. И там о вреде алкоголизма много пишут.

Ее реплику все проигнорировали. Нила продолжала вещать дальше:

– «Работница» или «Крестьянка»?

– Мам, а почему «или»? В «Крестьянке» рассказы интересные, а в «Работнице» же выкройки! И рецепты бывают!

– Эй, крестьянки и работницы, а читать нормальное что-то мы будем? – спросила Женя.

– Мне «Человек и закон». Годовую. Там детективы. И я первая читаю, а не Пава.

– Кто из ящика забрал, тот и читает, – оскорбился Пава.

– Тогда первой читает почтальонша, – засмеялась Людка. – Вечно они помятые и на две недели позже приходят.

– А ты, дочечка, не жадничай, или ты, Женя, дай Вере-почтальонше пять с рублем с пенсии, и она тебе твой «Закон» домой занесет.

– Еще что?

– Мне «Мурзилку»! И «Веселые картинки»! И «Юный натуралист»!

– Стоп! – отозвалась Люда. – Что-то одно.

– Та ладно, – Нила заглянула в листок с перечнем изданий. – «Натуралист» три рубля на год. Берем. И еще что-нибудь.

– «Веселые картинки»!

Там были даже комиксы и маленькие книжки, которые можно было выдергивать, вырезать и складывать. Тираж этого детского журнала был больше девяти миллионов. Хотя Людкина «Работница» легко перешла рубеж в двадцать миллионов штук. И это только подписка.

– Вот зачем «Натуралист»? Там буквы мелкие, а ты еще читаешь плохо, – подключилась Женя.

– Там цветы и «Лесная газета» – ответила Юля, которая по складам прочитала чей-то прошлогодний номер во дворе.

– «Огонек»? – спросила Нила робко.

– Та ну, сильно дорого! Лучше «Роман-газету».

– Да, мне «Роман-газету», – подал голос Пава.

– Кошмар, – скажет Женя, когда подойдет на маленьких детских счетах итог семейной любви к чтению. – Сто двадцать рублей! Давайте что-то уберем.

– Мам, ну что уберем? Ваша «Роман-газета» самая дорогая, между прочим. Так что скидываемся.

– Это Пава хотел. Я на «Человек и закон» даю.

– И шо? – оживился Собаев. – Потом читать не будем? И «Труд» с закрытыми глазами через стол передавать? Давайте, мадам Косько, не жадничайте.

1981

Живая вода

Зимой, когда даже таким фанатам, как Толик, в яхт-клубе было решительно нечем заняться, молодой кандидат технических наук Верба вместе с товарищами ударился в научные эксперименты. Ньютоновским яблоком задора стала статья во втором, после «Катеров и яхт», его любимом журнале – «Изобретатель и рационализатор», в котором советский ученый Алехин поделился своими экспериментами в сфере энергезирования воды и приобретения ею всяких чудесных свойств, как оздоровительных, так и экономических, – от проращивания зерна и спасения с откормом полудохлых цыплят до получения антикоррозийной меди.

Когда ты трудишься на кафедре АСПСУ – автоматизации судовых паросиловых установок, а диссертация посвящается оптимизации работы опреснительных установок, то засунуть в пару баков катод и анод – наука нехитрая.

Народ загорелся, кто-то приволок артефакт, и Тосе, как уважаемому и надежному человеку, разрешили взять ровно на одну ночь еще более древнюю скопированную статью 73 года из «Московского комсомольца», где другой ученый, Пресняков, опубликовал статью о «живой воде». Кроме статьи шли головокружительные примеры и сферы применения, а также результаты «секретных экспериментов». Получалась чистая панацея. На горизонте уже брезжил коммунизм и заряженное шампанское, которое валило с ног после половинки бокала. В тех случаях, если не помогала живая вода, можно было употреблять мертвую. Чтобы остановить понос, например. Людка с Толиком читали сначала вслух по очереди, потом, охрипнув, завалились на диван и читали вдвоем, как конспект в ночь перед экзаменом.

За следующим ужином Люда процитирует сначала семье, а потом соседке Нюсе краткое содержание «запрещенки» и намекнет, что Толик попробует приготовить немного.

Нилу интересовало, можно ли уменьшить отеки на ногах. Бабу Женю – возможность очистки посуды без соды и мыла, Паву,

разумеется, повышение градуса любимых напитков.

Женя поддержала:

– Давайте Толик ему бутылку «чернил» зарядит – вот где семья сэкономит! Это если по рюмке в день – ему ж одной на неделю хватит. Нилка, заживете!

Первую порцию Толик как настоящий ученый выпил публично сам. Залпом. Остальные не рискнули. Людка попыталась, но Женя ее поймала за руку: – Давай подождем полчаса, иди знай, вдруг что отвалится или вырастет – оно тебе надо?

А дальше начались истерия и ажиотаж. Великая сила печатного слова в СССР, тем более из авторитетного официального источника, спровоцировала бум водолечения. Алхимики с кафедры АСПСУ мало того, что заряжали воду ваннами и канистрами себе и знакомым, начали импровизировать и с использованием, и с силой тока, и даже поучаствовали вместе с тысячами коллег в подаче заявок на патент и собственное портативное зарядное устройство.

Во дворе на Мельницкой сначала отнеслись к новинке с опаской – от Людкиного приשמаленного мужа, который зимой в шесть утра обливается полуголый из дворовой колонки, можно ожидать любой подянки, но Нила демонстрировала затянувшуюся трофическую язву на ноге и рассказывала про молодость внутри, и отважная морячка Люся попросила бутылочку на пробу.

– А шо? – ответила она притихшим дворовым товаркам. – Если что-то вылезет или обсыпет, до прихода Виталика с рейса еще четыре месяца. Залечу.

– Конечно, ты так всегда делаешь... – Ася Ижикевич выдержала мхатовскую паузу. – Все успеваешь залечить.

– А вам, мадам Ижикевич, в первую очередь надо – во-первых, вы старая – вас уже не жалко, во-вторых, хоть пару секунд помолчите, пока глотать будете.

Ася Ижикевич только собралась эффектно ответить Люсе на тему глотания, но та уже зашла в кулисы, к себе за занавеску.

– Людка, ты мишигинер, твоя тетя Ксения тебя бы прокляла, – сетовала Полиночка Голомбиевская. – Это ж самый модный товар, а ты ее бутылками раздаешь. Чего не продаешь? Хоть по рублю за литр?

– Да вы что? Я – спекулянтка?! Никогда! – возмутилась Людка. – Мне не жалко, и вообще... Я столько пить не успеваю.

– А как это... – Полина понизила голос. – Вы не пробовали?.. Ну, это? Как на это дело влияет? Может, если окупить...

– Та ну вас! – вспыхнула Людка. – У нас и так все хорошо.

– Шо-то не слышно ваше хорошо, – хихикнула Полина, – а я за стенкой сплю.

– Ага, а за другой баб Женя, – вздохнула Людка. – Мы как партизаны. Налить живой или мертвой?

– Давай стаканчик, только не перепутай, а то твоя мертвая как склеит задницу – неделю потом мучаться буду.

Толику с регистрацией изобретения не повезло. Но по Союзу было получено больше трехсот авторских свидетельств и патентов на зарядку воды.

Моду на алхимию через пару месяцев стремительно вытеснит экстремальная гомеопатия. Во двор просочатся слухи о редчайшем уникальном продукте «от всего» – мумие, на которое Фармкомитет уже в третий раз выделил деньги на клинические исследования и оценку природных запасов. Предприимчивые и живучие граждане усмотрели в таком эксперименте прозрачный намек на очередное чудо и кинулись кто лечиться, а кто производить «горный битум» из подручных средств.

Евгения Ивановна Косько, выкурив на коридор беломор и молча выслушав ликбез от соседок, резюмировала:

– Совсем показали! Сушеное говно жрать!

«Пусть гитара играет»

Новый театр музыкальной комедии на месте бывшего велотрека строили уже шесть лет. И вот наконец убрали забор стройки и очистили площадку перед суперсовременным зданием. Стекланный фасад и боковые стенки как будто вышиты золотым металлическим крестиком. Фонтан на площади перед театром и новая эффектная скульптура – муза на дельфине. Да еще и обнаженная.

Труппа театра работала давно, но в центре, рядом с площадью Мартыновского, в крошечном театрике, который теперь отдали под ТЮЗ, а вся одесская оперетта перебралась в новую достопримечательность. Скульптуры в фойе, стеклянные люстры из труб и гигантский ультрамодный гобелен на весь второй этаж. Попасть

на открытие – нереально. Билет, и то далеко во второй половине зала, добыла себе только Ксения. На открытие актеры решили не рисковать и показать на новом месте проверенный старый хит «Пусть гитара играет».

После открытия Ксюха не выдержала и поехала делиться впечатлениями. Пытаясь поймать такси, она, как всегда, на каблуках, в новом платье и с шикарной сумочкой, напряженно думала: «К Лидке или к Женьке?»

Да, Лидка, конечно, главная театралка, но на Мельницкой больше зрителей – раз и меньше зависти – два.

– Что давали? – поджав губы, спросила Женя. Ее внучатый зять Толик приезжал два дня подряд за час до открытия театральной кассы, но даже галерка была распродана.

– И зачем ломиться в первый день? Вот через месяц-другой все посмотрят, и спокойно купим билеты, – утешал он Люду, Нилу и Женю.

На заводе у Нилы, где можно было купить все, что угодно, разводили руками: – Недостать! Все разобрали! Событие такое грандиозное – на начальство не хватает!

– «Пусть гитара играет» Фельцмана. Это не важно, какой спектакль! Вы не представляете! Там первый месяц можно просто показывать интерьер! Я как за границей побывала. И зал, как в кино! Наконец-то амфитеатром. Всем видно! Так всё современно.

– А ты в каком ряду сидела? – уточнила Женька.

– В восемнадцатом. Но в центре, и видно отлично. Световики сидят сверху, а не рядом с директорской ложей. А сцена! Сцена огромнейшая! Декора...

– Да... возраст... Теряешь хватку, – перебила средняя Беззуб и затынулась беломором. – И спектакль этот я видела уже раза два. С разными составами... Короче, как в присказке: «Новые штаны со старыми дырками».

– Ой, завидуй молча, – отодвинулась Ксения. – Нет чтоб порадоваться за сестру!

– А с собой старшую взять ты не могла? – не выдержала Женька.

– Это кого? Лидку? Та она же графских кровей – в восемнадцатый ряд не пойдет, – парировала Ксения. – Ладно, не сердись. Надо было перед нужными людьми в фойе и зале засветиться. Ты ж понимаешь,

одна кручусь – надо, чтобы видели, что я еще в обойме и хватку не потеряла. Ты ж не забывай – мне уже шестьдесят четыре, зазеваешься, и выпрут. Я на ближайшую премьеру нам два билета раздобуду.

Ксения об обещании забудет. Женька попадет в театр только в декабре с Людой и Юлей. На премьеру. Правда, «Приключений Буратино», зато с самим Михаилом Водяным в роли Карабаса-Барабаса.

Здравствуй, Дедушка Мороз

Подготовка к новому, 1982-му шла полным ходом. Праздничное возбуждение вместе с ароматами томящихся бульонов, ванилина, селедки, апельсиновой цедры, чеснока и сдобы носилось по двору вместе с хозяйками, у которых под ногами бестолково путались мужья и дети.

– Толик, пойдём.

– Я не буду это одевать.

– Надевать.

– Все равно не буду.

– Знаешь что, Верба? У меня муж – токарь шестого разряда, не считая кандидатской, а я эту ерунду сама два дня сколачивала. Надевай давай!

Толик обреченно вздохнул. В тамбуре между двумя высоченными деревянными дверями устроили полки и ящик для картошки. Один человек в проходе еще помещался, но два и гора тряпок, которые Люда держала в руках, – точно нет.

– Может, выйдем?

– Да там мороз! Простудишься!

– Я сам Мороз, – Толик уже напялил красную шапку с торчащей из-под нее паклей. – А эти табуретки зачем?

– Это не табуретки, – Людка держала в руках подобие японских сандалий гэта – две дощечки с резинкой от трусов, которая должны была удерживать ступню. Резинка была гвоздями приколочена к двум опорным досточкам. – Это чтоб ты выше был. Чтобы Юля не догадалась. И вот еще.

Она просунула под шапку и завязала на затылке прицепной целлулоидный розовый нос со щеками. Толик попытался потрогать ее

за попу.

– Та не отвлекай меня сейчас! А то услышат! Вон бери на картошке мешок с подарками. Толик! Сапоги!

– Какие сапоги?

– Я пошила. Прямо с этими табуретками туда лезь.

Толик в рукавицах сварщика, в Нилином красном вельветовом халате наизнанку с прицепным ватным воротником, в шапке, румяной полумаске со щелочками для глаз, бороде из той же пакли и на импровизированных каблуках был неузнаваем. Людка вытолкнула его за дверь.

– Позвонишь через две минуты. Ой! Стой! Открывай рот! – Она полезла в карман халата и сунула Тосе в рот пару грецких орехов.

– Васем? – поинтересовался он, душаясь от смеха.

– Что зачем? Чтобы говорил непонятно. Или ты думаешь, тебя по голосу никто не узнает?

Юля и Леся визжали от ужаса и восторга, когда после страшного долгого звонка в дверь ввалился и поковылял к елке огромный, толстый Дед Мороз.

– Дэфстуйте, – просипел он.

– У дедушки болят зубки? – сочувственно поинтересовалась Люда. – Ну зачем ты, дедушка, сосульки грыз? и не стыдно тебе? Где ж тебе ночью стоматолога найти?

Дед Мороз хрюкнул и упал лицом Людке в плечо.

– Конечно стыдно! А тебя все дети ждут! Ладно, я буду переводить.

Юлька оглянулась – все в сборе кроме...

– А где папа? Папа! Папа! Может, в туалете?

– Так он пошел за постным маслом. Я попросила, – отозвалась Нила. – У меня закончилось.

– И за черным хлебом, – добавила Люда.

Зачем нужен черный хлеб, когда есть белый, было непонятно, но взрослые на все праздники обязательно делали черно-белую плетеную хлебницу. Хлебом обносили всех, а потом убирали на швейную машину, поэтому дети набирали сразу целую стопку.

– Бедный папа! А ты... Вы ему подарок принес?

Дед Мороз переглянулся с Людой. Та кивнула.

– Угу.

Дед Мороз был необыкновенно щедрым – и огромная взрослая акварельная бумага, и настоящая беличья кисточка, как у художников, и гуашь на 24 цвета, и красивейшие новые голубые варежки, и даже импортный шоколадный шар в цветной фольге! И это только Юле. А Лесе он принес настоящий матросский брючный костюм и почти всамделишные наручные часы, в которых можно было крутить стрелки. Со взрослыми все обстояло куда скромнее – баб Жене новые тапочки, деду Паве шарфик, который Женя обозвала смешным словом «кашне», маме и Ниле колготки, а папа ничего не потерял, что ушел в ночное за хлебом: носки и пена для бритья – так себе подарок.

В волшебную новогоднюю ночь строгий отец Тося разрешал не спать хоть до утра. Но Леся уснула сразу после ухода Деда Мороза, а Юля героически дотерпела до полуночи, чтобы вместе со всеми громко считать удары курантов в черно-белом телевизоре, а потом кричать:

– С Новым годом! С новым счастьем!

До гуся с картошкой засыпающая Юля еще дотерпела, а вот до Жениного фирменного торта «Мишка» и выступления Пугачевой с новой песней – уже нет.

Толик отнесет дочку в ее раскладное кресло-кровать, и ни включенный свет, ни праздничный «Голубой огонек», ни звон рюмок и разговоры ее не разбудят.

Женя оглянется:

– Счастливый человек. А я от каждого шороха просыпаюсь...

– Что, прям с детства? – поинтересовался Толик.

– Нет, с Каменец-Подольского, с тридцать шестого.

Нила посмотрела на маму:

– Ты знаешь, я тоже.

1982

Новое счастье

Новое счастье Нила с Юлькой таки накричали. Уже в феврале Нилка, несмотря на все свои сто килограмм, вспорхнет воробышком по чугунной дальней лестнице возле Ижикевичей и промчится через всю галерею, не глядя, не думая, что цепляется дефицитными единственными целыми колготками за табуретки и сундуки.

– А-а-а-а!!! Кто дома? Все сюда! – Нилка картинно рухнет на стул. – У меня такая новость! Умереть не встать! Танцуют все! Люда, идешь в гастроном! Мама, дай ей денег!

– Вус трапылось, малахольная? – невозмутимая Евгения Ивановна, чуть наклонившись, прикурила от плиты.

Нила рванула свою потресканную сумочку и, как факир, выдернула оттуда сложенную бумажку.

– Вот! – Она благоговейно поцеловала желтоватый листок. – Я ждала этого... двадцать лет!

– Та-а-ак, – Женя протянула руку. – Ну-ка дай сюда.

– Не дам! Я сама! Дети, у нас праздник! Квартира! У нас будет новая квартира! Мама, Пава, Людочка! Мне дали двухкомнатную в новом доме! Двухкомнатную на четвертом этаже! Самую лучшую! Аж сорок метров!

– А-а-а-а!!! – Людка захлопала в ладоши и запрыгала: – Ура-а-а-а!!!

– Все! Заживем! Все будем жить, как белые люди! Дочечка! Ты выбирай. Куда хочешь – в новую или в этой останешься?

– А чего это ты у нее спрашиваешь, а не у меня? – вдруг возмутился Пава. – Это я твой муж, между прочим.

– Павочка, – Нила, как всегда, сияла, – ну Павочка! Ну сколько нам надо? Дай молодым пожить. Теперь всем места хватит.

Вечером обрадовали прибежавшего из «вышки» Толика. Они с Людой будут возбужденно перешептываться полночи, обсуждая оба сладких варианта:

– Ты понимаешь, там все новое! Все абсолютно! Новый дом, новая жизнь! Кухня с нормальным окном! И два балкона! Ты представляешь! Мама сказала, что нужные люди посодествовали и ей дали квартиру

не просто на четвертом, а на отчетном этаже, который под комиссию примарафетили. Там и побелено, и свет горит, и вода есть, и даже обои в квартире поклеены красиво.

– А как до работы добираться?

– Мама сказала, там электричка с вокзала почти под домом останавливается. И рынок с другой стороны. Ну здорово же?

– А Юлина английская школа?

– Тося, второй класс. Что там, школ нет? Я так хочу новую квартиру.

– Но ты подумай – их трое, нас четверо – тут три комнаты, там – две. Нам работать и как ездить, а тут все рядом. Просто посчитай.

Утром Люда скажет Ниле:

– Мам, ты выбирай. Твоя квартира.

Но поедут они обе вместе с Павой, Тосей и бабой Женей. После изнурительной дороги в трех трамваях и блужданиях по новому району молдаванские жители таки попадут в моднейшую белую высотку.

– Это же небоскреб какой-то! Десять этажей, – удивится даже Женя Косько. – Надо же – два лифта! Желание, что ли, загадать? Впервые в таком еду! Ишь ты! Кухня больше моей комнаты! Ванна и галльон отдельно!

А пока старшие будут ходить и восхищаться гулкой, сказочно пахнувшей штукатуркой и клейстером новой квартирой, Люда шепнет Толику на ухо в меньшей, солнечной комнате:

– Вот сюда так подойдет розовая занавеска с дачи Панковых. Ну та, вышитая.

Вечером Нила повторит слова Толика – про работу, школу и что честнее три в двух, а не четыре. А ей все равно скоро на пенсию, а в этом районе – вон степь сразу за рельсами начинается. Все для стариков – гуляй, на рынке молоко у колхозников домашнее бери и внуков на лето забирай.

Люда вздохнет и согласится. А с первой партией мебели привезет маме и прицепит на два гвоздя и натянутую проволочную струнку ту самую розовую занавеску.

Переезд затянется, но Люда уже все распланировала: большая комната – гостиная с телевизором. Смежная, солнечная, бывшая баб

Женина – детская, а спальня Нилы и Павы с окном на крышу будет их с Толиком. Вот это раздолье.

Нила, как всегда, договорится на заводе, и Толику отгрузят досок, из которых он соберет за сутки двухъярусную кровать и заанкерит намертво к стене. Разработать чертеж и просчитать конструктив для кандидата технических наук – плевое дело, тем более сначала посмотрев ГОСТы с расчетами на устойчивость, прочность и деформацию корпусной мебели и ее элементов, а потом заглянув с рулеткой к коллеге по институту, счастливому обладателю прибалтийской двухэтажной детской кровати. Верба доведет замеры прототипа до совершенства, сделав шире защитную часть и упростив до максимума лестницу на второй этаж. Драка за козырное место наверху не состоялась. Леська хотела наверх, Юля, которая еле вылезла по неудобной, спартанской, в три узкие жердочки лестничке, запросилась на первый спать в «домике» с крышей. Но родители распределили места на свое усмотрение: старшая – вверху, младшая – внизу, чтобы спросонья не выпала. Но своя комната, невероятная кровать и двухэтажный зашитый листами ДВП ящик с игрушками – у каждой свое отделение – высший шик. Ящик тоже собрал Тося по Людиной просьбе, а она перерисовала на ватман с новогодней открытки и приклеила к ящику веселого зайца с охапкой цветов.

От баб Жени правнучкам остался старенький полированный письменный стол с выдвигаемым ящиком на ключике.

Феня Верба, узнав о такой новости, что Толя теперь не в приймах, а полноправный хозяин аж трехкомнатной, приехала с поздравлениями.

– Вот, сыночек, чтобы не говорили, что приймак квартиру себе заграбастал. Мы тоже теперь не бедные. Я всю жизнь хоть по копейке, но откладывала. Во всем, – назидательно сообщила она, – во всем себе отказывала. Лишнего куска не съела. Зато теперь вот. Чтобы дом был полная чаша. Я вам дарю новую мебель! – Феня начала расстегивать верхние пуговицы на платье, подпортив торжественный момент. Потом запустила руку за пазуху. Откуда-то из потных недр ситцевого бюстгальтера она извлекла целлофановый пакет, развернула и вручила Толику в присутствии родни пачку двадцатипятирублевых.

– Две тысячи рублей! – торжественно объявила она. – Чтoб сразу все! И гарнитур импортный, и мягкий уголок! Шoб все, как в богатых домах!

Этим атракционом невиданной щедрости ей таки удалось удивить всех домочадцев. И не только их.

– Вот это поперло! – уважительно протянет Людкина подруга. – Как говорится, деньги к деньгам! Дождалась! И квартира, и мебель! Где, кстати, брать будете?

За мебелью с деньгами уже в Людкином лифчике поехали на дизеле в Кишинев. Там было больше шансов, чем в Одессе, выхватить гарнитур без переплаты. А если повезет, то даже румынский. Не повезло. Зато мягкая мебель с раскладным диваном в коричневые цветы и двумя креслами была наимоднейшая. Толик за два вечера соберет молдавскую стенку с тремя шкапами и отдельным откидным баром.

– Перемываем весь хрусталь! – объявит Люда через день Юле. И вручит полотенце: – Хорошо вытирай, и желтое чтобы в складках там все выковыряла. Теперь вся посуда в горке стоит на витрине. Всё видно!

Черный август

Ксения открыла глаза и поежилась от холода. Где она? Что случилось? Заехали бывшие сослуживцы с тортом и шампанским, пили на веранде за круглым столом, смеялись, уточнили пару вопросов по поставкам. Она вот только что проводила их до калитки, заперла, подумала, что надо снять белье, пока не упала роса, и пошла к дому. А дальше – провал. Холодно, несмотря на лето, и темно. Ночь. Орут цикады. Подвывает на цепи дурная Альма. Ксения попробовала пошевелиться – вся левая половина отключилась. Она попытается приподняться на локте, но левая рука не двигалась. Ксения попробовала позвать на помощь – ничего, кроме слабого мычания. Правым боком, животом она чувствовала холодный шершавый бетон дорожки. Сильно саднило колено, болели ушибленное бедро и локоть. А левая половина тела, чужая, неподъемная, лежала мешком. Ксения с трудом приподняла голову. Вот напасть – она была точно посередине между домом и забором, через который по ее просьбе ничего не видно – дощечка к дощечке. Даже если она доползет до крыльца – подняться по двум ступенькам в дом все равно не сможет. Она снова замычит – чуть громче, но все равно не настолько громко, чтобы ее услышали соседи.

В ее математическом мозгу, в гудящей от боли голове вспышками, искрами роились слова: удар, insult, она умрет здесь, как мама в Хоэ, и никто не поможет. Развернуться, чтобы доползти до калитки, не хватит сил... Ксения Ивановна Беззуб, королева черного аудита, богачка и совершенно одинокая пенсионерка, лежала колодой на дорожке в своем саду. По щекам ее текли слезы. Она еще раз попробует приподняться – безуспешно. Эти сто килограмм на одной руке и разбитой ноге ей не развернуть. Ксения вдохнет сырой воздух – пахнет маттиолой и лилиями. Впервые Ксения Ивановна решит сдаться. Зачем ей жить, если все, кого она так любила, уже там?..

Панкову найдут через двое суток. Соседка, слушая вой собаки, не выдержит на второй день и вечером постучит, потом еще. Обычно Ксения Ивановна, если отлучалась больше чем на день, оставляла ей деньги или еду для Альмы. Да и собака, когда хозяйка уходила, никогда так не скулила. Соседка не поленится прислонить стремянку и заглянуть за буржуйский забор, увидит тело на дорожке и вызовет милицию и скорую. Молоденький фельдшер перемахнет через двухметровые доски и откроет.

Без сознания, с переохлаждением и солнечным ожогом, тяжелым инсультом, обмочившуюся, но все еще живую Ксюху заберут в Еврейскую больницу. И точно как ее мама, она промычит, придя в сознание:

– Зачем вы меня вернули?

К умирающей Панковой рванут все соискатели и родственники – вынырнет из бесконечного запоя Ванька Беззуб, внезапно прибудет дальняя родственница Панкова Светочка, примчится та самая соседка-спасительница и, разумеется, Женька с Нилой и Людочкой. К стокилограммовой неподвижной Ксении Ивановне прилагался дом на Чубаевке, не считая таких мелочей, как несколько книжек с вкладками, золотые безделушки и прочее движимое имущество.

Ксения уже пришла в себя и сейчас, притворяясь спящей, как и прежде, считала варианты. Умереть на днях у нее уже не получится. Значит, это надолго. Встать она никогда не сможет, это Ксюха тоже прекрасно понимала. За таким инвалидом нужен уход. Просто сиделки – это мучения. Она – заложница, инвалид, колода, и от последнего ее выбора зависит, как она проведет остаток жизни – в моче и пролежнях или в относительном комфорте. Тут ошибиться еще страшнее, чем на

проверке гробов. Она приоткрыла глаза и посмотрела на соискателей наследства. Ее водитель и мелкий помощник по службе, Олежка, преданный, угрюмый, относительно молодой, но одинокий. Вон как глазки заблестели – с полутора метров видно. Без вариантов. Не говоря уже о конфузе с уткой и мытьем – он же вынесет все из дома еще до ее смерти. Прости, милый, но ты не годишься. Женя с Нилкой и Людкой. Старшей сестре семьдесят пять и весу килограмм семьдесят – не поднимет да и не захочет. У Нилки этот Пава пропойца, его только не хватало. Он еще похлеще потерянного Ваньки закладывает... Эта десятая вода на киселе Светочка, двоюродная племянница Ильи Панкова. Виделись от силы раз десять. Мышь. Вещи приличные, а глаза голодные, жадные. Да уж, выбор невелик, и все варианты провальные.

Ксения прикрыла веки. Людка. Людка, ее двоюродная внучка с характером Ирочки Беззуб. Тощая, правда, как глиста в обмороке, но клятая и упертая. Ксения считала: Людка и двое детей и муж – как там его? – моряк, препод в «вышке», диссертация, не пьет. Кодла большая, шумная. Или Светланка. Одинокая, крепкая...

– Завтра, – промычит Ксения, – завтра при-и-и-хо-и-ите, – она тянула слова, – нота-аа-иус.

– Я привезу, – бодро отозвался Олежка и гордо осмотрел стервятниц: – Я. Я буду с вашим нотариусом, Ксения Ивановна, – и даже слегка поклонился.

На следующий день Ксения Беззуб, приподнятая санитарками в подушки, осмотрит тот же состав, но уже без Людки, – Олежка, соседка, Светлана, Женя.

Водитель будет суетиться вокруг нее и нотариуса. Не сомневаясь в ее выборе. Это же он самый крепкий, самый услужливый и бессловесный, вхожий в дом, знающий все прихоти и вкусы хозяйки и даже такой же чернявый, как ее погибший сын, – кого ж еще ей выбирать. Документы об опекунстве уже подготовили. Вот сейчас врач подтвердит, что она в рассудке, и можно оформлять.

Ксения, насмешливо скривив половину рта в ухмылке, смотрела на эту четверку.

– Ыыба.

– Рыба? Рыбки хочешь?

– Выыба. Выырба. Людка. Лю-юда.

Женька улыбнулась и приподняла свою фирменную правую бровь. Подотритесь, родственнички. Не ей смотреть за сестрой, но внука хоть из нищеты выкарабкается.

– Ксения Ивановна, вы серьезно? – Олежка ошеломленно смотрел на начальницу. – За что? Почему?

Ксения отмахнулась рабочей рукой.

Олежка рванул на выход и повернулся к нотариусу:

– Вот опекун пусть вам и платит, и домой везет.

Он грохнет дверью и выскочит из палаты.

– Я могу опротестовать? – обратилась к нотариусу Светлана.

– На каком основании? – удивленно посмотрела на нее дама с бумагами.

– Она сейчас в сумеречном состоянии.

– Инсульт – не деменция. Несмотря на проблемы с речью, умственные способности точно не пострадали. Даже не знаю, в таком случае это к счастью или к сожалению, – отозвался завотделением.

Люда милость тети-бабушки приняла сдержанно. С одной стороны – наконец-то реальный шанс вырваться из этой крошечной нищеты. С вечно поочередно болеющими детьми она не могла нормально выйти на работу даже в свое конструкторское бюро. Халтуры на дом практически не давали. Ее левый приработок с заводской наглядной агитацией закончился вместе с нелепой смертью Мони-фарцовщика: он в свои тридцать три разбился на мотоцикле. На похоронах перешептывались, что ему «помогли». Да что ему помогать? Носился как бешеный на нем. На его место взяли настоящего художника-оформителя по распределению. Но тетя Ксения была неподъемная – раз, с характером похлеще баб Жени – два и с другими недовольными родичами – три. Сколько она в таком состоянии проживет, никто, а тем более Людка, даже не предполагал.

– Я спросила в медпункте, – шепотом рассказывала Нила, – мне Вера Петровна сказала, что обычно больше года не живут. Максимум полтора. Дай ей Бог здоровья, конечно.

– Кому? Панковой или медсестре?

– Обеим! Ну не ерничай. Люда, ты перспективы понимаешь? У Ксении Ивановны свой сапожник, портниха и модистка.

– Это кто?

– Та, что шляпки делает. И у белошвеек все простыни вышиты вензелями и в мережках.

– Ну раз вензеля... как тут отказаться, – вздохнула Люда. – И какая, в принципе, разница? Все равно дома как пришитая, а так хоть пару копеек буду получать. Все равно полегче будет. Ну что, придется обратно в гостиную переезжать...

В отдельной комнате, в которой жили Фира с Ванечкой, потом Женька с Петей, потом Нила с Павой, Люде с Толиком пожить не удалось. Туда срочно нанятым за бутылку грузовиком подопечные Толика очередные курсанты высшей мореходки помогли перевезти из дома на Чубаевке любимую кровать, то самое льняное парадное постельное белье в мережках и одежду Ксени.

А через день привезли на скорой и внесли на носилках на второй этаж саму легенду четвертого Упрторга, черного аудитора и финансового гения Ксению Ивановну.

Людка попытается подложить под нее судно и не сможет.

Ксения сморщится и застонет – на ягодицах после больницы уже стали проявляться мокнущие пятна. Людка на раз-два толкнет ее, как умирающего кита, на бок и побежит на кухню за крахмалом – припудрить ранки. А потом перевалит обратно на судно. Простынь и постель промокнут сразу.

– Мимо, – простонет Ксения. Людка попытается осторожно вытащить бесполезное железное судно из-под Ксениной туши.

– Толю зови, – промычит та, натягивая рабочей рукой подол на ноги, – ты меня не поы-ымешь...

Ксенино наполовину обвисшее лицо скрывало всю дикую панику, которая, как взболтанное теплое шампанское, рвануло вверх из желудка к носу, перекрывая дыхание, сбивая все мысли и ее расчеты.

«Конец... Буду мучаться... Не угадала... Хотя Светка еще дохлее, Людка хоть жилавая. Олежка-Олежка... неужели я поспешила ставить на тебе крест?»

Зашел Толик. Деликатно стараясь не смотреть на рыхлые бедра Ксени, осмотрел кровать.

– Так, плохо, что спинка цельная, – он нагнется. – Ножки хорошие, за ножки зацепим ремни, будете подтягиваться чуть-чуть, а сейчас: Люда, давай – раз-два, взяли. А вы группируйтесь, пожалуйста, постарайтесь сжаться.

Ксения посмотрела ледяным взглядом, полным презрения и отчаяния.

– Мысленно группируйтесь – все равно будет легче, – отрезал Толик.

Вдвоем они рывком приподняли и, провернув на здоровой ноге, опустили родственницу в застеленное клеенкой кресло. Людка собрала простыни и повернулась:

– Ксения Ивановна, потерпите пару дней. Мы же два инженера – что-нибудь придумаем, наладим. Проголодались? Я бульон с клецками сварила.

Ксения в больнице истосковалась по нормальной горячей домашней еде и с жадностью схватилась за ложку. Облилась. Людка перехватила:

– Я покормлю! Давайте я.

– Сама... Не инада... Я сама... Бы-ырее научусь...

Бульон остывал, Ксения черпала и разливала половину на сорочку и пеленку, которую, как слюнявчик, повязала ей Людка.

– Мы обе научимся, – внезапно внятно и четко скажет она. – Кладите меня обратно.

1983

Сердечная мышца

Леська принесет из детского сада очередную затяжную гнойную ангину. Через две недели любимый педиатр Лариса Яковлевна, осмотрев и послушав ее, скажет Люде:

– Собирайтесь. Похоже, осложнение на сердце. Сделайте кардиограмму завтра и будем решать.

– Миокардит, – подтвердит кардиолог. – Срочно в больницу.

Людка охнет:

– А Ксения?

Они за полгода приноровились друг к другу, и ежедневные подъемы-перевороты, выварки стирки и трехразовое питание вошли в свой график. Людка уже сама приподнимала и поворачивала Ксению Ивановну, которая подтягивалась за канат здоровой рукой. Правда, несмотря на невероятно окрепшие руки, у Людки ужасно болела вечерами спина, но она привыкла. А сейчас больница...

– Я думаю, за недельку вас подлечим.

– А дома никак нельзя? Я умею уколы ставить хорошо, – робко спросила она.

– Мамаша, вы что, ребенка угробить хотите? – фыркнул врач.

На помощь приедут с поселка Нила и Женя. Толик будет утром и вечером перетаскивать и поворачивать Ксению, а днем приподнимать ноги, чтобы поставить судно, станут Евгения Ивановна с Нилой. Нила готовила судочки, Толик отвозил. И вдруг оказалось, что трое не справляются с тем, что делала одна Люда.

Детское кардиологическое отделение ликовало. Люда, забравшись с поджатыми ногами на детскую кровать к Лесе, наотрез отказалась уходить на ночь. И сразу после первой процедуры принялась украшать больничную жизнь.

– Это что такое?! – опешил завотделением на утреннем обходе.

– Это кошка Мяушка и собака Барабака! – завопили взрослые соседи по палате. Им было семь и восемь, поэтому мамы их только навещали.

На глухих перегородках между кроватями со стеклянным верхом были намалеваны веселые морды.

– Это – зубной порошок. Можно вытереть полотенцем, – отозвалась Люда.

– Не надо вытирать! Пожалуйста! – заканючили больные.

– Ладно, зубной порошок оставляйте, – отмахнулся врач.

Перегородки отлично подходили под кукольный театр. Людка смешила Леську и заодно всех собравшихся малышей спектаклями. Кукольных актеров ей снесли из всех палат.

– Тося, – скажет она мужу вечером, выйдя в коридор за передачей, – там в соседней палате ребенок из детдома. Совсем один. Никто не приходит. У меня сердце кровью обливается. Он, как щенок, все время ко мне прижимается... Ему пять всего. Тося, может...

– Даже не думай. Даже вслух не произноси. Пожалуйста. Они ко всем жмутся. Это нормально. Он не страдает и даже не задумывается. Можешь мне поверить. Я знаю, что говорю, но вот то, что Леське все завидуют, – он заулыбался, – так это да.

Леська, она же Елена, в свои три с половиной проявила фамильную железную выдержку – то ли Беззубов, то ли Гордеевой.

– Ребенок что, к боли нечувствительный? Вы проверялись? Вон все отделение орет, а она даже не пикнет.

Людка погладили Леську по пышным волосам:

– Вы глаза ее видели? Похожа на бесчувственную?

Во время каждого прихода медсестры Леська сжималась в комок, закусывала подушку и терпела с полными слез глазами. Папин любимый моряк Лесик не мог позволить себе разреветься – потому что моряк не плачет.

За такой невиданный героизм медсестры одаривали Леську списанными шприцами без иглонок и баночками от лекарств. Людка из бинта и домашнего вафельного полотенца соорудила ей сумку медсестры с красным крестом. После утверждения рисунков зубным порошком она в преступном сговоре с персоналом разрисовала двери палат и перестенки между кроватями гуашью.

– Я тоже сюда хочу! Тут так красиво! И ты все время читаешь и играешь, – обзавидовалась пришедшая в субботу с папой Юля.

– Вот в больницу ты еще не просилась!

Люду будут звать в отделение медсестрой, а Леська вернется отощавшей до полупрозрачности и жутко злочей и вредной.

Она потянет к себе весь Юлькин ящик с игрушками.

– Эй, это мое! Отдай!

Леська сожмет крошечные кулачки и набычится, выставив вперед голову, точно как отец:

– Сяс как дам!

Из кухни с интересом выглянет мама Люда. Леська срисует взрослого и назидательно добавит:

– Нечаянно.

– Не обижайся, пожалей ее, – обнимет Люда старшую. – У нее живого места нет от укулов, настрадалась, вот и злобствует. Просто не обращай внимания.

– А так всегда бывает?

– Что?

– Что когда очень больно, становятся злыми?

– Часто.

– А баб Женя такая строгая, потому что у нее тоже болит?

– Наверное. Ей давно было очень больно. Больнее, чем Лесечке.

– А у деда Павы что болит, что он так страшно на Нилу ругается?

– Да нет... у него... болит портвейн, и вообще он контуженный.

Это другое.

– А что такое контуженный?

– Возьми словарь и посмотри, – отрезала Людка.

Они с Толиком скупали все словари, какие могли достать. Это же так удобно и так просто. Вон Нила раздобыла на заводе со своими связями и толковый Ожегова, и Большой энциклопедический. Море удовольствия.

– Прочитаешь в словаре и придешь расскажешь, что поняла. Если не найдешь, возьми медицинскую энциклопедию. Хотя... лучше сразу бери ее. И аккуратно, не рви больше.

Книжки стояли на полке так плотно, что Юля действительно в прошлый раз, пытаясь вытянуть энциклопедию, потянула пальцем за корешок и надорвала его.

Медицинская энциклопедия в затертом матерчатом зеленоватом переплете была в фаворе у обеих сестер. Во-первых, там было много рисунков, во-вторых, несколько толстых цветных вкладок с

картинками и, в-третьих, она была пугающе волшебной-ужасной. Со всеми этими страшными картинками вывихов, наростов, мышц без кожи, отклонений, рахита и прочих страхов. Но больше всего Юле нравились две цветные картины в разной цветовой гамме. Гоген и Гоген глазами дальтоника – уже не красный, а зеленовато-синий – были вопиюще прекрасны. Люда по энциклопедии уверенно ставила диагнозы домашним и дворовым страждущим и назначала авторское лечение, которое практически всегда помогало.

– Эх, я так все это люблю, – сказала однажды Людка, задумчиво поглаживая, как кота, лежащую на коленях медицинскую энциклопедию. – И крови не боюсь, и никаких какашек, гноя. Я бы, наверное, была хорошим хирургом.

Женя удивленно посмотрела на внучку:

– Ишь ты... Это ж надо. Гордеева через поколение таки проклюнулась. Вот же клятая порода.

– А я буду зубным врачом, – внезапно сказала Лесенька.

– О, это хорошо, – похвалила Женя правнучку. – И что, не боишься в чужих ртах ковыряться? А вдруг укусят?

– А я всем, кто не будет слушаться, – Леська интонировала низким командирским рыком, точно как папа Толя в яхт-клубе, – я вырву все зубы!

Дача

В апреле Ксения объявила Людке:

– Поехали в дом. Вам – дача, я – дома.

Людка поджала губы. Она всю жизнь прожила в шумном дворе, в семье, и до одури боялась огромного сырого дома и высокого забора, за которым не видно и не слышно никого.

– Ну что ты думаешь? Я оплачу скорую, и найми каких-то мужиков, санитаров, что ли, чтобы меня перенесли. Я не хочу все лето в этой душегубке сидеть и смотреть, как коты с крыши окна обсыкают... Дети на воздухе, фрукты своей полный сад, дом отдельный.

– Давайте в июне. Юля в школе до двадцать пятого мая. Да и холодно еще.

– Ты хоть поедь, зелень посади какую-нибудь, клубнику. Будете же в бурьянах сидеть потом. Толика возьми, и смотайтесь на выходных.

Легко сказать – возьми Толика, тем более на выходных. Променять подготовку к гоночному сезону на дурацкий огород? Такое даже не обсуждалось.

– Косточка, это же нонсенс, – отозвался Тося на робкое предложение Людды разбить грядки. – О, а возьми мою маму. Она единственная, кто в сельском хозяйстве хоть что-то понимает. Ей в радость будет.

– Вот еще твоей мамы мне там не хватало! И повеситься сразу на той черешне от счастья!

– Да ладно. Я же просто предложил. Дала бы ей задание, она бы тебе лучше трактора все вспахала.

– Ага, и потом со мной... – Людка кашлянула, – и с тобой все лето жила.

– Э, нет, такого я даже неделю не переживу, – хихикнул Толик. – Ты там купи, что надо. Съездим на неделе после работы, вскопаем.

– Ночью, что ли?

– А что, это только днем можно делать? Вот тебе не угодишь!..

Переезд с Молдаванки на Чубаевку был эпическим и печальным. Двумя трамваями с пересадкой всего не утатишь. Придется брать такси и отдельно скорую с санитарями для Ксени.

Людка плакалась Ниле:

– Мам, я боюсь. Толик все лето в гонках, а я одна в этой глухомани. Там же деревня. Кто-нибудь через забор перелезет, перережут нас ночью, и никто и не узнает. Там столько в доме дорогого. И сад этот. За ним же смотреть надо! А где я – где огород!..

– Дочечка, я к тебе буду приезжать. И даже без Павы. Часто-часто. Зато у детей сопли, бог даст, пройдут на солнышке. И ты сил наберешься. А то сидишь как привязанная в хате.

Кроме бытовых хлопот и сбора детских сумок добавились новые заботы.

– У тебя есть вишневая помада? – спросила Ксения у Людки, когда та принесла обед.

– Нет, конечно, – удивилась Людка. Из всей косметики у нее были только черный карандаш, который надо было хорошо наслюнявить, чтобы подвести глаза, и такая же «плевательная» тушь в спичечном коробке, купленная у какой-то Лоркиной народной умелицы.

– А какая есть?

– Никакой. Вообще. Я не люблю губы красить.

– Катастрофа, – простонала Ксения. – Как ты живешь? Можешь купить? Я оплачу. Потом себе заберешь.

– Да зачем мне? Я у мамы спрошу, вроде кто-то на заводе носит. А! – Людка улыбнулась. – Вспомнила! Не надо покупать! У баб Жени какая-то красная была. Но предупреждаю: она, это... очень давнишняя.

– Да не хочу я ее пошлую морковную. У меня цвет лица вообще другой. Купи. Такую темную, красивую. И красимся в этом месяце. У меня уже седина видна.

Людка вздохнула. Мыть, а точнее обтирать сначала мыльной, потом чистой теплой тряпочкой каждый день стокилограммовую полупарализованную Ксению в ожидании возможного наследства она привыкла, и устраивать генеральную горячую мойку частями раз в месяц тоже. Но покраска волос – это была катастрофа каждые два месяца. Смесь хны и басмы – Ксения четко диктовала и следила за соблюдением пропорций – нужно было намазать на волосы, выдержать два часа и смыть, вымыть эту красящую все, от рук до постели, травяную пасту из волос. Больше выварки кипятка, не считая холодной. И постель опять менять, потому что все мокрое.

Но Ксения, несмотря на инвалидность и осознание, что не встанет никогда и проведать, кроме Жени с Нилой, ее никто уже не придет, продолжала оставаться женщиной. Она договорилась на старте:

– Красимся раз в два месяца. Я не буду лежать лахудрой.

А тут на месяц раньше срока. Людка вздохнула:

– Я куплю краску.

– Обещаю, учтем – все лето даже не заикнусь! Но ты разве не понимаешь! Они же все будут смотреть. Все!

На помаду потратились, зато на санитарях сэкономили. Четверо Тосиных курсантов пересадили нарядную Ксению Ивановну Беззуб-Панкову в то самое бархатное тонетовское кресло. Она проплывала через двор с идеально ровной спиной. Безупречно собранная прическа (стричься коротко она тоже категорически отказалась), слегка подведенные глаза и темные губы. На ногах – чулки и новые тапочки. Ксюха царственно пересекала двор, глядя поверх голов на всех любопытных, вышедших на галерею поглазеть. О ней все знали, но никто ее не видел. Только Людка ежедневно вывешивала ее идеальные снежно-белые простыни с вышитыми монограммами.

Первая ночь на новом месте не задалась. В полночь в спальню поскреблась зареванная Юля.

– Мам, я задыхаюсь...

Так будет продолжаться целый месяц. День хлопот по дому и уход за Ксюхой, ночью – дежурство с Юлькой. За зиму нетопленный дом выстыл и отсырел вместе со всеми подушками и одеялами.

Когда в еще прохладные вечера запирались окна, Юлька в чужой неудобной кровати на здоровенной холодно-вогкой подушке начинала заплывать соплями и сипеть. Каждый день к простыням Людка вывешивала на солнышко эти проклятые подушки и одеяла и открывала все окна настежь.

А еще случилось знакомство с соседями.

Визит вежливости нанесла та самая соседка через улицу, которая обнаружила Ксению после инсульта.

– Не прикармливай ее, – скажет Ксюха после официального визита. – Потом не выгонишь. Она та еще прилипала...

С одной стороны – никто не жил, с другой – обитал в домике-развалюхе алкаш Виталька с двумя чумазыми детьми и женой. Был он

из бывших китобоев, из рядового плавсостава. О чем он немедленно сообщил новой соседке, заглянув одолжить трояк.

– У мужа вечером спросите, – отрезала Люда.

Но главный сюрприз ожидал ее в дальней части сада, где забор граничил с соседним участком. Бодрая бабка с той стороны решила, что таскать мусор к дороге долго и тяжело, и просто всю зиму перебрасывала его на осиротевшую Ксюхину клумбу. Людка не сразу поняла, откуда что пришло, и мусор, собрав в мешки, вынесла, а утром обнаружила новые следы жизнедеятельности соседей. Не пытаясь разбудить бабкину совесть, она просто собрала все, что было, добавила свое и, притащив лестницу, вернула соседям их гостинчик.

Через час раздались крики. Над забором показалась бабкина голова с проклятиями. Дети, игравшие в саду, услышав вопли, спрятались.

– Еще раз бросишь мне свое говно – покалечу! – прокричала Людка и ушла в дом.

Мусорный волейбол продолжался уже неделю.

– Ну что мне с этой приשמаленной делать? – жаловалась Людка. – Я спросила у соседки напротив, что это за сумасшедшая. Оказывается, эта бабка реально в дурке на учете стоит.

– Так, может, ей скорую вызвать по профилю?

– Ты такой умный! Откуда вызвать? Тут до ближайшего телефона-автомата километр по болоту. И что я им скажу. Что она ругается? Что мусор кидает?

Еще через неделю Людка вычислила примерное время бабкиных диверсий. Как и положено, ритуал та проводила строго в рассветные часы – где-то между шестью и семью утра.

Над забором показалась кудлатая голова в платке. Затем, кряхтя и пыхтя, бабка подтянула двумя руками к краю высокого забора полное ведро. В этот кульминационный момент ей по запястью легонько постучали топором.

– Перебросишь – отрублю руку по локоть, – шепнула стоявшая на стремянке в дозоре Людка и замахнулась.

От ужаса бабка потеряла равновесие и рухнула к себе. Судя по звуку и особо изощренным ругательством, ведром ее накрыло сверху. Людка посмотрела на топор и полезла вниз.

– Какой все-таки инструмент полезный. Второй раз выручает...

Топор теперь дежурил в уголке спальни, несмотря на все смешки Толика.

И все ж Людка по-прежнему панически боялась ночевать одна с детьми и Ксеньей, когда он уходил в гонку.

Нила заезжала в выходные и, сильно извиняясь, уезжала в десять вечера домой – Павочка тоже не хотел ночевать один и буянил.

Кроме праздничных визитов Нилы, были приезды Фени, которая с порога начинала причитать про погибший огород и про неправильную посадку.

– И вообще у тебя абрикоса падает, почему ты ничего не делаешь?

Что делать с абрикосой, которая уродила вся и сразу, Люда уже не знала. Она сварила буквально три ведра варенья, используя все банки Ксени и те, что Нила привезла из дома. Варенье было то самое, фирменное, с бубочками.

Издеваясь над головной болью похмельного соседа, с раннего утра Юля и маленькая Лесенька молотками колошматили косточки, выковыривая и очищая от шкурки ядрышки с миндальным запахом.

Из следующей партии Люда поставила в десятилитровых Ксениных бутылках абрикотин.

Она решила объединить рецепт баб Жени и Нилину информацию от спецов с завода и для соблюдения условий брожения натянула на горлышки резиновые перчатки. Те за пару дней наполнились воздухом и поднялись. «Лес рук» занимал половину веранды и до одури пугал в сумерках и Людку и девчонок, потому что перчатки эти еще и легонько покачивались.

Людка осмотрела батарею из перевернутых закаток с вареньем и компотом, бутылка с самогоном и шарлотку с абрикосами на столе.

– А насобирайте себе домой витаминов?

Феня тащить витамины в далекий Ильичевск отказывалась:

– Я ж одну кашу с этим автобусом доведу! А чего ты не выйдешь на базар и не продашь пару ведер? Даже на Привоз ездить не надо. Стань на Фонтане ближе к пляжу – народ у тебя разберет за полчаса.

– Я? Спекулянтка? Торговать на улице? В жизни не пойду! Лучше с голоду сдохну!..

Уже приезжали и бывшие сослуживцы из Людкиного КБ с ведрами, и даже непутевый дядя Вова, Нилин брат, со своей женой Нинкой и туристическим рюкзаком, а абрикосы все не кончались. Они шмякались о землю и сладко благоухали гнилью.

В ожидании очередного официального визита Фени Людка решила прикопать абрикосовые трупы прямо под материнским деревом.

– Ты смотри, шо робыться! Лю-ю-ди-и-и-и! Она продукты переводит! Фашистка! – Раздался вопль с забора. На нем висела успевшая оправиться от прошлого испуга и синяков соседка.

Людка подняла лопату и шагнула от абрикосы:

– И тебя закопаю, если не заткнешься!

Вечером обгоревший Толик с красным носом и обветренными губами принес из яхт-клуба подарок – трехлитровый бутыль... божьих коровок.

– Это что? – прищурилась в сумерках Люда. – Ой, там роится! Они живые? Где ты их взял?

– Собрал, их такая туча в яхт-клубе! Все облепили. А эти дурные на воду и на яхту как ковер легли, я их просто банкой черпанул...

– И зачем?

– Не знаю. Сказали, они для клубники полезные.

– В каком виде?

– Понятия не имею.

Людка отодвинула бутыль:

– Вот только домой это нести не надо, юный натуралист.

На рассвете Тося, как сеятель, разметал пригоршнями божьих коровок по клубничной поляне, в центре которой возвышался летний кран и люк от колодца.

– А, – махнула рукой Люда, – эту клубнику уже ничем не испортишь... и не спасешь... Ни фи́га не уродила.

Огородник-любитель из Люды, несмотря на все старания, был неважный. При регулярном поливе огурцы были кривые, редиска – горькая, в капусте жили жирные гусеницы, а пара небольших персиковых деревьев перманентно болела чем-то ужасным, демонстрируя скрюченные в волдырях листья.

Только розы всех оттенков, посаженные еще Панковым, и заросли львиного зева у дома пытались своим интенсивным цветением компенсировать аграрные неудачи Людки.

Божьи коровки провели в клубнике примерно неделю, постепенно рассеиваясь под истошными заклинаниями Юли и Леси: – Полети не небо, там твои детки кушают конфетки...

– Я бы тоже куда-нибудь отсюда улетела, – ворчала Люда, выкручивая руками очередные простыни.

То ли божьи коровки действительно кого-то успели за неделю сожрать в клубнике, то ли, долетев до неба, рассказали Боженке про страдания Канавской-Вербы, но клубника неожиданно разродилась небывалым урожаем. По утрам Леська с Юлей выходили с мисочками и ползали по грядкам.

– У-у, она никак не кончится!

– Я не хочу больше клубники! Мне надоела клубника, – канючила Леська.

– Нарвите мне на варенье. Зимой папа с курсантами скажет вам спасибо, – просила Люда.

– А что им, абрикосы не хватит?..

Понаехали

Толик Вербка и его курсанты точно ликвидировали бы все излишки урожая, как шпаки дачную черешню, даже в сыром виде, но пока Людка боролась с ночными страхами, ее муж вырвался из акватории Черного моря.

Его потресканный рабочий портфель на миллион отделений напоминал в открытом состоянии мех аккордеона и назывался «Смерть бюрократа». Толик считал не только секунды на поворотах и скорость с поправкой на ветро-волновой режим, но и какую причину для отказа в справке или финансировании могут придумать в больших и маленьких кабинетах. На каждый случай у него хранилась справка, отчет или заверенная накладная в трех экземплярах.

– Пацаны, бить бюрократов можно только их оружием. Если вы знаете больше, чем они, и приготовились, – вы выиграли. К парусу это, кстати, тоже относится.

К кубку Балтийского моря он готовился уже третий год. И не важно, что он проходит в Прибалтике, а его «Алмаз», приписанный к высшей мореходке как тренировочное судно, – в Одессе.

На кубке Балтики – самой престижной регате СССР – гонялась элита – прибалтийские и питерские яхтсмены. Вся олимпийская сборная на лодках олимпийского класса и южная провинция туда практически не попадала.

Идти морем долго, дорого и рискованно. Поэтому Тося нашел оптимальное решение: яхта поедет поездом. Всего-то надо – пригнать платформу и автокран в яхт-клуб, разоружить яхту, снять мачту и часть такелажа, потом погрузить на платформу с разрешениями от автоинспекции и других служб, транспортировать на вокзал, погрузить в товарный вагон, опечатать, потом полететь в Таллин, найти там автокран, платформу, получить все разрешения, встретить яхту на вокзале и заново вооружить уже в таллинском яхт-клубе и успеть к началу соревнований.

Письменное приглашение на гонку из Прибалтики, конечно, прислали. Но то, что одесситы приедут и притащат через пол-Союза свою яхту класса Л-6-«шестерку», непрестижную, не входящую классом в олимпийские, даже не представляли. Никто не представлял.

Толик Верба собрал все справки, разрешения, прошения, выписки о финансовых квотах на соревнования и выгрыз командировочные на транспортировку и для яхты, и для курсантов. Этому было проще подписать и выдать, чем отказать. Резолюция «Отклонено» его не останавливала. По заветам интернатского учителя, он брал измором и официальными бумагами – с входящими и исходящими. До этого лета выжившие после бесконечных тренировок курсанты «вышки» под его руководством дважды становились чемпионами Украины. Железный аргумент.

Кубок Балтийского моря был учрежден журналом «Катера и яхты» двенадцать лет назад, и вместе с одесситами впервые в истории в соревнованиях принимали экипажи Финляндии и Польской Народной Республики. Гонка официально стала международной. Всесоюзный журнал уже отрапортовал, что это теперь не просто смотр спортивных достижений, но и пропаганда мира и дружбы между странами под девизом «Балтийское море – море мира!» На старт вышло больше ста двадцати яхт, которые разделили на группы по классам. И первый же этап стал сенсационным.

Белую кость, парусную элиту Союза, олимпийцев и матерых капитанов, которые гонялись в этих краях годами, вдруг «сделала»

залетная команда из Одессы.

А потом еще раз, и еще раз – на всех этапах.

Местный собкор издания «Катера и яхты» выразил все негодование и досаду в отчетной статье, скупно упомянув единственной фразой: «... Призерами самой многочисленной 3-й группы стали яхты «Амур» и «Сольвейг», хорошо известные и участникам соревнований, и любителям парусного спорта. Они были неоднократными победителями гонок, их капитаны Б. А. Хабаров и К. Г. Бойков не один раз держали в руках «Кубок Балтийского моря». Но в этом году они пропустили вперед «чужака» – победителем стала впервые участвующая в наших гонках одесская яхта «Алмаз». Команда «Алмаза» – опытные яхтсмены, призеры Кубка Черного моря, трехкратные чемпионы Украины. Капитан – А. Я. Верба, помощник – С. А. Станецкий; экипаж составлен из преподавателей и курсантов Одесского высшего инженерного морского училища им. Ленинского комсомола».

Эта победа стала шоком для всего парусного сообщества Союза – это было так же непостижимо, как выиграть автогонки по незнакомому городу у местных таксистов.

На шальную удачу не спишешь – три этапа продолжительностью в пару недель не оставляли шансов версии «просто повезло».

Когда Толик тем же путем: разоружение – краны – платформа – сопровождение ГАИ – товарняк – вернется в Одессу, в яхт-клубе к нему подойдет и пожмет руку один из «дедов»-аксакалов-морских волков и скажет: «Толик – это не ты выиграл Балтику: это мы все в этом году выиграли».

Эта победа была национальной гордостью одесских моряков – как выигрыш нашей сборной на Олимпиаде. Это не Тося, а Одесса «вставила» спесивых балтийцев.

– Как? Как ты это сделал?! – спрашивали его кореша-конкуренты по яхт-клубу. – Там же всё – мели, течения, роза ветров... Ты же их в глаза не видел.

Толик, как всегда, был скучным, как учебник, потому что искренне удивился: – Что значит «не видел»? У нас в библиотеке есть карты того региона. Потом я запросил через училище данные по розе ветров за последние десять лет по дням. И мы с сентября все изучали – и маршруты прошлых гонок по публикациям в «Катерах», и строили

варианты. Или у меня не «рогатые» в экипаже? Это же их профиль! Я ректору обещал, что будет такая полевая практика – любая загранка подотрется.

– И что, только теория?

– Почему? И практика.

Про практику Толика в яхт-клубе ходили страшилки для молодых. Вместо прогулок под парусами и периодических гонок все, кто пришли к нему в команду, попадали в мясорубку – работали не только в сезон навигации, а круглый год, с третьего января. Чистили, шкурили, драили, изучали теорию, а в сезон – с мая, с 6 часов утра «Алмаз» был на тренировке. Когда в сентябре закрывали официальную навигацию и выход под парусом в открытое море в погранзоне был запрещен, они отрабатывали работу со спинакером в акватории яхт-клуба на пятачке шириной максимум 95 м. Его шестерка, 12 метров длиной и весом в семь тонн, крутилась, как балерина в фуэте. Лавировка – оверштаг – «спинакер вира» – 14 метров лета от ватерлинии в небо – «спинакер майна» – лавировка. И так десятки раз подряд до восьми утра. Потом всем в «вышку» на Дидрихсона: экипажу – на первую пару, капитану – на кафедру преподам. Каждый день с мая по октябрь. Хотя нет – летом была вторая вечерняя тренировка.

Так истово, на износ, не тренировался никто. Это было красивым хобби, удовольствием, бодрящими соревнованиями и клубом единомышленников-фанатов. Но для Тоси прогулки без победы были пустой тратой жизни. Гонщик обязан быть первым. Во всем. Везде. Тогда ты и в море выиграешь. В таком режиме выживали единицы, оставшиеся заражались его одержимостью.

На кубке, который привезет Верба, красовались гравировки с годом и названием яхты чемпиона.

– А мы? – спросили юные победители, запивая шампанским из алюминиевых кружек наполеон капитанской жены. – А мы где сделаем гравировку? Давайте сверху – тут еще место есть!

– Это еще что за жлобство? – хмыкнул Верба. – Вы считаете, нас там без гравировки не запомнили? Лучше думайте, как в следующем году выиграть. Фактора неожиданности больше не будет.

Зови мужиков

Пока Тося «ходил в моря», Люда отбывала второй срок на Чубаевке. Они снова на лето под напором Ксени уехали в дом.

– Господи, за что мне все это? – закатывала глаза Люда, слыша очередные разборки одуревших от жары и безделья детей.

– А можно, мы лучше будем обливаться из шланга?

– Нельзя! Самый солнцепек – все листья погорят к чертовой матери!

– Мама – ворона! Ворона! Сорока! Больная!

К ним на участок действительно шлепнулась сорока с подбитым крылом.

– Давайте ей дадим ложку! Она сможет ее унести?!

– Ага. И оторвать серьги из ушей, – угрюмо отозвалась Люда. – В нашем зоопарке только сороки не хватало. Кыш отсюда все!

Женя, приехавшая навестить внучек и отдохнуть на свежем воздухе вместе с Нилой, театрально поднимала брови:

– В смысле вам скучно? Как может быть скучно на даче?! Вы что-то сильно балованные. Вот мы только одно лето были в доме с садом. И это было самое счастливое в моем детстве. Меня с дерева согнать нельзя было. Вон их у вас сколько! Идите, лазьте!

Люда покосилась на откормленную, медлительную Юлю и тощую, как прутик, Лесю:

– Ба, ну ты чему учишь, деревья – не наш вариант.

– Госсподи, – закатила глаза Женя, – рогатку сделайте и стреляйте целыми днями!

– Мы не умеем! – радостно отрапортовала Юля.

– Ну так камнями кидайтесь! Вон мишень на заборе нарисуйте и кидайте. Как из лесу! Что из вас вырастет?!

Ниля улыбалась, глядя на маму:

– Мам, ну не все женщины у нас такие меткие, как ты. Это ты стрелять любила. И не только стрелять...

Женя огрызнулась:

– Не любила, а умела. И очень мне это по жизни пригодилось. И вам бы тоже не помешало. И спать тогда одной не страшно.

– Да я вроде привыкла, – отозвалась Люда. – Только тоска смертная. Я тут света белого не вижу, и все время в этом саду кто-то что-то жрет – то скворцы, то гусеницы, то еще какая-то напасть. Но, конечно, на воздухе.

– Кстати, о напасти, – Женя затынула беломором и понизила голос: – Она уже на тебя завещание оформила?

– Нет. Пенсия на продукты и коммуналку за дом и двести рублей зарплаты за уход.

– Вот коза жадная!

– А что мне ее завещание?

– А то! Что родня Панкова ближе, и останешься ты, дура, с сорванной спиной и без гроша за все старания!

– Значит, так и будет! Она не пишет, потому что Сашку ждет.

– Что?! До сих пор?

– До сих пор. У нее в шкафу в комнате целый бар – коньяки всякие редкие, коллекционные, она для него насобираала. На встречу.

– Это же надо, такая умная и такая наивная...

– Ма, прекрати, – отозвалась Нила, – ну в самом деле... Ну что, мы ее без денег не смотрели бы? Родная же кровь? Сестра твоя. Ну как можно?

– А так! Что все добренькие, а Людка, вон, больше года, как рабыня. И что – зазря?

– Всё! – Людка поднялась. – Чай и пирог. И пирог с собой. Каждой. Потому что дети их есть больше не хотят.

Нила посмотрела на дочь, на пироги, на батарею из перевернутых банок и бутылей и вздохнула:

– Мам, можешь Паве портвейна купить? Я денег дам. Я бы осталась с ночевкой до завтрашнего вечера. Все равно жара стоит, и Пава ворчит, что ему со мной душно в кровати...

Нила встанет в рассветных сумерках, поправит на Людке простыню и шепнет:

– Поспи, доченька.

Пойдет варить сладкую манную кашу внучкам и Ксене, намажет хлеб маслом и порежет ломти на кубики размером в один кусь. Поднимет тихонько Юлю и Лесю на завтрак, а сама возьмет мисочку и пойдет на огород нарвать свежатины – клубники, чтоб хоть немного помочь загнанной дочери.

Девочки услышат даже не треск, а громкий, звонкий и протяжный крик.

– Б-ля-я-я-я! – сопрано выдаст Нила. Она со своим центром веса, с тяжелым животом и с отеками слоновьиими ногами уйдет в землю. А точнее – в канализационный люк, заросший усами клубники. Подгнившие старые доски вокруг садового крана, которые легко выдерживали и тощую Людку, и девчонок, пискнут и провалятся. Нила пролетит в холодную глубину водосборного колодца и чудом удержится стопой на повороте прогнившей водопроводной трубы. От ее крика и перепуганных воплей девочек проснется Людка, вылетит в ночнушке на огород и увидит картину: ее мама стоит, уйдя почти по пояс под землю одной ногой, вторая же лежит в идеальном полушпагате в примятой клубнике в кровавых потеках то ли от щепок, то ли от раздавленных ягод.

– Мамочка! – завопила Люда.

– Ну, – улыбнулась Нилка, – меня возьмут в Большой театр? Похожа на умирающего лебедя? – Она грациозно взмахнет руками и посунется вперед: – Как думаешь, у меня есть шансы?

– Быстро в дом! – скомандует Люда насмерть перепуганным дочкам. – И не выходить!

– Мама, мамочка, ты как? – засуетится она.

Людка попробует заглянуть. В колодец Нила провалилась, закрыв все отверстие животом.

– Ты висишь? – спросила.

– Нет, слава богу, под ногой труба какая-то, а то порвалась бы уже пополам к ядерной матери, – кряхтя, отзовется Нила.

– Что делать? – Людка подхватит Нилу под мышки и потянет назад. Несмотря на всю заработанную силу с уходом за Ксеньей, столько у нее не окажется. Нила вскрикнет от боли.

– Ай! Доча! Не тяни, пожалуйста, пупок развяжется, совсем подорвешься.

– Мама, что делать, мне рычага не хватает! – Людка металась вокруг ямы. – Давай я тебе веревку вокруг виноградного столба – потянешься?

Не дождавшись ответа, она уже срезала бельевую веревку и делала для Нилы узел на конце. – Ты тянешься вперед, я пытаюсь тебя под попу толкнуть, чтобы ты животом легла на край, а там ногу вытащим, и перекатишься.

Нила, побагровев, тянула себя, Людка, упираясь, толкала снизу.

– Так, Людка, иди за гусарами и шампанским!

– Мам, ты чего?

– Беги, говорю, к ларьку за мужиками, водки им купи. Давай быстрее, шпагат уже сильно давит. – Нила бодро улыбалась, но по бледному лицу и дикому тремору в руках было видно, как ей больно и страшно. – Давай уже! Как я!

– В смысле? – Людка в ступоре посмотрела на Нилу.

– Ну, одна нога здесь – другая там!

Не закрыв калитку, Люда пробежала с километр до ближайшего киоска и, падая в ноги, уговорила пару местных алкашей помочь спасти женщину.

В калитку они втроем ввалились под арию из оперетты «Мистер Икс»: Нила, которая ушла еще чуть глубже – труба медленно гнулась под ее весом, – распевала, подмигивая вышедшим внучкам: – «У-уста-а-ал я греться у чу-ужого огн-яя! Ну где же сее-рдцее, что полюбит меня-я-я-я!»! Нашлись! Девки! Фить обратно в дом!

Двое мужиков, обливаясь пóтом, взрывая ботинками грядки и матерясь, с трудом выдернули Нилу и усадили на землю, на край колодца.

Она облизала прокушенную губу:

– Надо выпить за тесное знакомство. Но отдельно.

Она еще час медленно будет переползать на колени, пока, подтягивая растянутую по грядке ногу, не сможет встать.

На руках проступят гигантские кровоподтеки в тех местах, где ее, ухватив крепко, тянули мужики.

– Ну все... Пава, бедный, с ума сойдет, – хихикнула Нила, снимая ледяной компресс с ноги. – Ушла с ночевкой, пришла вся подранная и в раскоряку. Скажу: мужик годный на Чубаевке случился. Да что ты рыдаешь? Ну выжила же. Вон, расхожусь понемножку. Ты, главное, там досок настели, чтоб никто из детей не упал. Там метров пять – костей не соберешь.

– Мамочка, прости... Мамочка, я не знала!.. – продолжала плакать Люда.

– Так! Что ты голосишь, как по покойнице?! А ну пей со мной! Это хорошо, что я провалилась, а не ты! Вот что бы девки с тобой делали, кого бы звали? Боженьку благодари.

– Ну что, до дна? – Нила подняла стакан с абрикотином. – За новую приму советского балета!

Гонка вооружений

Молдаванка реагировала на ситуацию в мире на всех уровнях – от подвалов и цоколя до вторых этажей галереи, от заслуженных пенсионеров до школьников. Единое информационное поле, созданное из передовиц газет, программы «Время», политинформаций в школах по понедельникам и стенгазетах на предприятиях, колыхалось, как пшеница перед грозой.

Холодная война в разгаре. Но на пике, как в Карибский кризис. Пава Собаев, как всегда, емко суммировал все передовицы в один вердикт:

– Эти суки опять что-то против нас замышляют.

Рассматривать карикатуры в газете «Труд» было интересно и жутко одновременно. Там милитаристы и дядя Сэм ходили в обнимку с неприличного вида антропоморфной ракетой «Першинг-2» мужского рода. Идеологическая работа была такой массивной, что любой первоклашка без запинки выдавал точную информацию про класс и тротильный эквивалент всего, чем нам грозил Запад.

Баллистические ракеты мобильного реагирования «Першинг-1» США развернули в Европе еще в семидесятых – сейчас же меняли на усовершенствованную модель средней дальности «Першинг-2» и крылатые ракеты «Томагавк» наземного мобильного базирования.

СССР, разумеется, тоже не молчал.

Младшие классы молдаванской спецшколы с углубленным изучением английского не оставались в стороне от общественной жизни и после политинформации за пару месяцев до США не только разворачивали, но и запускали в коридоре третьего этажа «Першинг-2» в лице и теле командира звездочки Сережи Бойко. Он был отобран исключительно по габаритам и, раскачанный за руки и за ноги, запускался в район девчонок, символизирующих то ли пятнадцать республик-сестер, то ли страны-члены СЭВ.

В ответ, нарушая законы экономической географии и военного времени, с женской стороны прилетал «томагавк» в простых колготах и коричневой школьной форме.

После наглядного запуска и уроков по гражданской обороне Юля дома начинала готовиться к возможной химической атаке и повторять, что делать, если американцы шмальнут по аммиачному заводу. Слава богу, он далеко, и пока облако дойдет, можно добежать из школы домой. Запас воды, мокрые тряпки под дверь, заклеить окна... Или наоборот – открыть и проветрить? Она вечно путалась и пугалась, но зато вода в бутылках – что в кухне, что в туалете – не переводилась. А все потому, что, несмотря на шикарный туалет в двенадцатой квартире, воду здесь, как и по всей Молдаванке, отключали и днем в разное время, и обязательно ночью. Ровно в полночь под пиканье радиоточки вода в кране с шипением заканчивалась и появлялась с громким кашлем и гидравлическим ударом ровно в шесть утра с вступлением духовой группы в гимне.

Химическую атаку вообще можно было легко отрабатывать ежедневно. И если о ночных горшках уже забыла даже маленькая Лесенька, то настоящая химическая атака разворачивалась в подворотне, где с мая по октябрь благоухали всеми степенями разложения мусорные ведра.

«Мусорка» приезжала раз в два-три дня. Услышав заветный колокольчик, все, кто был дома, кидался на выход скорее вынести свое ведро. Солидарность – выбросить чужое – не проявляли. Чтобы попасть на улицу или зайти во двор, нужно было задержать дыхание и рвануть через длинную подворотню с почтовыми ящиками ближе к квартирам Ани Берштейн и Аси Ижикевич, а чуть дальше к выходу стояла батарея ведер. Их полоскали под краном дворовой колонки и спешили по квартирам – снова наполнять бытовыми отходами.

Юбилей

К Нилиному юбилею Люда начала готовится еще с августа. И для начала в ателье заказала ей вязаное трикотажное шерстяное платье.

– Бутылочное, – прищурившись от удовольствия, объявила после примерки Нила. – Людка, ты сумасшедшая! Оно же стоит, как цветной телевизор!

– Не, как черно-белый, – отозвалась Людка, сосредоточенно обкусывая кожу вокруг ногтя. Она, как в детстве, сгрызала их до мяса.

– Доця, ты шо, голодная? У меня есть ногти на ногах, дать пожевать? – спросила Нила, а потом, не меняя тональности, продолжила: – Темно-зеленое, такое бутылочное! Настоящая шерсть! Будут вязать трикотаж по выкройке. А отдельно... – она выдержала паузу, – отдельно... Нет, Людка, сама им скажи.

Баб Женя, Люся-морячка, тетя Ида и мелкие Юля с Лесей устали на маму. Люда вздохнула и пробурчала:

– А отдельно будут на коклюшках плести кружево на воротник и манжеты. Это мой подарок.

Кроме трудоемкого платья, Люда заказала ресторан на пятьдесят человек. Нила три вечера подряд переписывала списки.

– Дочечка, ты понимаешь, ну их шестьдесят семь, как ни крути. Тут родных десятков, и в кадрах у нас четверо, и все с мужьями-женами. А еще заводоуправление, и профсоюз, и медпункт, и со двора хоть пару человек – Люсю, Иду, Аньку Берштейн...

– А Аньку зачем? Вы ж не шибко дружили?

– А шоб подохла от зависти, но перед этим всем рассказала, как было шикарно.

– Ну откуда ты знаешь, что будет шикарно?

– Так кабак какой! Банкет! Не кафе же. И платье, само собой. Она в ресторане последний раз в пятьдесят шестом была.

Только дату пришлось заказать накануне – двадцать девятого. Тридцатое октября выпадало на понедельник – ну какие гуляния? А следующие выходные уже заняты.

– Та не верю я в эти забобоны, – отмахнулась Нилка.

В октябре Юля прибежала из школы и, не дыша, садилась возле мамы. Весь кухонный стол занимали два склеенных ватмана. Люда

готовила праздничную стенгазету. У нее был ворох черно-белых фотографий от заводского фоторепортера. Там были практически все участники праздника на рабочих местах, в президиумах и на первомайских демонстрациях, еще относительно трезвые и парадно-нарядные. Первые ряды Люду интересовали мало, она искала за их спинами тех, кто камеры не видел. И находила глазающих по сторонам, чешущих затылок, курящих. Для коллажей ей было достаточно головы – остальное она дорисовывала детскими фломастерами.

Первой на повестке дня была главная коммунистка завода Тамара Шишкина со своим тишайшим импозантным мужем с французским именем Клод. Ее партийная принципиальность и его подгулявшее «вражеское» происхождение были основной темой шуточек на всех застольях. На середине пачки Людка вытащила «джокера» – фото этой пары, демонстрирующей марксовское единство и борьбу противоположностей. Красивый седовласый Клод в модном плаще тоскливо смотрел в сторону и явно пытался незаметно улизнуть с демонстрации в ближайший переулок, а Тамара в антиженственном костюме советского партийного работника, грозно нахмурившись, собиралась дернуть его за рукав. В стопке позапрошлогодних «Работниц» нашлось фото счастливых кубинок, подходящее по крупности. Национальное пышное платье Острова свободы Люда отвергла, оставив только голову с декольте и отдельно руки, а ниже пририсовала джинсовый жилет, отчаянное мини на крутом кубинском задку и рядом вывеску «Черное море», «Интурист ВАР». Кубинка жестами зазывала французского супруга уйти в загул. А над Тамарой появилось комиковое облачко с ее любимой фразой, которой она обламывала мужу любые заводские гулянья: «Клод сегодня домой пойдет!»

Лев Лещенко с трудовой в отделе кадров клянчил надбавку к пенсии у Ольги Николаевны. Тощая Милка улетала с демонстрации на красных шарах, остальные просили, если ветром снесет к Румынии, купить кроссовки «Флоаре» сорок второго размера для Федора Ивановича и гарнитур «Шератон».

Федор Иванович, начальник отдела кадров с семьдесят восьмого года, сразу после выхода «Трое из Простоквашино», моментально превратился в дядю Федора, тем более что регулярно ездил на дачу в

Кулиндорово. Найти мультяшные изображения не удалось, поэтому остальных персонажей к комиксу «Пенсия в Простоквашино» Люда рисовала схематично, кроме Печкина с суровым лицом профорга, который кого-то клеймил на партсобрании.

Передовица была посвящена биографии юбилярши, которая заканчивалась тем, что она бросила семью и внуков и эмигрировала в «Николаевскую область». Так называли новоиспеченный поселок Котовского.

В «подвале» четвертой страницы был уголок романтики. Люда подошла к книжным полкам и выдернула томик Людмилы Татьяничевой.

– У нее было очень красивое про жизнь, – объяснила она Юльке. – Кажется, в этом томе.

Стихотворение «Кони» начиналось со строк:

«Я в один из самых синих дней
Из загона выпущу коней.
Для отрады,
Не для похвальбы.
Выпущу коней своей судьбы...»

Дальше шло описание жеребенка – детства, необъезженного скакуна юности, крепкого коренного зрелости и потом, что есть еще один конь.

«...это старость, конь студеных зим, но пока еще не время мне о четвертом говорить коне». Люда с выражением дочитала стих, стерла наворачнувшиеся слезы и попросила у Юли «Юного натуралиста»:

- Мне нужны кони. В разных видах. Я не буду вырезать.
- Так у папы в «Слове о полку Игоревом» были.
- Точно!

Она два дня долго и тщательно прорисовала всех лошадок, а четвертую, понурую, зачеркнула.

Нила жила у себя в новой квартире – можно не прятать газету на шкаф каждый вечер. Главное – не задавать много вопросов, а то выгонят из кухни. Юля, затаив дыхание, следила за маминым планированием рубрик.

Мама, по мнению Юли, газетой занималась урывками. А все потому, что деду Паве опять стало плохо. Каждое утро Люда вставала в

полшестого, варила что-то на скорую руку позавтракать дочкам, писала Юльке, что греть и как делать, и вырुливали на поселок Котовского – до вокзала на первом трамвае, потом электричка – в семьдесят уколоть Паву и успеть на семь сорок на следующую электричку, назад, на вокзал. И домой. Заплести Юлю в школу и вынести горшок, мыть, кормить Ксению Ивановну, потом базар и магазины с очередями, стирка постельного, готовка, обед Ксене и к вечеру – снова на далекое-далекое Бочарова: сделать два укола с лекарством и обезболивающим Паве на ночь. Домой она приползала в полдесятого.

– Людочка, – оправдывалась Нила в коридоре, утирая слезы, – он так мучается, кричит, стонет весь день. Я предлагала ему сто раз медсестру из поликлиники. Но где та поликлиника, пока мы ее дождемся. А так он ночью спит. Да он и не хочет никого чужого подпускать. Такой вредный стал – сказал, что все его смерти хотят, и только тебе он доверяет.

– Мам, да успокойся, – морщилась Люда, – я очень тебя люблю. Ну что ты бесконечно оправдываешься всю жизнь? Я все сделаю.

– Ну где, где эта падла маленькая? – подвывал вечерами Пава и тер бок. – Больно, больно, она что, издевается?! Ты весь день где-то шляешься, а мать твою... воды не допросишься. И эта зараза не спешит!

– Павочка, – уговаривала Нила, – ну так время только семь часов, она через часик приедет. Ну потерпи, зато будешь спать хорошо. Я тебе яблочко вкусное запекла. Будешь яблочко? Доктор сказал, тебе надо.

– Мне выпить надо, а не твое яблочко сраное! Всю душу мне вымотали! Ну где она?!

А потом звонила в дверь Людка. И Пава, подбоченясь, присаживался на кровати:

– Явилась – не запылилась! Вон, Нилка второй раз шприцы кипятит. Давай аккуратнее там! У меня уже места живого после тебя не осталось. Не мешок тычешь – в живого человека. Скоро ты там? Или я полночи кверху жопой буду лежать?

– Да я закончила уже, не выступай, – натягивала вечную полосатую пижаму на костлявую дряблую задницу Людка. – Давай выкарабкивайся уже, к юбилею надо готовиться.

На юбилей Пава пойти не сможет. Он с трудом дошаркивал от кровати до туалета.

– Не пойду я никуда, – объявил он Ниле.

– Ну, Павочка, ну как же? Как я без тебя? Ну что это за праздник? Я такси организую туда и обратно.

– Сама пойдешь. Я сказал. Ну что я буду мучаться и тебе праздник портить? Бухать мне доктор запретил, сидеть мне долго неудобно. На фига оно мне надо?!

– Павочка, но как же ты... Ты не обидишься?

– Да у тебя же юбилей! Иди, – он помолчит и добавит: – Иди, не бойся. Я не сдохну без тебя. Обещаю.

Праздник получится знатным. Дядя Федор взял на себя функцию тамады, а Люда – массовика-затейника. Паве она сделает двойную дозу обезболивающего перед поездкой в ресторан. Ее стенгазета станет гвоздем программы. После почетных грамот от завода, торжественных речей, двух перемен горячего, танцев и Людкиных конкурсов именинницу отправят на директорской «Волге» домой со всеми цветами и подарками. Она сгрузит на пол букеты и, скинув туфли, с грохочущим от вины и страха сердцем заглянет в спальню.

– Да ты шо, ходить сама можешь? Хреново погуляла, – услышала она родное ворчание. – Иди уже, ложись рядом. Я замерз.

На следующее утро Людка с собранными в судочки остатками банкета, как обычно, в семь десять будет звонить в дверь.

– С днем рождения! – завопит она весело.

– Люда... Павочка умер... полчаса назад.

Нила, рыдая, пойдет в комнату. На кровати, поджав губы привычной недовольной скобочкой, лежал Павел Собаев. С закрытыми глазами.

– Людочка, а что делать, его же надо обмыть, а я тут соседей не знаю... Куда бежать... Кого искать.

– Я обмою.

– Так родным же нельзя?

– А он мне неродной, – отозвалась Людка. – Давай костюм, рубашку. Ты скорую вызвала?

Нила, плача, покачала головой.

– Баб Женя! Баба Женя! Да брось уже свой беломор! Пойди в автомат позвони в скорую, а то мама совсем не соображает.

Евгения Ивановна кивнула и пошла переодеваться.

Нила, захлебываясь в рыданиях, рассказывала:

– Он всю ночь ворочался, потом под утро затих. В шесть проснулся, меня толкнул – говорит, писать хочу, а встать не могу. Я баночку принесла, подержала ему. Он меня поздравил, сказал: «Поздравляю, пенсионерка... Дай попить... а то сушняк, как будто я вчера квасил». Вышла я за водой. А он так дышит хрипло, и не отзывается, и умер... А я ничего не знала, что с ним делать, как помочь... Павочка мой...

– Да что делать? Тебе же врач сказал, что там цирроз печени. В любой момент мог помереть.

– Ты понимаешь, – плакала Нила, – ты понимаешь, как он меня любил. Он мне вчера поклялся, что не испортит праздник и не сдохнет, и дотерпел!

– И умер на твой день рождения. Все! Я молчу! – Людка поцеловала маму в растрепанную макушку. – Выходи, не надо тебе смотреть. Я позову, когда закончу.

Дед Пава по сравнению с тетей Ксеной даже мертвый был как пушинка.

– Ну прощай, Пава Собаев, не злись на меня. Я тебе тот топор отработала. А подарок ты маме хороший сделал. Ничего не скажешь. Отметился. Так, чтобы теперь каждый день рождения в поминки превратить.

В новом доме на самой окраине города были постоянные перебои с модным центральным отоплением. Вдобавок – электроплита. И если зимним вечером отключался свет, то завернутой в одеяло Евгении Ивановне Косько и кутающейся в безразмерную вязанку Ниле было совсем лихо.

Начались зимние вечера на Молдаванке в тепле и веселье. И Люда, и внучки уговаривали Нилу и Женю остаться на ночь, а потом еще на одну.

Новый год, разумеется, тоже отмечали все вместе на Мельницкой, как и восемьдесят три года подряд.

1984

Подавись

В дверь отчаянно трезвонили. Кто мог такое творить в семь утра? Выходной. Третье января.

– Топим, что ли, кого? – Люда, запахиваясь в халат, босиком выскочила в коридор. На пороге стояла Феня – Агафья Сергеевна Верба. Она шагнула в предбанник, чтобы не мерзнуть, и стала орать. По децибелам и лексике стало понятно, что она еле дотерпела до первого автобуса из Ильичевска.

Феня захлебывалась от возмущения. Суть ее пулеметной словесной очереди сводилась к следующему: Людке и ее бедным родственницам следовало зарубить на носу, что она подарила своему сыну две тысячи рублей на мебель не для того, чтобы всякие молдаванские прошмандовки спали на ее диване, а сыночку приходилось ютиться на полу!..

Люда так опешила, что не могла вставить ни слова. Фенин крик услышал не только весь двор, но и спящие на диване те самые родственницы, перепуганные насмерть внучки в дальней комнате и вылетевший пулей в коридор, мирно спящий на полу в детской сыночек Толечка.

Тот только успел рявкнуть:

– Мама, замолчи!

Но Феня успеет вывернуть на невестку всю накопившуюся черную вонючую смоляную ненависть. Она бахнет входной дверью так, что зазвенят стекла.

И, ликуя, пойдет через двор. Почти через сорок лет она таки утрет нос этой чванливой городской Евгене Ивановне со всем ее отродьем. И весь двор теперь знает об их позоре и Фенином достатке.

Людка от неожиданности, абсурдности и гадливости начнет безутешно рыдать. Она пропустила хук от свекрови. Это была победа нокаутом, потому что ровно через пять минут, застегнутые на все пуговицы, Нила с Женей уже стояли у дверей.

– Мама, мамочка, я тебя заклинаю, останься! Мамочка, не слушай эту суку!

– Дочечка, она права. Это ее диван. Мы поедем, – Нила пыталась выдернуть руку. Мадам Косько просто тянула ее за рукав на выход.

В комнате плакали девчонки:

– Нилочка, не уходи!

Обескураженный Толик наклонился над Людой:

– Ну перестань, слышишь? Что ты так реагируешь? Ты же знаешь, она больная на голову. Она всегда такой была. Это что, новость. Ну? Ну что ты ее слушаешь? Нила Петровна, простите. Мама не со зла...

Нила с Женей уехали. Толик отказался от завтрака и рванул в яхт-клуб, не зная, как реагировать и что делать, а в яхт-клубе всегда есть чем заняться даже зимой.

Людка подотрет слезы и пойдет в комнату Ксении:

– Доброе утро. Сейчас пишем, умываемся и завтрак. Кашу или яичко?

– Потом на горшок, посади меня, – кряхтя отзовется Ксения и уставится своими масляными черными глазами на Люду с распухшим красным носом.

– Люда, сейчас же. Ну, после туалета, конечно, бери мою сберкнижку. Ту, что на предъявителя, и бегом в сберкасса. Сколько она там вам дала? Две тысячи? Пойди и сними с книжки. Сегодня же поедь и кинь ей в морду. Веером, чтоб по полу собирала. Немедленно.

– Я... я не могу, – Людка снова начала плакать.

Ксения поморщилась и почесала правой рукой обвисшую левую:

– Так, давай не выпендривайся. Это мой подарок на Новый год, на Рождество, на что там хочешь. Пусть, тварь, подавится. Сегодня же! Обещаешь?

Людка кивнула:

– Сегодня не могу: сберкасса не работает, и деньги надо заказать.

– Завтра в восемь утра пойдешь. Книжку уже достань. Ах ты ж говно деревенское! Чего устроила! Не смей реветь, слышишь?! Не смей! Ты – Беззуб.

– Я Канавская.

– Ничего подобного. Где тот папаша твой! Ты – наша порода, наша кровь. Родственники ее не устраивают? Отлично. Она нам тоже не ровня. Отдай деньги, и пусть ноги ее здесь не будет...

Люда подошла к Ксене, та протянула рабочую руку, они всегда, как в армрестлинге, хватались друг за друга, и Людочка рывком поворачивала тетку с нерабочей ногой для обтирания и массажа.

Но сейчас Людка не тянула. Она обняла Ксенину мертвую левую половину и ткнулась мокрым лицом в макушку:

– Спасибо, тетя Ксенечка, спасибо.

– Не благодари. Горшок давай, а то сейчас авария будет.

Чтобы снять деньги, потребуется долгих три дня. Такую сумму нужно было заказать и получить на следующий день. Люда, оглядываясь, прижимала деньги под пальто и кофтой к груди.

Она не поедет в Ильичевск. Вечером выложит перед мужем две толстые пачки, переклеенные банковской бумагой.

– Вот деньги. Это теперь наша мебель, а не ее. Отдай ей завтра.

Толик с удивлением смотрел на деньги:

– Зачем? Где ты их взяла?

– Ксения подарила. Отдать твоей маме.

– Зачем? Ты что, не понимаешь?! Ей примерещилось что-то, ты что, ее слушаешь? Давно? Ну она такая. Не бери в голову. Верни деньги.

– Нет. – Людка завелась. – Или я сама ей повезу, но тогда будешь меня из милиции выкупать!

– Я понял, – Толик тяжело вздохнул. – Нет проблем. Завтра съезжу.

Он привезет деньги Фене и выложит их на кухонный стол:

– Вот, Люда просила передать. Тут две тысячи. – Помолчит и добавит: – Зачем ты это устроила? – И, не дожидаясь ответа, выйдет из квартиры.

А Людка в это время поедет на далекий поселок Котовского – плакать к маме. Уткнется в Нилины коленки и будет реветь, пока мама с бабой Женей не поедут вместе с ней домой, на Молдаванку.

Евгения Ивановна заглянет в комнату. Ее сестра сидела, припертая подушками, и смотрела телевизор.

– Спасибо, – скажет с порога Женя.

– Не за что, – не оглядываясь, ответит Ксения. – Я бы ее размазала, гниду. Ты-то чего молчала?

– А зачем? – Пожала плечами Женя, глядя в маленькое окошко своей бывшей комнаты. – Она для меня никто. Быдло необразованное и жалкое.

– А внучку не жалко?

– Внучка могла и ответить.

– Вот и ответила.

– Вот и спасибо.

Женя прикроет дверь и пойдет в гостиную. В этот вечер и во все последующие, оставаясь на ночевку, они вместе с Нилой, несмотря на уговоры Люды, будут ложиться только на пол в детской.

На следующий день, точно на Рождество, в дверь позвонили – на пороге с улыбкой, как ни в чем не бывало, стояла баба Феня.

– С Рождеством, будьте здоровеньки. Я вам пирожки привезла.

Согласно ее крошечному исковерканному жизненному кодексу справедливость была восстановлена и конфликт исчерпан. А значит, снова можно общаться с внучками. Если бы дверь открыл не Толик, а Людка, визит закончился бы не начавшись, а так Феня, весело щебеча, уже шла в большую комнату.

– О бабына радость! А я вам пирожков привезла. Твоих любимых. С творожком.

– Я не хочу пирожков, – раздувая ноздри и стиснув зубы, процедила Юля. – Я поела.

За эти четыре дня она услышала достаточно. Про деньги, про унижение любимой бабушки Нилочки и про то, как Феня ненавидит мамочку. К этому кошмару добавились и новые-старые факты – про сданного в интернат папу. В Людкиной версии это звучало, что она просто выбрала одного ребенка, а второго, нашего папочку, сдала в детдом, чтобы ей легче жилось. И про елку, которой никогда не было, тоже рассказала. Этого было достаточно, чтобы всем детским сердцем искренне и горячо возненавидеть бабу Феню.

Людка Верба – настоящий клятый молдаванский суржик – уже пришла в себя после пережитого и начала мстить. Разумеется, незаметно ударив по самому уязвимому месту противника – любви к внучкам.

Юлька отберет пирожок у Леси и вернет на тарелку:

– Леся тоже не хочет. – Она потянет младшую: – Пошли, чего покажу! – и вернется в свою комнату.

Люда не поверила ушам и выглянула в коридор. Увидев свекровь, она выпучит от удивления глаза и уйдет назад на кухню. А затем решительно вернется в комнату, плюхнется в кресло и врубит телевизор.

– Сделай потише, – попросит Толик.

– Не мешай смотреть наш, – Людка помолчала и подчеркнула: – *наш* телевизор – очень интересно.

Феня не спеша выпьет предложенного сыном чаю и, весело попрощавшись, уедет, так же демонстративно не замечая общего игнора.

– Простота хуже воровства, – резюмирует Ксения, когда Людка придет забрать поднос с тарелками.

Сколько хочешь

Если бы Фира Беркович видела, что вытворяет ее правнучка Люда, она бы точно выдала свое фирменное: «Наша порода». Людка, несмотря на тотальную нищету и вечное одиночество при живом муже, умела в лучших традициях молдаванского двора делать «праздник на всю голову» из ничего. И Юлькин первый юбилей было решено отметить с размахом, по-взрослому.

– Ты можешь пригласить одноклассников, – объявила она дочери.

– Сколько?

– Да хоть всех, – опрометчиво предложила Людка.

– Что? Правда можно всех? – У Юльки был очень дружный класс, несмотря на то что повторял в миниатюре всю социально-национальную разношерстность типичного молдаванского двора.

Отвечать за базар – тоже типичная дворовая черта. И Люда подтвердила:

– Ну все же не придут, – успокоила она мужа, но тут же добавила: – И не вздумай, слышишь, не вздумай сбежать в яхт-клуб. В этот день рождения ты мне нужен дома.

Действительно – из тридцати приглашенных явились всего двадцать шесть, в две смежные комнаты, в третьей осталась терпеть Ксения Ивановна.

После праздничного стола в комнату зашли Люда с Толиком с гигантской красной торбой, смутно напоминающей мешок Деда

Мороза.

– Итак! Игры! – объявила Люда. На всех предыдущих домашних днях рождения одноклассников взрослые ограничивались угощением, тортом и вселенским терпением, пока дети гоняли по квартире, лестницам и окрестным дворам. Так что конкурсная программа произвела неизгладимое впечатление и стала неожиданностью даже для именинницы. Люда ликовала – сюрприз удался. Начали с «Что сделать этому фанту?» – спасибо, баб Женя подсказала, когда ночью Люда засыпала над сценарием. Потом рисовали портрет по командам с завязанными глазами, как в заводском пионерлагере «Орленок». Разумеется, читали стихи на табуретке и получали призы – конфеты. И в финале самый крышесносный конкурс, моментально ставший хитом всех детских праздников, – «Срежь приз с веревочки». Толик достал бельевую веревку с подвешенными на нитках призами и подарками – шоколадные конфеты «Гулливер» и «Белочка», карандаши, модные ластикки, которые добыла Нила на заводе, крошечный клеенчатый блокнотик и еще какие-то невероятные детские сокровища. С Людкиными закройщицкими ножницами, с Нилиной косынкой на глазах ошалевшие гости под вопли остальных срезали подарки. После официальной программы, по замыслу Людки, гости должны были свалить во двор – выплеснуть конкурсный адреналин в активных играх, пока она перемывает тарелки и сервирует стол к чаю с тортом и эклерами. Но двор есть у всех, а настоящий корабельный канат в простенке между комнатами был только у Вербы. Балка перекрытия легко выдерживала вес до ста килограмм, это Толик рассчитал еще на старте. Поэтому ей были нипочем трое-четверо повисших обезьянами тощих третьеклашек, которые, улюлюкая, изображали Тарзана, отгалкиваясь ногами то от стены баб Жениной спальни, то от семейного яблока раздора – дорогой полированной молдавско-румынской стенки с хрусталем.

Когда гости ушли, Толик обнял Люду:

– Ты сумасшедшая.

– А никто не обещал, что будет легко, – вернула Людка его коронную фразу.

– Ты сумасшедшая мама. Я завидую нашим детям.

– Ну хоть у кого-то должны быть в детстве праздники? Так, не прижимайся, я заныкала у детей пару «Белочек» нам к чаю. Сейчас

подавишь.

Домой зашла Нила.

– Ушли? Ну слава богу. А мать моя где?

– Ой! – Людка со смехом прикрыла рот рукой. – Я забыла бабу Женю освободить. Она к Люське-морячке пошла. Пятый час там сидит. Надо идти спасать...

Нила сгрузила на сундук свою репаную сумку из искусственной кожи, пожала плечами: – Зачем ходить? – перегнулась через перила и завопила:

– Мама-а-а! Мада-аам Косько! Евгени-иия Иваноо-овна! Похатница вы наша! Домоой! Вечерять!

Через секунду в центре двора возникла с дымящейся беломориной Женя:

– Налейте мне срочно! У меня полная голова! Лучше бы я к Иде пошла. Она бы хоть давление померяла. А эта твоя приשמаленная подруга ни на секунду не умолкает. Попросила корни ей покрасить. Еще бы чуть-чуть, и я б ей рот пергидролем намазала! Интересно, она во сне тоже щебечет? Теперь понятно, чего ее муж в рейсе одиннадцать месяцев в году! Все! Сто грамм, программа «Время» и полная тишина! А что у меня со стеной в комнате?!

На розовых обоях с облетающей позолотой красовалась гигантская индийская мандала из серых отпечатков кед, сандаликов и тапочек с тридцатого по тридцать шестой размер.

– Мам, ты забыла, – Нила взяла ее под локоток и развернула к столу в гостиной, – это уже не твоя стена, а детская. Так что рюмка чаю и программа «Время».

С одесским приветом

Уже через месяц после дня рождения Юли Тося Верба засобирался на следующий кубок Балтики. После прошлогоднего триумфа добыть разрешения, автокран и командировочные было намного проще. И как всегда – отпуск за свой счет.

В четырнадцатых всесоюзных соревнованиях на кубок издания «Катера и яхты» приняло участие всего 95 крейсерских яхт. Помимо олимпийцев, питерских и местных прибалтийских гонщиков, прибыли

экипажи от Москвы и Тольятти до Владивостока. Победа Одессы вдохновила остальные яхт-клубы.

В этом году на борзых одесситов сразу смотрели с опаской. Но весь опыт местных спортсменов снова не помог. Маленький рыжий квадратный капитан с жизнерадостной улыбкой снова выиграл на своей старенькой «шестерке». Не только среди тридцати четырех яхт своего класса, но и Гран-при. Впервые главный приз покинул Прибалтику.

В отличие от прошлого года, всесоюзный журнал «Катера и яхты» в этом сезоне вместо одной строчки с результатом снизошел до большого интервью с победителем.

«...Яхта «Алмаз» второй раз участвует в Кубке Балтики. В прошлом году она также была победительницей в своей группе. Команда «Алмаза» – преподаватели и курсанты Одесского высшего инженерно-морского училища имени Ленинского комсомола. В училище парус в почете, его считают здесь прикладным видом спорта. Есть и свой флот – четыре крейсерские и несколько гоночных яхт, которые участвуют во многих соревнованиях, начиная от городских и кончая всесоюзными. На каждой крейсерской яхте по несколько сменных экипажей. Курсанты очень охотно идут на яхты. Капитану Анатолию Вербе пришлось устраивать конкурсный отбор, чтобы не обидеть желающих. И хотя в этом году команду составили курсанты 4-го курса судоводительского факультета с высокими профессиональными штурманскими навыками, они не выпускали секстанов из рук. Специфика яхты давала определенную практику: одно дело вести прокладку в штурманской рубке лайнера и совсем другое – брать пеленги и «сажать» солнце на горизонт с борта яхты.

На вопрос, в чем заключается секрет двукратного успеха экипажа старой «шестерки», капитан Верба ответил:

– Могу со всей ответственностью заявить, что мы выигрываем по крупницам, стараемся не упускать любую возможность, чтобы выиграть хотя бы одну минуту! А начинаем с материальной части. Если посмотреть на днище яхты, оно не отличается по гладкости от днища пластмассового гоночного швертбота. Даже такелаж для уменьшения сопротивления мы обтянули хлорвиниловой трубкой. Во время гонки у нас запрещены разговоры в кокпите и вопросы к рулевому. Рулевой, кстати, ведет яхту на вахте до тех пор, пока у него она «идет». Если нас

соперник начинает доставать, мы меняем рулевого, так как считаем, что он уже не может обеспечить необходимую скорость. Во время гонки в свежий ветер экипаж практически не спит, а работает с парусами либо откренивает судно. На руль в этом случае сажаем самого опытного. На фордевинде, наоборот, – на руле сидит яхтсмен, способный удержать яхту на курсе, а вот с парусами работают наиболее опытные члены экипажа».

Конкурс на «Алмаз» действительно был. Толик брал всех. Без разбора. Через пару недель оставались только самые сумасшедшие и упорные. Такие же, как он. Их он торжественно называл «пацанами». До пацана надо было дорасти. Один из его учеников после первой недели муштры и работы по двенадцать часов спросил у жены капитана: – А я что, не пацан?

– А ты, Шура, пока повидло из тубика. Терпи, – улыбнулась главная кормилица экипажа, выполаскивая в штольне жирные миски после курсантского обеда.

После «пацанов» особо заслуженные, те самые рулевые, становились «дядьками». Это уже почти на равных. Высшая степень уважения. Дальше были только «деды» – местные аксакалы.

И в этот раз Толик запретит делать гравировку.

– Вы правила помните? Кто выиграет три года подряд – заберет себе кубок навсегда.

– И что?

– Еще никому не удавалось выиграть два года подряд. До нас. Готовьтесь к следующему году, – рывкнет он по возвращении в Одессу. – Время уже пошло.

Порядочна жэнчина

Перед отлетом в Таллин Тося с экипажем снова перевезут Ксению Ивановну на дачу. Вместе с Людой и детьми.

– У-у-у! Опять дача! Ненавижу! – шипела Юля. – Мало того что никого нет, даже малых, так еще и ни одной книжки! – Два сборника страшных русских сказок под редакцией Афанасьева она трижды перечитала в прошлом году вместе со «Справочником садовода» и сборником рецептов для скороварки. – Мам, почему там нет книг? Даже взрослых?

– Я не знаю, – устало выдохнула Люда. – Там есть, но на английском. Дяди Сашины. Может, их начнешь читать?

– Мама! Она не хочет играть со мной в бумажные куклы! – кричала Леся, которой подарили набор с вырезанными парами в национальных костюмах. Пятнадцать республик-сестер в версии МЖ. Это тридцать персонажей. И все они ежедневно влюблялись, женились, изменяли, дрались, стоили козни и уходили страдать в новый абрикосовый лес рук. Количество комбинаций и смешанных браков было феерическим. Пары подбирались по цветовому соответствию костюмов. Игра ненадолго примирила сестер. А Люда продолжала спать с топором у кровати, тем более что неделю назад услышала вечером скрип досок и лай привязанной на цепи Альмы.

В вечерних сумерках на заборе, перекинув ногу, показалась фигура в спортивном костюме.

Людка, помахав топором, поинтересовалась, что, собственно, понадобилось вечернему гостю.

– Мак! – отозвался придурок с забора и протянул руку.

В середине огорода цвело несколько кустов бело-сиреневого садового мака. Уже образовалось пару зеленых головок.

– Не лезь сюда! Я тебе так отдам! Давай под забором жди! – прикрикнула Люда.

Тень на заборе качнулась и мяукающим блатным тягучим говорком отозвалась:

– Смотри, мля, там аккуратнее, головки не повреди.

Люда вынесет куст мака, как каравай, на лопате, прямо с куском земли, и откинет подальше.

– И шоб больше не приходил! Муж через полчаса вернется!

Она возвратится с топором в дом, не выпуская его из рук, закроет форточки, потом откроет, потом выйдет и спустит с цепи собаку, которая могла разве что зализать до смерти.

А потом сядет на стуле между гостиной и спальней, не выпуская свое оружие из рук:

– Тося, да сколько можно?! Ну почему я?! Почему я вечно одна?! Это когда-нибудь закончится?

Через пару часов, наревевшись и замерзнув, Люда решит, что пусть убивают, и ляжет на диван с топором под головой. Спала она чутко. Да и пройти по коридору от веранды к комнатам незамеченным было

невозможно – деревянные половицы вместе с платяным шкафом, стоящим в коридоре, громко скрипели и стонали даже под худосочной пятилетней Лесей.

Еще через пару дней, оправившись от испуга, в обеденный детский сон Людка прилегла с книжкой к дочерям на огромную спаренную кровать. Кого-то за забором лениво оббрехала старая Альма.

И тут в летней звенящей тишине раздался тихий, но совершенно узнаваемый скрип. Кто-то очень медленно крался по коридору.

Людка жестом показала дочкам: «Тишина!»

Юля накрыла Лесю с головой одеялом. Людка с грохочущим сердцем подхватила топор (как хорошо, что она его даже днем не оставляла на веранде) и стала за дверь. Главное, чтобы вор сначала зашел сюда, а не свернул через гостиную в спальню беззащитной Ксени.

Бесконечных несколько минут по коридору шаги замирали, и дальше кто-то пытался беззвучно скользнуть, но шкаф вздыхал, как обычно... Людка перебрала пальцами и вцепилась в рукоять до белых костяшек...

Дверь резко распахнулась.

Людка прыгнула вперед и чуть не рубанула в лоб свою свекровь.

– Ой! – отпрыгнула та. – Ты шо, совсем одичала – на людей кидаться?

Людка, опустив руки, закашлялась:

– Вы... ты... вы... вы как здесь оказались?

– Сюрприз! Сюрприз хотела сделать! Ну спасибо, что не зарубили, – Феня отвесила невестке поясной поклон.

Людка приходила в себя.

– Я что, калитку не закрыла?

– А шо там ее открыть веткой? – парировала Фе-ня. – Ты смотри, чуть смертоубийство не устроила, а еще обижается!

Она подожмет губу и выйдет подобрать на пороге дома свою сумку с пирожками.

Отбив визит вежливости, Феня одарит внучек десятью рублями. Каждую. За чаем узнает, что ее сын снова выиграл какие-то соревнования в Таллине, но вернется только через три дня.

На такую огромную сумму, особенно по детским понятиям, можно было неприлично кутить. И Люда, накормив Ксению и вынеся судно,

выедет на пару часов до большого магазина на шестнадцатой Фонтана. Там был промтоварный рай. Сестры проявили единомыслие и купили божественно воняющие неоновые краски в тюбиках, огромные папки с акварельной бумагой, и тут Леся подняла глаза и уставилась на верхнюю полку.

– Я хочу куклу, которая идет в тюрьму! – заорала она. – И тюрьму тоже! Обязательно!

Украшением витрины дачно-курортной стекляшки был настольный мини-бар в форме крепости с откидным подвесным мостом, служившим одновременно дверью башни. В средневековое великолепие помещалось четыре винных бутылки. Решетки на окошках, бойницы и черные цепи. Роскошная вещь. Рядом, с задранной ногой, стояла кукла в красном платочке и в сарафане в горошек. Кукла стоила дороже десяти рублей, а бар – больше ста. Праздничные покупки были омрачены.

– Я хочу ту тюрьму! – канючила Леся.

– Сейчас я тебя в нашу отведу, – устало пообещала Люда.

Когда Толик к выходным вернется из гонки, приехавшая мама Феня довольно погладит рукой металлический блестящий кубок, примет прибалтийский набор вышитых льняных салфеток и модные духи «Дзинтарс» и назидательно шепнет сыну на прощание:

– Очень порядочна жэнчина твоя Людка. Я тут заехала, – она замнется, – ну, заехала проверить, чтоб она себе хахаля, пока ты там уехал, не завела. А то кто тут в частном секторе уследит, – а нет. Не было никого.

1985

Лебединая песня

Разве можно сравнить Людкино добровольное дачное заточение с той одиночной камерой, в которой оказалась Ксения со своими царскими замашками, любовью к жизни и потрясающим бухгалтерским мозгом. Она тыкала палкой от швабры в маленький телевизор, переключая каналы, читала свежие газеты и несвежие журналы. Люда по ее просьбе приносила сто раз перечитанные книжки из семейной библиотеки. Ксения не могла двигаться, с трудом подписывала ведомость у почтальона, получая пенсию, но по-прежнему продолжала в голове считать. Шел третий год ее мучений в здоровом уме и полудохлом неподвижном теле. Если речь почти вернулась, то тело однозначно угасало – и ни массажи, ни упражнения, которые добросовестно каждый день делала ей Людка, не помогали.

Ксения сверху вниз внимательно рассматривала внучатую племянницу, которая, пыхтя, под «рельсы-рельсы, шпалы-шпалы», растирала ее ступни.

– Надо продать дом, – вдруг выдала Ксения Ивановна.

Людка от изумления перестала тереть теткину ногу и подняла глаза:

– Почему?

– Сезон. Апрель, лучшее время.

– Я не об этом. Зачем вообще продавать?

Ксения буравила своими масляными черными глазами Люду:

– Потому что. Ты там жить не будешь. Мне не жалко, но сад и Чубаевка точно не твое, да и родственнички, шакалы, как только я сдохну, отгрызут у тебя все добро с руками. Не справишься ты с со Светкой Панковой и прочими. Поверь, там одна Лидка чего стоит, несмотря на свои восемьдесят пять. Первая за долей явится.

– Подождите. Вы что, умирать собрались? Плохо себя чувствуете? Лето же впереди, дача.

– Не будет дачи этим летом.

– А как же Саша?

– Все так же, как и десять лет назад... Не вернется. Даже если он жив. Я бы тоже не вернулась. Где сейчас маклера собираются, знаешь?

– На проспекте Мира вроде, в районе площади Мартыновского.

– И на Черемушках. По пятницам, – отозвалась Ксения. – Откуда знаю? Газеты умею читать. Милицейские сводки очень полезная вещь.

– Я никогда, – Люда сглотнула. – Я не могу продавать. Я не умею.

– Я продам. Ты просто покупателей приведи. Ты будешь просто стоять с объявлением: «Продам каменный дом на Чубаевке». Будут спрашивать: сколько? Не говори, расскажи, что кирпичный гараж, сад, три комнаты и шесть соток. Если будут просить посмотреть – записывай телефоны, скажешь, перезвонишь, когда тебе будет удобно, потом можешь сказать: «Восемьдесят пять».

– Чего восемьдесят пять?

Ксения, вздохнув, посмотрела на племянницу:

– Тысяч рублей. Другие деньги у нас не ходят. Золото не интересует. Если начнут, что сильно дорого, скажешь: «Вы сначала посмотрите, а потом будете говорить, дорого или нет».

– Да у кого ж такие деньги огромные есть?

– Деточка... Ты в каком городе живешь? Просто поверь мне. Здесь таких сотни.

Когда Люда выйдет из комнаты, Ксения посмотрит ей вслед: и не просто сотни – тысячи. Бедный ребенок, ничего не видел.

Люда стояла рядом с Толиком. Тот храбро прикрепил маленькую картонную табличку прищепкой к лацкану плаща. По пятаку проспекта Мира недалеко от ресторана «Киев» бродили люди с такими же бумажками и жадно читали – что у кого. Несколько человек спрашивали цену, потом сокрушались, что это грабеж.

На третью неделю к Толику подошла пожилая мадам с потресканной кошелкой, но с алой помадной чертой, которая, набившись в морщинистые губы, больше напоминала кардиограмму.

– Наглость, конечно, несусветная. Но я бы посмотрела. В субботу, допустим, – Она вытащит из своей ровесницы сумки клочок бумажки с номером телефона и именем «Белла Матвеевна».

Люда спрячет записку в кошелек. Толик посмотрит на жену:

– И зачем? Ты ее плащ видела? У меня мама богаче одевается.

– Ты не понимаешь, – улыбнулась Люда. – Ты ее лицо видел?

- Ну, ровесница Октября, как минимум.
- Да она же копия Лидии Ивановны, Жениной сестры.

– Я же говорила: сейчас сезон, – спокойно отозвалась Ксения, выслушав подробный отчет. – Больше ничего не говорите, дом ей покажете, начнет торговаться, а она начнет и назовет где-то половину. Скажете, что вы помощники и можете к хозяйке отвести, но не сегодня, а в понедельник.

Все пройдет так, как расписала Ксения. Белла Матвеевна удивленно крикнет, осмотрит пристально Толика с Людой и согласится. Приедет она на Молдаванку при полном параде – в дорогом шерстяном костюме, импортных туфлях в тон, с бриллиантовыми сережками.

Люда занесет чай с печеньем и вопросительно посмотрит на Ксению.

– Выйди, пожалуйста, два динозавра поболтают немножко о своем, – улыбнулась Ксения в своем парадном атласном халате, в котором она принимала гостей до болезни.

Когда гостя, откушав чаю, выплывет из комнаты и удалится, попрощавшись с Людой, Ксения громко победно расхохочется:

– Господи, как хорошо! Как в юность вернулась! Люда, коньяк есть? Хочу рюмку. С лимончиком, и сахаром его присыпь.

Под коньяк Ксюха Беззуб с горящими глазами всем поделится.

Люда точно уловила сходство с Лидой Беззуб. Дама из того же теста, и она не покупатель, а... посредник. Тот самый черный маклер, которая для своих клиентов находит нужные квартиры и дома, торгуется и договаривается – оформить как дарственную или сделать псевдообмен. Все схвачено – и государственная нотариальная контора с месячными очередями. Статья за нетрудовые доходы Беллу Матвеевну не смущала – она в деле больше двадцати лет. Ксения за пять минут нашла общих знакомых и была удивлена, что они ни разу не пересеклись.

– И за сколько договорились, если не секрет? – спросила Люда.

Ксения с наслаждением сделала глоток коньяка и покатила его во рту, медленно проглотила и произнесла:

– Восемьдесят одна. Чистыми.

– Что значит чистыми?

– Значит, мы все подписываем за восемьдесят две пятьсот – и полторы отдаем этой Белле. Она торговала за семьдесят пять. Дошли до восьмидесяти и уперлись. Но она же как Лида, и платит ей комиссионные покупатель. Но я еще добавила. Я знала, что там бюджет побольше нашего ценника, а Лидка свое не упустит.

Сделка состоялась через две недели. Нотариус приехала на дом. Там же, на кровати Ксении, Люда и Толик пересчитывали пачки денег. Покупателем оказался неприметный лысый мелкий мужичок с остатками редких кудрей над ушами.

– Такое несчастье невзрачное и такие деньжища у него, – удивится после сделки Люда.

– Это цеховик. Ему не положено богато наряжаться. Хлопнут. Джинсы любишь? А он их шьет. На весь Союз. Типа посылочные. Надо было давить до восьмидесяти четырех, но боюсь, переговоры бы затянулись, а у меня времени мало.

– Это еще почему?

– Потому что. Подзадержалась уже. Так что готовься – скоро я «с вещами на выход». И кстати: я с нотариусом договорилась, она завтра придет – завещание оформим.

– Да какое завещание! Живите хоть сто лет!

– Не дай Бог! Паспорт свой на завтра приготовь. И двести рублей. А сегодня валите в сберкассу с половиной суммы. На свое имя кладешь. Завтра в другом отделении пусть твой Толик положит пятнадцать тысяч на предъявителя. Это... Эти пятнадцать не трогай. Если Сашка вернется, отдашь ему. Через день поедете еще в два отделения и еще две откроете. И не трясись так. Это просто деньги. Привыкай. Заслужила. И купи мне баночку красной икры. Сможешь достать?

Царствие небесное

Люда так и не поняла: Ксения Ивановна Панкова-Ильинская-Беззуб, ровесница революции, почувствовала приближение смерти, просчитала и внесла ее в графики, как в своих ведомостях, или просто, как обычно, сделала шахер-махер, чтобы все сошлось по ее хотению. Она умрет меньше чем через месяц после продажи дома, как будто он был ее клеткой и не выпускал на волю, держал на земле.

Утром тридцать первого мая она вдруг впадет в беспамятство – будет смотреть рассеянным взглядом сквозь Люду, не узнавать и кому-то улыбаться за ее спиной. Люда вызовет участкового врача, та послушает, безуспешно попытается задать вопросы и скажет:

– Готовьтесь. Похоже, она отходит.

Ксения проспит весь день, вечером проснется и внезапно спросит:

– А где мама?

– Чья?

– Моя. Чья еще? Мамочка, птичка моя, пришла меня проведать с папой и с Анечкой.

Людка побледнела, но любопытство победило:

– А Сашенька вас пришел проведать?

– Не помню. О, мама вернулась! Ты где так долго была? Да подожди меня!

Ксения смотрела в потолок и улыбалась. Она не слышала Люду.

– Мои дорогие! Вы пришли...

Она будет улыбаться весь вечер и всю ночь. А утром заявит в потолок с укоризной:

– Сашка! Ильинский! Ну наконец-то! Раньше не мог?

Кого она увидела – сына или первого мужа, – Люда так и не поняла.

Врач скорой, который приедет констатировать смерть, переберет пухлую папку с диагнозами, документами, инвалидностью первой группы, еще раз посмотрит на Ксению, лежащую на своих белых наглаженных простынях с монограммой. Фельдшер разведет руками. Врач выпишет справку и спросит у Люды.

– Мать? Бабушка? Свекровь?

– Нет, бабкина сестра.

Врач возьмет ее руку и пожмет:

– Я впервые за шестнадцать лет на скорой вижу такой уход. Ни пролежня, ни запаха. За родными так не смотрят. Мое уважение. От всего сердца.

– Она родная, – устало ответится Люда.

Ксения все распланировала заранее. Это поколение было готово к смерти в любой момент – от белья до украшений все было давно

сложено в похоронный набор и собиралось Людой под командованием Ксени еще два года назад.

– Такое чувство, что мы готовимся на свидание, а не на кладбище, живите еще триста лет, – огрызнулась она, когда Ксения забраковала пятую комбинацию.

– Ну все мои любимые там. Иди знай, – отозвалась та.

Сейчас она лежала при полном параде со связанными газовым платочком руками. В гроб она попросила положить фотографию Сашки и на протесты Люды: а вдруг живой? – парировала: – Тогда откопаете и достанете.

Лида приедет на поминки в сопровождении работницы соцслужб, будет Светлана Панкова, которая за три года ни разу не пришла проведать дальнюю родственницу, и даже... о чудо, Зинка Беззуб, Котькина вдова, рассорившая его с семьей.

– О, весь серпентарий в сборе, – выдаст Женя и затаится беломором: – Слетелись. Как же я хочу увидеть их лица. Можно, я скажу про завещание? Дай получить удовольствие.

– Да на здоровье, – отмахнется Люда, – я в ваших войнах не участвую.

– Хотелось бы взглянуть, – процедит Панкова-младшая.

– Придет время – глянешь, – заявила Женя. – А ты, Лидочка, тоже хочешь посмотреть завещание?

– Да мне все равно! На себя посмотри, Женька, думаешь, с Ксюхиными деньгами из грязи в князи выскочила? Огорчу – как была отребьем молдаванским, так и осталась. Я, между прочим, еле доехала! У меня давление!

– И возраст у тебя еще. Задумывалась, что ты старше усопшей сестры на семнадцать лет?

– Делать мне больше нечего! А ты, Женька, задумывалась, что мы одни с тобой остались. Из всех шестерых детей?!

– Да уж... – протянула Женя. – Кто бы мог представить.

– Так что там с завещанием? Что, правда, она все вам отписала?

– Людке. Все Людке – и движимое, и недвижимое.

То самое недвижимое, за которые гости точно собирались побороться, и Людино заявление, что дом Ксения давно продала, стало атомной бомбой за поминальным столом.

– В смысле продала? Когда? А деньги где? – поперхнулась дальняя родственница Панкова.

Люда заботливо подлила ей еще половник борща, который по баб Фениному совету подавали, «шоб парувало и душе легче отходить», и совершенно серьезно ответила:

– Закопала в парке Ильича. Что смотрите? Вы же Шерлока Холмса читали? Надо прятать на виду, – она понизила голос: – Знаете, где карусели на цепях в луна-парке? Вот половину там, половину на всякий случай под кегельбаном.

Женя, не удержавшись, фыркнула от смеха. Родственница побагровела:

– Ну-ну, посмотрим, кто последним посмеется!..

Все знали, что Ксения Ивановна со своим экономическим мозгом никогда не складывала яйца в одну корзину, и помимо дома у нее были и другие активы – золото, но до него не доберешься, его Людка точно сразу заграбастала. И вклады. В разных отделениях, в разное время не такие большие деньги, но тысяч двадцать пенсионного фонда Ксюха себе точно заначила еще во времена Панкова, да и мужнины накопления на себя переоформила.

Опротестовать завещание было крайне сложно, это понимали все опечаленные соискатели. Первый поход к нотариусу подтвердил: Ксения позаботилась не просто об официальной бумаге, но и о свидетелях ее завещания и о ее адекватности. Одним был ее участковый терапевт, а вторым – знакомый майор милиции.

Поэтому перед тем, как начинать судебные тяжбы, надо было оценить, о какой сумме вкладов идет речь и сможет ли она перекрыть все правые и левые расходы.

Кто сказал, что в Сберегательном банке чтили тайну вкладов, тот никогда не проверял волшебную силу двадцатипятирублевой купюры, а в тяжелых случаях – чудодейственных ста за информацию.

Кто, как не Лида, поднял все оставшиеся в живых связи, кто, как не Светлана, пошел низами – через кассиров. Ничего! Ни копейки! Да, есть крупная сумма, которую Верба положила на свое имя пару месяцев назад, но это ее вклад, не наследство. Не докажешь. А Ксенины деньги бесследно исчезли. Видимо, эта Люда со своим спортсменом была хитрее, чем казалась.

Лидия Ивановна Ланге, выслушав горестные отчеты помощницы, философски вздохнула:

– Ну значит, наши таланты к гешефтам передались через поколение. Тоже неплохая новость.

В одночасье разбогатевшая Люда Верба о таких финансовых катаклизмах у нее за спиной узнает чисто случайно, когда пойдет снимать проценты по старым Ксениным книжкам перед Новым годом на подарки.

– Панкова, там надо переоформить на Вербу и проценты снять, если можно.

Кассирша вспыхнула:

– Да вы достали уже со своей Панковой! Когда уже угомонитесь! Полгорода ее деньги ищет! Нет ничего!

– В смысле нет ничего?! У меня книжка ее!

– Где?!

Людка сунула в окно книжку Ксени, свой паспорт и завещание. – Вот, я не переоформляла. Не надо было пока...

– Вы что, слепая? – продолжала бухтеть кассир. – Вот что написано? Ильинская! Какая Панкова? И в завещании вашем – Ильинская! Что, не знали, как благодетельницу звать?

Никто не даже не думал и тем более не смотрел, что Ксения Ивановна не поменяла во втором браке фамилию. Во-первых, куча переоформлений, во-вторых, разные фамилии с влиятельным мужем – меньше шансов у всех проверяющих и, в-третьих, главная причина, в которой она признается только будущему мужу, – сын с фамилией Ильинский.

– Ты понимаешь, мы с тобой будем на одной, а он совсем один на другой. Как будто я не его мама. Понимаешь? Я видела Людку Канавскую у Нилы Собаевой. Женя жаловалась, что девчонка в обиде однажды лягнула, что она ничейная и ненужная в новой семье. И не важно, сколько ему лет. Я останусь Ильинской, но только твоей...

Почтальон, которая приносила пенсию, называла клиентку с щедрыми чаевыми только Ксения Ивановна, а Люда на такую ерунду, как фамилии в документах, внимания не обращала.

Отдохни

Люда наслаждалась внезапно свалившейся на нее свободой и не вполне понимала, что с ней теперь делать. Как локомотив, который разогнался до максимальной скорости, она после смерти Ксении продолжала лететь в прежнем графике. Тратить деньги и уходить в загул она не умела и не собиралась, работать на предприятии не было необходимости – процентов со всех вкладов хватало на приличную зарплату для домохозяйки. Первым делом, получив наследство, она проведет в квартиру телефон (взятка в триста рублей сильно ускорит Нилину очередь) и спросит всех домашних об их главных «хотелках». Юлю можно было не спрашивать – она мечтала о взрослом велосипеде, потому что Леськин «Зайка-2» был уже таким крошечным, что колени нависали над рулем. Леся, как и положено в семь лет, по семейной традиции попросила пони или в крайнем случае попугая какаду и собаку. У взрослых с тайными желаниями было еще хуже. Толик удивился – у него все есть, тем более Люда успела связать всему экипажу на тончайших спицах-двойке ультрамодные сине-белые шапки фасона «петушок» с бортовым номером «Алмаза» на боку – высший шик на грядущих соревнованиях.

– Мам, о чем ты мечтаешь? Любое желание! Понимаешь, я сейчас могу исполнить любое твоё желание! Ну! Ну помоги мне. Что? Круиз по Крымско-Кавказской на пароходу? Ты же всегда мечтала. В люксе? Хочешь?

Вот тогда, задыхаясь от слез и стыда, Нила признается, что на ней висит огромный долг.

Практически на каждом предприятии еще с шестидесятых создавались кассы взаимопомощи – официально разрешенные добровольные кредитные общества. Касса создавалась по решению профсоюзного комитета при наличии на предприятии не менее 15 членов профсоюза, желающих быть ее членами. Ее регистрировали в ближайшем профкоме.

При вступлении в члены кассы взаимопомощи все платили вступительный взнос в размере 0,5 % месячного заработка. Потом столько же выплачивали ежемесячно как членские взносы. Член кассы, сделавший 50 ежемесячных взносов, по его желанию освобождался от дальнейшей уплаты взносов, и ему предоставлялось право первоочередного получения ссуд. При выходе из рядов членов кассы

взаимопомощи выбывшему возвращались все уплаченные им членские взносы.

Чем было удобно? Кому срочно нужны были деньги – получали беспроцентную ссуду или даже безвозвратное пособие. Задолженность по ссудам взыскивали в бесспорном порядке (по исполнительной надписи нотариальной конторы) или через районный (городской) народный суд. Такая касса была и на Нилином заводе, и казначеем была она. Ссуды народ брал редко, а деньги каждый месяц прибывали. Сначала Нила стать брать по десять рублей до зарплаты и класть на место, потом, когда Пава слег, – больше. Она в своем пенсионном возрасте оставалась тем же ребенком, что и в юности, живя сегодняшним днем, не понимая будущей ответственности или пряча ее, как первоклашка дневник в дальний угол шкафа.

– Сколько? – спросила Люда плачущую маму. – Сколько ты должна?

– Три... – прошептала Нила.

– Три чего? Сотни?

– Тысячи, – разрыдалась Нила.

– Фу, слава богу, – выдохнула Люда. – Прекрати немедленно, сейчас я принесу, положишь на место. Слава богу, что тебя не поймали. Ты когда их взяла?

– Давно. С твоих первых родов, с Юльки, по чуть-чуть, я хотела откладывать, но не получалось. Доченька...

Нила схватит жесткие от постоянных стирок ладошки Люды с выработанными узловатыми суставами.

– Дочечка, спасительница моя, – она попытается поцеловать руки.

– Да ты что?! Мам, прекрати! Я тебе что, поп?! Ну перестань, ерунда же! Ну есть у нас теперь такие деньги. А что, за двенадцать лет вас не проверяли?

– Кто? Там в проверяющих я и Ромка. Он мне поручал и подписывал. Господи, я думала, меня посадят, и позор на всю семью! Доченька...

– Никого не посадят! Это мы завтра утром решим. Так что насчет путевки?

– Ни за что! Я и так тебе по гроб жизни обязана.

– Ладно, – вздохнет Люда, – сама что-нибудь придумаю.

– Ты себе придумай уже что-нибудь, Данко ты наш! Ты лучше поедь куда-нибудь отдохни.

И Люда решила наконец-то вырваться с Мельницкой. Тем более Тося в третий раз ехал на свой Кубок Балтики. Добыть билеты в звездную прибалтийскую почти за границу за две недели до соревнований со всем обаянием Люды и заходами Толика не получилось – добыли только СВ обратно.

– Гулять так гулять, – заявила Люда.

В Таллин нашелся маршрут с пересадками. Быстрый и страшно дорогой – сначала самолетом в Москву, а потом из Москвы в Таллин. Люда, просидевшая последние три года в заточении, наплевала на крупные расходы в виде целых пятидесяти рублей.

Нила чуть ли не силой заставила ее купить новый плащ – «такой красивый, мягкий, почти кожаный» – и поклялась следить за внучками все десять дней долгожданного путешествия.

К вечеру раздастся звонок – из Москвы позвонит Толя, который приедет специально, чтобы встретить жену и дальше ехать вместе.

– А Люда уехала?

– Люда уехала в аэропорт восемь часов назад, – прошептала Нила. – Она что, не прилетела?

– Да нет, я тут опоздал, а ее рейса не было чего-то. Та я думаю, все нормально, просто про задержку не объявляли, – не очень уверенно, но бодро врал Тося.

Нила положит трубку, перекрестится и начнет звонить в аэропорт.

– Женщина, все улетели, не морочьте голову, – отрежет справочная служба, когда через полчаса Нила дозвонится по 007 в аэропорт.

Нила второй раз не сможет попасть пузырьком с корвалолом в рюмку и попросит Юлю накапать пятьдесят капель.

– Нила, что случилось?

– Все нормально. Что-то сердце шалит. На погоду, наверно, – отмахнулась Нила и устала на телефон.

Через четверть часа позвонит Люда:

– Все отлично! Прилетела, рейс немного задержали, но мы уже вместе и поездом едем в Таллин. Чего поездом? Ну, мама, догадайся, час в самолете или вдвоем в поезде?

Нила выдохнет и накапает вторую порцию.

Когда счастливая Люда вернется в Одессу, она привезет вместе с яхтой в том же грузовом вагоне «с okazji» множество крупногабаритных сокровищ – три ящика модной маленькой кафельной плитки размером пять на пять, чтобы наконец-то привести ванну в порядок, и складной велосипед для Юли и духи всем взрослым.

Нила посмотрит на дары и строго спросит:

– А себе? Что ты купила себе, мишигинер?

– Вот! – Людка с гордостью достанет две янтарные брошки. – Одна мне, вторая на подарок кому-нибудь.

– И это все?!

– Почему?! – обидится Люда. – Вот еще! Ты смотри, какая красота, – она вытащит два номера самого востребованного и редкого эстонского журнала по вязанию и рукоделию «Kasitoo».

– Даже с выкройками! Это же просто бомба! Вязать – не перевязать!

После раздачи подарков и чаев Нила, отправив внучек спать, устанет на дочь:

– Колись давай.

– Ты о чем?

– Я о самолете. Вус трапылось? У меня чуть сердце не выскочило. Не врать мне. Там херня какая-то приключилась. Я думала, умру от ужаса.

– Ладно, – Люда вздохнула. – Авария была. Мы взлетели, потом шасси не пряталось одно. Нам сказали, будем садиться обратно. Пошли на посадку, а второе не выпускается. Два с половиной часа кружили над Одессой, чтобы горячее вылетать. Мамочка, так страшно было... А мне жалко. Я в плаще новом, первый раз надела, и никому не останется, если я шмякнусь. Я на всякий случай сняла серьги Фердинандовны и обручалку, в бумажку завернула и в сумку в кармашек положила. Думаю, если сумка с паспортом останется – вам отдадут, я тебя знаю, ты бы с трупа не снимала. Две стюардессы – молодая и старая. Молодая – глаза как блюдца от ужаса, ходит улыбается, просит всех сесть и пристегнуться, потому что кто-то крикнул, что в хвосте безопаснее, и все туда помчались. Все плачут, орут, и старая стюардесса, воет за шторкой, что ей два месяца до пенсии – она не хочет подыхать... И... – Люда сглотнет, – и пьяница

летел. Мужик бухой в зюзю, его в самолет чуть не тушкой загрузили – он храпел сначала на весь салон, а потом вдруг проснулся и заорал: «Какая падла проклятая здесь летит?» Аж все замолчали.

– И что?

– Мам, это же я... понимаешь? Я та падла проклятая, они же меня все за наследство проклинали. А еще сон...

– Какой сон?

– Я, когда на сносях была с Юлькой, мне сон страшный приснился. Голос в темноте говорит: ты умрешь через двенадцать... а чего двенадцать, не сказали. Я никому не говорила, чтобы вы не боялись, но подождала двенадцать дней, потом забыла, потом год прошел, и я вообще забыла. А он когда крикнул... Ты понимаешь? Я вдруг поняла – двенадцать лет прошло. Мы сели за взлетной полосой в поле вспаханное. На брюхо плюхнулись, и на выход подали горку надувную. Ты не представляешь – там скорых, пожарных... Всех нас ловили, по отдельным машинам рассаживали, вода, бутерброды... Всем – лучшие места на ближайший рейс... Больше половины лететь отказались. Мы с пьяницей потом вместе в следующем сидели. Нас там как послов кормили и коньяк подали...

Людка всхлипнула и хихикнула:

– Пьяница волшебный – ты понимаешь, он крикнул и проклятие разрушил. Долетел до Москвы трезвый как стекло и сказал стюардессе на прощание: «Вы так ухаживали, что я за рейс поправился на два килограмма!» Она ему: «Ну это же замечательно!» А он в ответ: «А в том – на пять кило обделался...»

– Так что, – Люда задумчиво подняла открытку, нарисованную Юлей, на нем на фоне самолета она в новом плаще с модным серебряным шарфиком десантировалась с парашютом, – картинка практически с натуры...

Франтик

Люда продолжала исполнять заветные мечты. И следующей в списке стала... собака. Нила прикатит домой на служебной «Волге», выданной директором завода для такой миссии – в ее сумке на батистовом носовом платке сидело черное недоразумение в ладонь размером.

– Недорого. Тридцать рублей всего. Сказали – это породистый, пинчер! Будет маленький.

Лесенька, которая до появления собаки выучила на память справочник собаковеда с описанием пород, обцеловав подарок, выдала:

– А это не пинчер! У него грудь белая и ноги как в носках белых. У пинчеров такого не бывает!

Женя переглянулась с Людой, и обе посмотрели на Нилу:

– Ну, мне так сказали... Хотите, я его завтра обратно отнесу?

– Нет! – хором завопили Юля и Леся. – А как мы его назовем?

Конкурс имен для псевдопинчера по драматизму и количеству вариантов перебил даже выбор имен для обеих внучек, вместе взятых. Выиграла внезапно баб Женя:

– Да вы посмотрите на него!

Ушастый, как летучая мышь, щенок сидел на мягкой тряпочке, вывалив кончик языка, с глупейшим выражением морды:

– Чистый франт – в манишке и носочках. О! Франтик!

Пес радостно примчался к Жениным тапкам.

– Вот! Видите – ему нравится, – торжественно изрекла Женя.

Франтик, несмотря на сомнительное происхождение, вел себя как и положено всем мелким собачьим аристократам: истерил на любой посторонний звук, самоотверженно бросался грызть тапки всех, кто посягнул на охраняемую территорию или на его миску, и признал единственного вожака стаи... Нилу. К остальным относился с вселенским презрением. Как он чуял свою богиню за два квартала от дома, никто не знал, но за десять минут до ее появления он начинал истошно лаять, путаться в занавеске, потом кубарем скатывался с лестницы и мчался в подворотню, куда, задыхаясь и колыхаясь, входила Нилочка. Франтик прыгал, писался, полз перед ней попластунски попой вперед и потом, обессилев, падал к ногам. Подняться сам по лестнице он не мог – ступени были этому зверю по грудь. Поэтому, залиvisto хохоча, у двенадцатой квартиры появлялась Нила. Сверху на ее сумке сидел и так же тяжело дышал ее верный пес.

– Собачка-звоночек, – сцепив зубы, называли его Анна-вторая, младшая Голомбиевская, и баба Таня, когда Франтик в семь тридцать утра истошно горевал вслед уходящей на работу Ниле. Баба Таня, правда, со вздохом добавляла: – Шоб ты сдох!

Громче Франтика вопила только баба Шура, которая в четыре утра приходила из привокзальной забегаловки после смены. Но однажды Франтик внезапно замолчал. Юля и Леся оббежали всю галерею аж до бывшей Гордеевской квартиры и спустились вниз.

– Мам! Он пропал! Его украли!

– Да кому он всрался? – вздохнула Люда и, вытирая руки о фартук, вышла на галерею и заорала сладким голосом:

– Франтик, Франтик! А где моя собаченька? А где моя падлюка маленькая?

Она спустится вниз, обойдет двор и вернется к лестнице. Между квартирой Дуси и проходом в подвальную каморку бабы Шуры рос старый куст дикого винограда. Каждый год он взбирался по колонне и обнимал, укрывал чугунные перила галереи. Что с ним баба Шура ни делала – он выживал и перекрывал последние солнечные лучи в ее слепое окно над дверью.

– Что, насыпали уже?

На асфальте у винограда была рассыпана сода. Людка ногой на всякий случай подвинула виноградную плеть и вскрикнула – под виноградом калачиком лежал этот домашний килограмм ярости в луже крови.

Ветеринарная клиника была только в зоопарке. Люда справедливо решила, что собака не доживет, и, подсунув под Франтика дощечку, помчалась с ним в домашнем халате и тапках в детскую поликлинику.

– Да вы что?! – возмутились в регистратуре. – Собаку дохлую нам притащили!

– Счас ты сдохнешь, – пообещала Люда в окошко и рванула дверь хирурга-травматолога. На счастье, он с утра был без пациентов.

Слезы и червонец, и вот хирург уже сможет рассмотреть свежий рентген с Людиной рукой и свернутым в узел собачьим скелетом.

– Ну все, – изрек он. – Приплыли тапочки к обрыву. Видите это? – Он ткнул в кукольный череп. – Это трещина через всю башку. Не жилец. Вы домой его не несите, чтоб дети не плакали.

Но у Люды был справочник судебного врача с рекомендациями по скорой помощи в экстремальных условиях.

– Ждать, лежать! – скомандовала она собаке, укладывая пока еще живого, но неподвижного Франтика в коробку, и помчалась в аптеку.

К вечеру наступил кризис, недопинчер стал сипеть и задыхаться. Сплюнув шерсть и оглянувшись на Нилу, Толика и детей, Люда выдала:

– Я думала после Ксени, что уже все делала. Но искусственное дыхание собаке рот в рот? Вот на кой оно мне надо? Мама, дай самогонки и чайную ложку.

Люда хлебнет сама из горла и вольет пять грамм в рот Франтику, тот закашляется и чихнет.

– Ага, вот и хорошо. Только попробуй мне после всего сдохнуть!

Авторский курс из антибиотиков, поддерживающих мозговую деятельность лекарств, оставшихся от инсультной Ксени, и народных средств, которые Люда пересчитывала на вес собаки, неожиданно совершил чудо. Пес не сдох. Через две недели он встанет и начнет кружиться на месте.

– Люда, ты что, соскучилась? Нового пациента решила завести? У него с координацией труба, – шепнул Толя. – Не мучай животное.

– И что, второй раз скинем? Чтоб наверняка? Я лучше эту суку с первого этажа добыю – это ж она его под виноград затолкала и место присыпала. Не удивлюсь, что она его и скинула. Пойти ей, что ли, дверь детским говном намазать?

Гены Лёльки Гордеевой и Фиры Беззуб смешались в Люде в удивительный, но очень узнаваемый коктейль.

Ей понадобится еще месяц, чтобы весь двор снова услышал знакомый пронзительный лай. Правда, теперь Франтик бился в истерике, уже привязанный к сундуку на коридоре в импровизированной сбруе. Длины хватало, чтобы гулять по галерее и в случае чего не долететь до первого этажа полметра. Как сорок лет назад ее бабка, Люда обопрется на перила и, наклонившись, крикнет на весь двор:

– Кто еще раз тронет мою собаку – убью! Найду и отравлю!

1986

Трофеи

Феня Сергеевна Верба маялась в Ильичевске. Вот и все уже есть – и своя квартира, и палисадник с тюльпанами, и приличная пенсия, и деньги на книжке. Но скучно. Она вязала крючком салфетки из ниток кроше или ириса по схеме, любезно подаренной Евгенией Ивановной.

– Но тут много сложных на спицах. Даже я их не осилила, – бросила мадам Косько, одарив сваху парой старых журналов по вязанию. Этого было достаточно. Чем снова победить «городскую» и заносчивую Евгению, Феня не знала, но тумблер повернулся, и она по складам перечитывала, водила пальцем по схеме и, распуская, перевязывала до бесконечности, пока не научилась вязать те самые сложные салфетки на восьми спицах из тончайших ниток. Под воркование телевизора она, как паук, навязала их под сотню – от небольших до метра в диаметре. Это ж какой подарок хороший – и красиво, и полезно, и очень выгодно. Нитки-то копеечные, а труда много – радовалась Феня. Но и салфетки с побежденными схемами тоже закончились. И Феня нашла себе сезонную подработку – уборщицей на пляже.

Гуляешь на свежем воздухе, палкой с иглой на конце подбираешь бумажки – дело важное, и зарплата капает. Однажды ранним утром случилось чудо. Намазанная против солнца и веснушек сметаной Феня бодрым шагом, пока не жарко, шла по пляжу с мешком в одной руке и импровизированным гарпуном в другой. Она тыкнула торчащую у топчана бумажку и вдруг вытащила десять рублей! Вот это удача! И Феня Сергеевна стала выходить не на работу, а на охоту за сокровищами. В удачные дни можно было найти пляжное полотенце, модную косынку или складной стакан, про детские игрушки она вообще не вспоминала – их было много. Теперь, приезжая в Одессу, Феня с торжественным лицом вынимала, помимо фирменных сдобных пирожков, свою добычу и одаривала трофеями и внучек, и сына с невесткой.

– А что это? – настороженно спросила Люда, разворачивая вязанку, на которой с мясом и нитками были вырваны пуговицы.

– Ну... – засмушалась Феня, – не знаю, может, муж кому-то так любовь показывал. Ты бери, не стесняйся. Вещь отличная, а пуговицы другие пришьешь.

– Вы это тоже на пляже нашли? – продолжала допытываться Люда.

– Почти. Рядом.

– Рядом с пляжем, в кустах, что ли? – Людка брезгливо отодвинула кофту.

– Каких кустах? На мусорке вот с самого краю лежала. Я ее постирала, между прочим. – Феня решительно подвинула подарок. – Хоть бы примерила.

– Муся... – вздохнул Толик. – Мамуся, давай я тебе дам денег.

– Зачем? У меня отличная пенсия, и зарплата, и книжка...

– Я знаю, – скрипнул он зубами. – Сколько тебе нужно в месяц, чтобы ты так больше не делала.

– Да как – «так»?! – вспыхнула Феня.

– Не рылась в мусорках! – рявкнул Верба.

– Да можно подумать! Аристократ нашелся! Людям не надо – они вынесли. Другие взяли!

Феня не понимала, почему ее такое прибыльное хобби так огорчило сына.

Сколько можно?

Соревнования в яхт-клубе теряли смысл – Верба на своем «Алмазе» выигрывал все подряд. Правда, на Балтике в прошлом году они заняли третье место, потому что поменяли правила. Гандикап – учет различных факторов и коэффициентов, который может повлиять на результаты финиша. Например, ты пришел первым, но с учетом коэффициентов тебе добавили еще пять минут, и ты оказался третьим. Толик все равно негодовал:

– Значит, надо было на час всех вставить, чтобы по-любому первые! Вон у Ленина брат в царя бомбу бросил, а он экзамены в гимназии на отлично сдал! Представляешь, как его там валили?

– А может, при царе учителя были порядочные? Дворяне все-таки, с кодексом чести, – невозмутимо поддразнивала его Люда.

Но этим летом Верба решил далеко не ходить и выиграть кубок Черного моря – вторые по престижности соревнования Союза. Тем

более в родной акватории. Кубок проходил с 1981 года под эгидой газеты «Водный транспорт». В прошлом году, пока Тося был на Балтике, дома поставили рекорд по количеству участников – больше ста яхт и тысяча яхтсменов, правда, гонялись все в разных группах и классах. После Балтики Толик Верба получил к своему кандидатскому диплому другую заветную корочку – «Мастер спорта международного класса» и еще до старта «делал нервы» остальным участникам.

100 миль гонки от яхт-клуба до острова Березань, потом Каролино-Бугазская коса и обратно в Одессу.

Он выигрывает, несмотря на шквал с ливнем, который ломал мачты и рвал паруса.

«Ну сколько можно? Вечно вся драка за второе место», – ворчали коллеги.

А потом, в те самые августовские пять дней затишья между гонками, Толик вдруг решит провести время с семьей. Это будет первая совместная поездка с женой и детьми. В Киев. Друзья, внезапно рванувшие из столицы, на все лето оставят свои ключи.

Вывалившись из поезда, дочка Вербы восторженно загалдят:

– Ого! Как чисто! Пап, смотри, они асфальт из душа моют!

– А почему он с хоботом? Что за наряд? – поинтересовалась Леся.

В августе 1986-го солдаты в костюмах химзащиты и противогазах мыли площадь у центрального железнодорожного вокзала. Шел четвертый месяц после взрыва на Чернобыльской атомной электростанции. Вся техническая интеллигенция, имеющая доступ к дозиметрам, в спешке вывозила жен и детей подальше от Киева. Но одесситы о такой напасти не знали и гоняли босиком по ботаническому саду и склонам возле лавры.

– Ну, что вам понравилось в столице больше всего? – спросит Нила.

– Андреевский спуск! Он похож на Одессу, – отрапортует Юля.

– Запах метро, – вдруг скажет Леся.

Горячий, металлический, с порывами ветра из тоннелей и двумя кругами света, с зубчатыми ступенями эскалаторов и прохладными голубыми жетонами с каштановым листом – метро было настоящим невиданным для Одессы волшебством.

Сука неприятная

Люда понемногу привыкла к богатству. Она вдруг осознала, что в ее кошельке всегда есть сотка – ползарплаты ее мужа. И она может не считать деньги, планируя обеды и ужины на шесть человек. И что делает богатая одесская женщина? Идет на Привоз за самым лучшим. Можно не стоять два часа в очереди за сыром или покупать двести грамм докторской колбасы, а есть каждый день как на праздник – с копченым мясом и крестьянской мясной колбасой. Вот за этой царской едой на утренние бутерброды Люда и поехала с Юлькой, которая хвостом всегда таскалась за мамой.

Люда Верба, которая после смерти Ксени набрала вес на грудь и бока и наконец-то купила себе дубленку, наклонилась над прилавком попробовать мясной балык. Она скорее угадала, чем почувствовала, и, рефлекторно прижав локоть, схватила за запястье чью-то руку у себя в кармане.

– Ах ты сука неприятная! – крикнула она, не ослабляя хватки, и обернулась. Длинный тощий мужик пытался вырваться из ее стальных пальцев. Если выкручивать вручную по два комплекта постельного белья после стирки, полоскания и крахмала каждый день три года подряд, то можно хоть отжиматься на пальцах, хоть арматуру гнуть, а тут какой-то жалкий карманник, который с ужасом продолжает сжимать в кулаке Людкин батистовый носовой платочек.

– Сама сука! – и он вдруг поперхнулся: – Людочка?!!!!

– Сережа? – От удивления Люда разжала руку. Юля с интересом смотрела на явно криминального типа в спортивных штанах и замызганном пиджаке. Вор густо краснел:

– Люданя, я тебя ваще не узнал! Богатая будешь!

– А ты это... – Люда пыталась подобрать слова. – Того? Давно?

– Да откинулся неделю назад. Вот третий день в городе. У мамы в Ильичевске завис. А вы как там?

Продавец и Юля ошарашенно смотрели на эту светскую беседу.

– А Толян вечером дома? Можно, я завтра зайду? Часиков в семь?

– Ну да... заходи, – теперь покраснела Люда.

– А вот знакомься. Невеста моя, Ленка, – Серега махнул рукой, к нему подкатилась круглая, как колобок, молодуха в необъятном плаще.

Когда они выйдут из корпуса, Юля с удивлением спросит.

– А кто это?

– Это... папин брат. Старший, – медленно ответит Люда. – Он вор-рецидивист.

– Он что, хотел кошелек у тебя украсть?!

Люда хмыкнула и сунула руку за пазуху:

– Ага, сейчас. Я что, вчерашняя – на Привозе кошелек в кармане носить? Тем более в правом.

– Хреновый из твоего брата карманник, – выдаст она вечером Толику. – Ни на лица не смотрит, ни на руки.

– Ну, понимаешь, Косточка, то, что ты в плюс пятнадцать в дубленке, любого с толку собьет. Как там в мультике: «Я таперича знатна мадама в модном туалете»? – хихикал смущенный Толик.

– Посмейся еще. Позорина какая. Вот как в такой ситуации реагировать? Он еще и в гости завтра придет.

– Он мой брат. Другого нет и не будет. Прости, родня у меня подкачала. Но уж какая есть.

– Мне достаточно, что ты не такой, – погладила его по плечу Люда. – Теперь два вопроса: что готовить на завтра на праздничный ужин? И что делаем? Я, типа, тебе не рассказала?

– Просто не вспоминаем.

Сергея придет не только с Ленкой, но и с братским подарком – было видно что он очень старался сгладить и компенсировать случившийся конфуз. Он вручит Люде: – Ну ты это... зла не держи, – промасленный тяжеленный сверток. Это будет роскошный набор для кухни – лопатка для подачи, гигантская двурога вилка для мяса и топорик-колотушка для рубки и отбивания битков. На стали – тончайшие затейливые гравировки, все острые части заточены, как бритва, а ручки – наборные с плексиглазом, эпоксидной смолой и ярко-малиновыми розами внутри. Такие розы, только намного мельче и бледнее, Юля видела только у особо модных таксистов на набалдашнике вместо переключателя коробки скоростей.

Удерживать инструмент было тяжело – килограмм пять каждый. Но красота – неопишная. Вот такие бы розы да на кольца или серьги или выковырять их и украсить коробку – кукольный дом!..

Мама почему-то подарку была не рада и на кухне брезгливо отодвинула его на край стола. После ухода гостей она спрячет чудо-приспособления в нижний кухонный ящик.

Толику старший брат тоже принес диковинку – милицейский ПМ. Точная копия пистолета Макарова вплоть до серийного номера на рукояти была «куклой» с функциональной нагрузкой: если спустить курок – загорался огонек зажигалки над дулом.

Папа никогда особой эмоциональностью в быту не отличался – поэтому мелькнувшую на его лице крайнюю степень недоумения пополам со смущением обе дочери успели заметить. А Юля с удивлением спросила на кухне у Люды: – Как эта Лена так быстро похудела?

Видимо, под плащ она собирала все честно стянутое своим напарником из карманов и прилавок.

Мелких быстро выпроводили из-за стола.

– Ну что, брат, это мы сколько не виделись? Лет семь? – поднял фужер Сережка.

– Одиннадцать, – уточнил Толик.

– Ты прикинь, как у нас ходки не совпадают, – рассмеялся Сергей. – Ты знаешь, я иногда завидую, что мама тебя в интернат отдала – вон, большим человеком стал. Ученым.

– А я тебе. Ну там, в детстве. Что мама тебя выбрала.

– Да что я? Жизнь моя пропащая. Я ж ненадолго на воле. Все понимают – и ты, и даже Ленка. И ждать никто не будет. Даже мама. На кой я ей такой непутевый?

Сережка в этот раз задержится, к неудовольствию Фени, аж на три месяца. И будет бродить по ночам, и на работу не пойдет, и бабу очередную в ее чистоту и красоту притащит. Вон участковый через день заглядывать станет, и соседи недобро за спиной шептаться.

А набор Люда ни разу не достанет, несмотря на уговоры дочерей.

– Все поймут, что у нас уголовники в семье, – шепотом объяснит она старшей.

1987

Тайна

Толик с апреля собирался в очередную гонку – через десять лет они снова шли в Варну на кубок Георгия Димитрова. Состав был знатный – больше шестидесяти экипажей из Болгарии и СССР, и среди них его «Алмаз».

Но в этом году подготовка к соревнованиям была смазана бесконечными домашними хлопотами. Верба не мог отказать Люде. Она впервые воспользовалась его жизненным принципом: «Никогда не проси, если можешь сделать сам. Никогда не отказывай, если попросили о помощи».

И она потребовала. Толик и сам видел: при всем желании в этот раз она одна не справится.

Это была эпохальная сделка века. Их семейная тайна длиной в полтора года. И все потерянные четверговые вечера на «стихийных биржах» на Черемушках и проспекте Мира. С объявлением: « $3 + 2 = 4$ или 5 »... Больше всего его бесили любопытные, которые просто наболтать интересовались подробностями про Мельницкую и Бочарова и тут же отваливали – потому что им нужно две однокомнатные. Чего приставали?!

В Новом, 1986 году они приняли решение – съехаться. А три плюс две можно поменять на четыре или пять. Главное дожидаться. Вариант с доплатой они даже не рассматривали: мы вам две квартиры, одна новая совершенно, еще и денег дать?!

В газете «Одесская реклама», куда Люда подавала объявления, она обводила фломастером интересные варианты и вечерами прозванивала. Звонили и ей. А еще приходили посмотреть. У Людки вдруг случился принцип – никто во дворе не должен знать, что они ищут обмен. Никто – чтоб не сглазили или не навели вора. Почему, кроме курсантов, в двенадцатую по пятницам стали захаживать гости, никто не догадывался, но не заметить такой поток новых лиц было невозможно.

– А шо до Людки как на работу гости ходят? – покосилась на незнакомую пару Дуся.

– А холера их знает. Может, Толик барыжит чем-то из своей лаборатории? Помните – то воду живую и мертвую делал, то прополис настаивали, – предположила Ида Львовна.

– Ты совсем без мозгов – прополис у меня все брали! – огрызнулась Дуся.

– И шо? Сама без мозгов, – вписалась Ася Ижикевич. – Подвиньтесь. Чем он может барыжить? Он же в рейсы не ходит, диссертацию написал. Может, читают чего запрещенного, как Нюсяка?

– Ничего запрещенного мы не читаем, – поджала губы Нюся Голомбиевская-младшая. – Просто общаемся, меньше подслушивайте. А у Вербы журфиксы, наверное. Это сейчас модно.

– Что у них?! – развернулась Дуся.

– Журфиксы – такой день для приемов и салона. Раньше у Лидии Ивановны были. Теперь, может, Люда решила приличных гостей принимать.

– А чего разные каждый раз?

– Да откуда я знаю?!

– А должна знать – через стенку живете. Поставила бы стакан да послушала, – посоветовала Дуся.

– Это отвратительно! – вспыхнула Нюся. – И зачем оно мне надо?

– Это потому, что сама диссидентка и вражеские голоса вечерами слушаешь, и всякую дрянь распечатанную читаешь, – резюмировала Дуся.

– Шо я читаю, вы тоже через стакан слышали?

– Нет, у тебя приемник так орет, что хоть уши затыкай, – отрезала Дуся.

– Да шо вы мучаетесь? Учитесь, – подбоченилась Ася. – Леся, деточка, а ну кинь тот мячик, ходи сюда. А шо за люди до вас приходят?

Леся задумчиво расчесывала комариный укус на плече:

– Не знаю. У мамы спросите. Это к ним с папой. О! Лучше у папы.

Она развернулась и убежала под лестницу с криком:

– Играем в «вышеножку»!

Спрашивать что-то у Людкиного непьющего очень странного мужа боялась даже Ася Ижикевич.

– Ну не вышло... вся в отца, – философски отметила она.

А Люда в это время заклеивала пятна сырости на обоях в детской Юлиными рисунками. Из крупноформатных оказалась только неудачная версия стенгазеты с рукой-голубем на фоне земного шара. Юля негодовала – что за странный вкус? Зачем крепить на стену плохой рисунок, когда полный альбом красивых. Но мама ее не слушала. К рукоголубю в компанию пошли страницы из большого отрывного календаря с котиками. Сюжет получался зловещий – пять хищников взяли в плотное кольцо символ мира, зато пятна были больше не видны.

Юля и Леся знали – у них есть шанс жить в новой чудесной квартире вместе с Нилой и Женей. Но надо молчать. Вторым условием стали бесконечные уборки. За этот год они убрали свою комнату на полжизни вперед – каждый день подметать, вытирать пыль, складывать игрушки. Юля быстро сообразила, что вещи можно прятать под подушку и в стол – там гости не смотрят, а время на самое ненавистное занятие на свете сокращается в разы.

Квартиру смотрели, но Молдаванка с полутемной кухней и очень уж далекий новый дом энтузиазма у смотрящих не вызывали.

Чудо случилось почти полтора года спустя. Коммуна на Таирова на две семьи. Обе – военнослужащих. У одной – три комнаты, у второй – две. Общую кухню два капитана поделить не смогли, и когда в третий раз за месяц перешли в рукопашную, жены поставили ультиматум. Военные – люди дисциплинированные, и приказ от старших по дому исполнили быстро в первый же заход на черную биржу. $3 + 2 = 5$ устраивало всех.

Теперь у Люды появилась новая задача – собрать вещи трех поколений так, чтобы опять никто не догадался до самого отъезда.

Каждый вечер они с Нилой, Женей и Тосей перебирали и паковали коробки и тюки.

– Зачем нам кримплен?

– Ты хочешь выбросить два метра нового кримплена?! – Женя, прищурившись, смотрела на внучку. – Серьезно? Может, еще японский шелк трофейный на мусорку отнесем?!

Толик молча паковал книги. Всю огромную библиотеку, которую они с помощью Нилиных связей и собственных подписок насобирали за двадцать лет.

Через день разборы полок, альбомов и чемоданов превратились в литературные вечера.

– А что это за письма? – спрашивала Юля, вынимая сверток толщиной с большую советскую энциклопедию.

– Дай сюда! – Нила расплылась в улыбке. – Это моя дочечка мне писала с Дальнего Востока, о, и мои ответы все тут!

Нила выдернула наугад, как купюру из пачки, конверт и развернула тетрадный листок. Люда оставила альбом и присела рядом. Женя Косько со вздохом пошла ставить чайник, а через час, когда мама и дочь, хихикая и вытирая слезы, дочитывали двадцатое письмо, мадам Косько не выдержала:

– Так, изба-читальня! Мы за год с такими темпами не соберемся. Выбрасываем?

– Нет! – хором закричали Нила и Люда.

Пришла очередь фотоальбомов. Кожаных, бархатных, с тиснением и без. С прорезями и клеевыми уголками.

– Mam, ну кто все эти люди? Это же какие-то друзья Ксени неизвестные. Ну зачем он нам?

– Там Ксюха везде есть – что, хочешь свою благодетельницу выкинуть?! Ой, Лидка с Николенькой – я эту фотографию даже не видела, – потянулась Женя. – Жалко, Нестора ни одной карточки нет почему-то.

– А сколько ж вас было?

Женя, прикурила очередной беломор и откинулась на стуле. Этой домашней заготовкой можно было сразу занудить и разогнать обеих любопытных правнучек.

– У мамы было шесть душ детей: Лида – ровесница века, Нестор – тысяча девятьсот второго года рождения, Аня – пятого года, я – седьмого, Котя и Ксе...

– А почему тетя голая? – Леся вытащила из-под фотографии в альбоме, другую, чуть меньше, с кокетливой девушкой, слегка прикрытой простыней и мощным начесом на голове.

Женя брезгливо разорвала фото:

– Это Тамара, бывшая Сашкина жена, прости господи. Развели невесть что. Зачем Ксюха это хранила? Там и смотреть нечего – ни рожи, ни кожи! Как она Сашку-то захомутала?!

– А чего она без майки? – не унималась Лесенька.

– Жарко было, – отрезала Женя. – Ты летом тоже без майки ходишь!

– Мы что, вообще ничего выбрасывать не будем? – сокрушенно спросила Люда и, посмотрев на молчащих Женю и Нилу, ответила: – Я все поняла. Не будем. И что? Даже ЭТО оставим? – Она держала двумя пальцами за завязку маленький бархатный кисет.

– А это что? – близоруко прищурилась Нила.

Люда эффектным движением растянула завязки и высыпала на стол пригоршню пожелтевших молочных зубов.

– И чьи это?

– Ксюхины, наверно, – наклонившись и осмотрев артефакты, невозмутимо сказала Женя, – или Сашки ее.

– Их тоже с собой забираем? – съехидничала Люда.

– Ой, можно подумать, они полчемодана занимают! – фыркнула Женя.

На предложение в последний день раздать ненужные игрушки Юля и Леся с удивлением посмотрели на родителей:

– В смысле «ненужные»? Что значит ненужные игрушки?!

– Ну тебе уже тринадцать! Куклы эти тебе зачем?!

– Это мои куклы. Вы мне их подарили, а эту – Нила.

– Тебя замуж скоро позовут!

– Никаких замуж! Я буду жить одна! У меня будут только книжки, два кота, папиросы, как у Жени, и московская колбаса в холодильнике!

– Угу. И куклы, – ответила Женя, – как же. Разбежалась. У нас в роду долго в девках не задерживаются.

Юля прижала к груди немецких пупсов с мягкими лицами:

– Ну тогда я их своим детям сохраню!

Прощай

Ни многочисленные многолетние закрутки с компотами и салатами, ни американские так и не прочитанные книжные новинки Сашки Ильинского, ни чугунные формы для куличей Фиры Беззуб не останутся на Мельницкой. Они заберут все.

Наконец-то можно было говорить. Накануне Толик ночевал под нотариальной конторой и был в очереди на нужную дату всего пятым. Он оказался самым дальновидным и стойким и не ушел после

полуночи, потому что в четыре утра набежали новые страждущие и хотели написать свою списочную очередь. Толик отбился.

Обмен официально состоялся. На руках – заветный ордер. Нила договорилась с заводскими про два грузовика и автобус.

– Все комнаты светлые, – триумфально вещала Женя притихшим соседкам. – Пять! И все раздельные, и кухня десять метров с окном! И галльон отдельно! – Она осмотрела дворовых – зависть и недоверие читались на всех лицах.

– И вот так? Без доплаты такие хоромы да еще и в высотке? – не выдержала Ася Ижикевич.

– Да, – небрежно бросила мадам Косько. – Не зря Люда с Толиком два года искали.

– Надо же! Прямо партизаны, – уважительно резюмирует переезд Ася.

* * *

– Ноев кортеж, – осматривая проплывающие на плечах Вербы и курсантов коробки и чемоданы, пробормочет Женька, затягиваясь беломором и выпуская дым в синее июньское небо Молдаванки. Никого, кроме пришедшей в конце двадцатых древней Аси Ижикевич, не осталось во дворе. Да и их род Беззубов, пустивший на Мельницкой, 8 столько побегов и отростков, вдруг сократился, ссохся до одной Женьки и потерянных на далекой пятой станции дочерей Котьки. Пропала фамилия – одни бабы остались. Женька смотрела из угла галереи на дальнее окно покойной Гордеевой: вон там смотрит немигающим совиным взглядом Елена Фердинандовна, тощий Петька целует обручальную гайку, из подворотни выныривает черным котом Борька Вайнштейн, а в углу сидит на лавочке, разложив живот на коленки, мадам Полонская. Въезжает во двор подвода с пьяненьким Гедалей, а вот, улыбаясь, возвращается со смены Ванечка Беззуб и мама Ира-Фира, вытирая руки о фартук, как девчонка, бежит его встречать.

История, которая принесла сюда почти сто лет назад юных Беззубов, вымыла морской волной из ракушняковых толщ Мельницкой всех старых обитателей. Еще раз накатит – и Женькин след тоже сотрется...

– Ба!!! Ну ты идешь?..

Эпилог

Лидия Ивановна Ланге получит то, чего панически боялась, – беспомощность: она, как Ксения, пролежит год, разбитая инсультом, и уйдет в восемьдесят девятом.

Женька Беззуб продержится такой же негибаемой и замкнутой еще два года после ухода Лидки и перед смертью попросит прикурить и дать ей любимый беломор.

Деньги за Ксюхин дом сгорят на счетах во время девальвации в девяностых.

Толик Верба примет участие в парусном Эвересте – кругосветной гонке «Уитбред 89/90» и, вернувшись, начнет собственный проект: в следующую кругосветку пойдет его «Одесса-200» – яхта в честь двухсотлетия родного города. Он найдет все – от конструктора и команды до спонсоров.

Люда с отрезанной в 88-м грудью и метастазами по всему телу выучит бухучет, чтобы помогать мужу в его проекте, а когда перед стартом гонки Тосину яхту арестуют в Америке за долг по такелажу, она будет две недели жить под мэрией с альбомом газетных вырезок об «Алмазе», Вербе и мировой гонке и рыдать. Она на коленях вымолит у города невероятную сумму – пятьдесят тысяч долларов, чтобы он мог осуществить свою мечту.

В день, когда многодетная мама Юля Верба допишет последнюю главу «Одесской саги», арт-дива Леся Верба улетит жить в Нью-Йорк.

Примечания

1

Мица – курсантская фуражка.